Сергей Кара-Мурза

Между идеологией и наукой

Москва
Научный эксперт
2014

УДК 316.75:001
ББК 60.033.3
К 21

Кара-Мурза С.Г.

К 21 **Между идеологией и наукой.** 2-е изд. — М.: Научный эксперт, 2014. — 248 с.

ISBN 978-5-91290-215-4

К концу 80-х годов перестройка переросла в глубокий кризис, который позволил ликвидировать СССР, подорвать хозяйство и сменить общественный строй. Важным условием этого процесса была несостоятельность советского обществоведения. Оно не предвидело этого кризиса и угроз, создаваемых проектами перестройки. Эта слепота была в основном дефектами методологии наших социальных наук, но большую роль сыграло то, что ряд авторитетных, ведущих ученых отошли от норм науки и выступили как идеологи. Они заклеймили советский строй и повели пропаганду капитализма западного типа. В массовом сознании они создали ложные образы – и СССР, и «рынка». Страна стала зоной социального бедствия и еще долго будет залечивать раны. Однако урока из провала 90-х годов не извлекли. Ни сдвига в методологии, ни преодоления диктата идеологии в общественных науках пока не произошло. Это становится все более опасной угрозой для России.

УДК 316.75:001
ББК 60.033.3

© Кара-Мурза С.Г., 2014
© Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, 2014

ISBN 978-5-91290-215-4

Содержание

Раздел I. Общественное сознание и гуманитарная интеллигенция (обществоведы) 4

1. Советское обществоведение и шестидесятники 4
2. Великий поход против СССР 26
3. Культурные особенности дискурса идеологов антисоветской революции 51

Раздел II. Объекты идеологических атак 71

4. Демократия 72
5. Операция в антропологии: пропаганда социал-дарвинизма 78
6. Поход против равенства 88
7. Стреляли в коммунизм, а попали в Россию 96
8. Подрыв советского хозяйства 107
9. Операция «загрузка мусора». Case study: понятие «отчуждение» 136
10. Ликвидация системы ирригации и мелиорации 156
11. Почему антисоветская революция перерастает в перманентную? 159
12. Уход от рефлексии: постсоветские аксиомы о социологии 165

Раздел III. Постсоветское обществоведение: изъяны школьного учебника 169

13. О школьном учебнике обществознания 169

Заключение 236

Литература 239

Раздел I. Общественное сознание и гуманитарная интеллигенция (обществоведы)

1. Советское обществоведение и шестидесятники

Как сказал Г. Плеханов, «нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы, которого не сопровождало бы и за которым не следовало бы известное состояние сознания».

Политическое действие, которое приводит к какому-то сдвигу в общественных отношениях, — это «исторический факт». Это действие невозможно, если ему не предшествует соответствующее изменение в сознании группы людей. Вся история показала, что это условие является *абсолютным*. Многие философы утверждают это в разных выражениях. Как подчеркивал один из ведущих социологов современности П. Бурдье, «политический бунт предполагает бунт когнитивный, переворот в видении мира».

Когнитивный бунт — это перестройка мышления, языка, «повестки дня» и логики объяснения социальной действительности. Само по себе *недовольство* этой действительностью к «политическому бунту» не ведет. Например, в настоящий момент большинство населения России не просто недовольны реальностью, но испытывают страдания. В 2011 г. Институт социологии РАН опубликовал большой доклад, подводящий итоги исследований восприятия реформы в массовом сознании — с начала реформ до настоящего момента. Большой раздел посвящен «социальному самочувствию» граждан, т. е., состоянию их духовной сферы.

В докладе сказано: «Рассмотрим ситуацию с негативно окрашенными чувствами и начнем с самого распространенного по частоте его переживания чувства **несправедливости всего происходящего вокруг**. *Это чувство, свидетельствующее о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося в России, испытывало в апреле 2011 г. хотя бы иногда подавляющее большинство всех россиян (свыше 90%), при этом 46% испы-*

тывали его часто. … На фоне остальных негативно окрашенных эмоций чувство несправедливости происходящего выделяется достаточно заметно, и не только своей относительно большей распространенностью, но и очень маленькой и весьма устойчивой долей тех, кто не испытывал соответствующего чувства никогда — весь период наблюдений этот показатель находится в диапазоне 7–10%. Это свидетельствует не просто о *сохраняющейся нелегитимности сложившейся в России системы общественных отношений в глазах ее граждан, но даже делегитимизации власти в глазах значительной части наших сограждан, идущей в последние годы*» [1].

Почему же у массы страдающих людей не возникает попытки организоваться, чтобы совместно разобраться в причинах своей беды и вариантах действий для того, чтобы воздействовать на социальную действительность с целью ликвидации или хотя бы ослабления этих причин? Потому, что их когнитивная структура, т. е. весь инструментарий их мышления и «видения мира», сформированный в 1990-е годы, не изменился. После 2000 г. он совершенствовался всеми средствами, которыми располагали власть имущие, и сегодня охраняется средствами воздействия на массовое сознание. Пока что для этого достаточны экономические и культурные средства, сила применяется в небольших порциях. Признаков когнитивного бунта пока нет, процесс обновления инструментов мышления требует времени и усилий всех социокультурных групп и, прежде всего, интеллигенции.

Одно из необходимых усилий — изучение уроков истории, и прежде всего истории близкой, лучше всего отечественной, которая творилась на нашей культурной почве. Здесь нам очень повезло — мы пережили катастрофу крушения советского строя (те, кому за 35). «Чем эпоха интересней для историка, тем для современников печальней». Как же был подготовлен тот когнитивный бунт, который обернулся тяжелейшим ударом по жизни большинства нашего населения? Кто и как подготовил то «известное состояние сознания», в котором люди равнодушно, или даже аплодируя, отдали свое национальное достояние ничтожному меньшинству, которое ничем его не заслужило?

Как известно, во время перестройки верхушка КПСС с помощью идеологической машины и используя «недоброжелатель-

ное инакомыслие» большой части интеллигенции, сумела разрушить ту «мировоззренческую матрицу», которая служила основой легитимности советского общественного строя и его политической системы (СССР). Для этого не требовалось, чтобы большинство населения заняло антисоветскую позицию, было достаточно, чтобы в массовом сознании иссякло *активное* благожелательное согласие на существование СССР. Если население поддерживает политическую систему пассивно, то организованные заинтересованные силы способны сменить социальный строй и политическую систему. А такие силы имелись и в стране, и за ее рубежами.

Сдвиг интеллигенции к идее перестройки экономики и перехода к частному предпринимательству происходил быстро и вопреки установкам основной массы населения. Это отражено в большом докладе ВЦИОМ под ред. Ю. Левады «Есть мнение» (1990 г.) [110]. В общем, вывод авторов книги таков: «Носителями радикально-перестроечных идей, ведущих к установлению рыночных отношений, являются по преимуществу представители молодой технической и инженерно-экономической интеллигенции, студенчество, молодые работники аппарата и работники науки и культуры» [110, с. 83].

Мы не можем сказать, какая доля интеллигенции была «носителями радикально-перестроечных идей», но можем утверждать, что эта часть была достаточна, чтобы подготовить и осуществить «когнитивный бунт, переворот в видении мира», необходимый для «политического бунта» 1991 г. Критическая масса интеллигенции обладала разнообразием, квалификацией и влиянием, чтобы выполнить свою миссию по подрыву легитимности СССР. Остальное было делом техники для партийно-государственной верхушки и ее внешних союзников.

Здесь мы не будем рассматривать структуру элиты советской интеллигенции, которая стала авангардом перестройки, это большая тема, и ее сначала надо «переварить» по частям. Отмечу только, что все части этого авангарда выполняли важные функции, как разные рода войск в большой операции. Некоторые авторы выделяют ту или иную функцию как решающую[1]. Но,

[1] Например, важную роль в подтачивании легитимности СССР сыграли юмористы, начиная с конца 1950-х годов, с А. Райкина. Видный социолог

скорее, победа была достигнута именно благодаря системности воздействия на сознание населения.

В принципе, более чем за полвека до перестройки Антонио Грамши весьма точно предсказал, какими средствами воздействия на сознание интеллигенция укрепляет или разрушает легитимность общественного строя (он использовал понятие *культурной гегемонии*). Но в наше время примерно о том же пишут современные культурологи и социологи, очевидцы и участники разрушения СССР. Отвлечемся от того, ликовали они при этом или страдали. Они оставили важные наблюдения.

Г.С. Батыгин дает такое общее определение: «Интеллектуалы и публицисты артикулируют и обеспечивают трансмиссию “социального мифа”: идеологий, норм морали и права, картин прошлого и будущего. Они устанавливают критерии селекции справедливого и несправедливого, достойного и недостойного, определяют представления о жизненном успехе и благосостоянии, сакральном и профанном. Любая тирания уверенно смотрит в будущее, если пользуется поддержкой интеллектуалов, использующих для этого образование, массовую информацию, религию и науку. Но, если альянс власти и интеллектуалов нарушен, происходит кризис легитимности и реформирование системы…

Причины социальных трансформаций обычно усматриваются в противостоянии власти и народа. Принято ассоциировать “тоталитарную власть” с силами зла и репрессии, а “народ”, по определению, воплощает начала добродетели и справедливости. Вероятно, эта точка зрения основана на мистификации “власти” и “народа” и не объясняет кризисы легитимности, которые возникают внутри институтов власти и лишь затем мобилизуют “народные” социальные движения. Не исключено, что кризис легитимности коммунистического и посткоммунистического режимов в России связан преимущественно с позиционным

Г.С. Батыгин (1951–2003) писал: «Риторика обновления в значительной степени основана на парадоксе и оксюмороне, легко преодолевавших бинарные оппозиции советской языковой системы, смехе, пародировании прецедентных текстов и рецитаций. … Смех и парадокс, внедренные в социальный дискурс, разрушили легитимационные устои советского государственного устройства» [3, с. 41]. Это так, но разрушили, действуя как элемент системы.

конфликтом в дискурсивном сообществе, “новом классе”, который был классом пришедших к власти людей “литературного сословия” (*ordo literatorum*), идеократии, и участвовал в конституировании социальных порядков до конца 1980-х годов, когда альянс власти и интеллектуалов был разрушен» [3, с. 45][2].

Примерно так же видит главную суть столкновения перестройки и «бархатных» революций П. Бурдье. Он пишет: «Все заставляет предположить, что в действительности в основе изменений, случившихся недавно в России и других социалистических странах, лежит противостояние между держателями политического капитала в первом, а особенно во втором поколении, и держателями образовательного капитала, технократами и, главным образом, научными работниками или интеллектуалами, которые отчасти сами вышли из семей политической номенклатуры» (см. [4]).

Здесь, помимо того что указывается на роль интеллектуалов в выполнении основного объема работы по делегитимации советского строя, предлагается гипотеза о критическом значении *элиты* гуманитарной интеллигенции — той части «литературного сословия», которая стала уже сама *частью власти*. Речь идет не о чиновниках, а о руководителях СМИ, учреждений культуры и общественных наук, влиятельных советниках высшего эшелона партийной и государственной власти.

Один из ведущих советских марксистов и социологов Б.А. Грушин, в 1960-е годы работавший в Праге в редакции

---

[2] Здесь приводится много выдержек из работ Г.С. Батыгина (1951–2003). Это был умный человек с научным типом мышления. Он один из немногих социологов занимался изучением когнитивной платформы советского и постсоветского обществоведения. Кроме того, он был вхож в элиту этого сообщества, более того, во время перестройки занял антисоветскую позицию, и его суждения об этой элите нельзя назвать пристрастными. Он сказал в интервью: «Мне исключительно повезло, что я уже не живу при советском режиме, всю отвратительность которого понимаю только сейчас. В биологических терминах его можно назвать рецессивным, т.е. вырождающимся, тупиковым. Если бы советская власть продолжалась до сих пор, моя судьба была бы катастрофической. Я бы никогда не увидел тех возможностей, которые есть сейчас. Я не могу себе представить без ужаса, что творилось. А сейчас есть огромные возможности — это величайшее благо» [30].

журнала «Проблемы мира и социализма»[3], писал в воспоминаниях: «Когда я вернулся из Праги, то обнаружил, что многие мои приятели по журналу (Амбарцумов, Арбатов, Жилин, Загладин, Фролов) пошли в большую политику. Из нашего круга, по-видимому, лишь мы с Мерабом (а потом и Араб-Оглы) не сделали этого. И просто потому, что, как сказал однажды Мераб, мы никогда не были "шестидесятниками", "родились немного раньше" и "никогда не участвовали в чужих войнах, ведя свои"» [10].

Упомянутый здесь Мераб Константинович Мамардашвили, который в кругах либеральной интеллигенции считается крупнейшим советским философом и который работал в Праге в редакции этого журнала в 1961–1966 гг., говорил в интервью в 1988 г.: «Вскоре после 1956 г. можно было наблюдать сразу на многих идеологических постах появление совершенно новой, так сказать, плеяды людей, в то время сравнительно молодых, которые отличались прогрессивным умонастроением и определенными интеллигентными качествами. Ну, скажем, там были такие люди, как Вадим Загладин, Георгий Арбатов — это мои бывшие коллеги по Праге начала 60-х годов. Борис Грушин, Юрий Карякин, Геннадий Герасимов… Иван Фролов, Георгий Шахназаров, Евгений Амбарцумов. И всю эту плеяду людей собрал в свое время Румянцев Алексей Матвеевич. В последующем редактор "Правды", а потом вице-президент Академии наук.

Многие из них — после Праги — пошли на важные идеологические посты. Возвращаясь, они практически все … пополняли и расширяли так называемую интеллектуальную команду в политике и идеологии… Очевидно, все они участвуют сегодня в написании политических и других текстов в аппарате ЦК…

[3] О группе работавших там гуманитариев в сентябре 2010 г. был показан по телевидению на канале «Культура» восьмисерийный фильм «Отдел (шестидесятники)», как сказано, «удивительным образом реконструирующий возрождение свободной философской мысли в советской России конца XX века». Пресса писала о фильме: «Люди, чьи имена делают честь нашей философской культуре, — Александр Зиновьев, Мераб Мамардашвили, Георгий Щедровицкий, Александр Пятигорский, Эвальд Ильенков, Эрих Соловьев, Карл Кантор, Юрий Левада, Борис Грушин предстанут в нем неожиданно крупным планом и в неожиданной полноте образа времени».

Большинство из них ко времени Горбачева оставалось на своих постах. Они служили» [11][4].

Таким образом, в процессе перестройки, приведшей к краху СССР, нет и следа «народной революции» или тяжелого экономического кризиса, который бы толкнул трудящиеся массы на баррикады. Кризис был создан самой властью «новой формации», начавшей демонтаж советской хозяйственной системы в 1988 г., а годом позже — и политической системы.

Г.С. Батыгин указывает на этот важный факт: «Ни “крестьянские войны” и голод в деревне, ни массовые репрессии, ни низкий уровень жизни не поставили под вопрос существование коммунистического режима. Его крах стал следствием разрушения “социальной теории” и конфликта в дискурсивном сообществе в относительно стабильных политических и экономических обстоятельствах. Он был предуготовлен движением “шестидесятников” и вступил в критическую фазу в период “плюрализма мнений”, обозначенного атакой “докторальной публицистики”, которая стала играть роль альтернативного мозгового центра страны. Атака исходила от идеологических изданий, в числе которых был и теоретический орган ЦК КПСС журнал “Коммунист”. Реформирование “социальной теории” осуществлялось публицистами перестройки путем форсирования моральных требований правды, справедливости, подлинной демократии и свободы» [3, с. 58].

Здесь — важная и четкая формулировка того факта, на который в разных формах указывали многие авторы: крах СССР «предуготовлен движением “шестидесятников”». Но «шестидесятники» — это особая общность элитарных советских интеллигентов, принадлежащая к конкретному *поколению*. Оно сформировалось во второй половине 1950-х годов, во время «оттепели»

---

[4] Интеллектуалы, которых приближали к власти, были людьми в некоторых отношениях отборными. Они были «идеологическим спецназом», а не учеными, ищущими истину. Г.С. Батыгин писал: «Советская интеллигенция в большинстве случаев стремилась в партию, но партия имела основания сторониться экстатического дионисийского начала в интеллигентском дискурсе, вполне резонно предполагая в нем разрушительные тенденции. Оставшаяся от сталинского партийного аппарата дисциплина “ордена” проводила жесткую границу между властью и интеллектуалами, и данное обстоятельство стало одним из механизмов разрушения режима» [3, с. 43].

Хрущева. Г. Павловский писал так: «Небольшая прослойка оппозиционно настроенной интеллигенции, условно именуемая “шестидесятниками”».

Элитарность этой прослойки определялась не социальным происхождением, а уровнем образования. Советские интеллигенты к 1950-м годам осознали себя «благородным сословием», ответственным за судьбы России. Один из высших авторитетов советской философии, М.К. Мамардашвили, так описал типичный портрет шестидесятника в его развитии: «Нормальный опыт людей моего поколения, связанного с идеологией, … такой жизненный путь, точкой отсчета которого были марксизм или социализм и вера в идеалы марксизма и социализма… И все они проходили этот путь, следуя той системе представлений и образов, что были завещаны революцией…

Значит, тот, кто проходил этот путь, осознавал себя, в отличие от консерваторов и догматиков, в терминах … порядочности и интеллигентской совести. И когда наступила хрущевская “оттепель”, то это было, конечно, их время. Для них это была эпоха интенсивной внутренней работы, размышлений над основами социализма, попыткой изобретения новых концепций, которые исправили бы его искажения и т. д. Например, они активно включились в разработку известной хрущевской программы о приближении коммунизма. Были буквально вдохновлены ею… Многие этим занимались. Появились такого рода люди в ЦК, в виде советников и референтов, в издательствах, газетах и т. д. Причем часто на ключевых позициях» [11][5].

А.Н. Яковлев писал в 2001 г.: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды “идей” позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому

[5] Уже в 1970-е годы интеллектуальная бригада Брежнева была укомплектована шестидесятниками. А.Н. Яковлев вспоминает: «Какая-то часть Политбюро (Тихонов, Гришин, Суслов и др.) вела атаку на рабочее окружение Брежнева, авторов его речей (Иноземцева, Арбатова, Бовина, Загладина, Шишлина, Александрова-Агентова, Цуканова и др.), обвиняя их в том, что они “сбивают с толку” Брежнева, протаскивают ревизионистские мысли» [39, с. 377].

без устали говорили о “гениальности” позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому “плану строительства социализма” через кооперацию, через государственный капитализм и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и “нравственным социализмом” — по революционаризму вообще» [44, с. 14].

Часть шестидесятников почти сразу сдвинулась к открытому инакомыслию, критическому по отношению к политической системе СССР — они стали *диссидентами*. Каковы масштабы этой прослойки, можно судить по оценкам самих участников протестов, которые вели исторические изыскания: «С 1965 г. в петициях, заявлениях, протестах приняло участие, по грубой оценке, около 1500 человек, в основном научная и творческая интеллигенция» (оценки Богораз Л. и др., 1991).

Тем не менее директор Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ) В.М. Воронков (сам поучаствовавший в «мягком» диссидентстве) пишет о шестидесятниках: «Это поколение, ставшее поставщиком ресурсов для движения протеста, сыграло решающую роль в подготовке революционных изменений в обществе, которые произошли три десятилетия спустя» [5]. Численность — не главный фактор. Шестидесятники были «дрожжами», и в период мировоззренческого кризиса советского общества (1960–1990 гг.) снабжали дезориентированных этим кризисом людей идеями, языком, песнями и анекдотами.

Люди старшего поколения помнят еще «самиздат» — издание идеологической продукции диссидентов. Но его влияние нельзя верно оценить, если не учесть, что почти все его материалы к тому же зачитывались по радио, а «голоса» слушала значительная часть интеллигенции. В СССР индустрия «самиздата» расцвела в 1960-е годы, и к 1975 г. ЦРУ разными способами участвовало в издании на русском языке более чем 1500 книг русских и советских авторов. В «точке бифуркации», в ситуации неустойчивого равновесия, диссиденты очень помогли антисоветским силам толкнуть процесс к гибели СССР (подробнее см. [6]).

В 1960-е годы общность шестидесятников разделилась: одна ее часть, количественно небольшая, стала «диссидентами», начав открытую борьбу (в сфере сознания) с политической системой СССР, другая часть стала делать карьеру внутри политической системы, сращиваясь с властью. Ведущие институты Секции общественных наук АН СССР в лице их ведущих сотрудников были напрямую связаны с ЦК КПСС. А.Н. Яковлев вспоминал о своей работе директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО): «Практически институт считался как бы научно-исследовательской базой ЦК, выполнял разные поручения, готовил десятки справок (например, работники международного отдела ЦК очень любили перекладывать собственную работу на институты). Институтские ученые часто привлекались к подготовке выступлений и докладов для высшего начальства, что считалось “большим доверием”. А те, кому “доверяли”, были людьми, как правило, с юмором. Когда начальство произносило “свой” текст, его авторы садились у телевизора и комментировали это театральное представление: «А вот этот кусок мой”, “А вот эту чушь ты придумал”, “А теперь меня читает”. Смеялись. А на самом-то деле на глазах творился постыдный спектакль абсурда» [39, с. 380].

Я бы сказал, тут проявилось не чувство юмора, а ressentiment.

В 1970-е годы произошло размежевание шестидесятников с «почвенниками». В некоторой мере эти части воссоединились в ходе перестройки и образовали «интеллектуальную элиту» антисоветского режима, который установился в России.

Строго говоря, эта социокультурная группа уже в преддверии перестройки оторвалась от той общности, которую обозначали термином «русская интеллигенция». Перестройка и реформа (а точнее, мировоззренческий кризис с 1960-х годов) изменили ценностную платформу этой «элиты», устранив из нее те нравственные ценности, которые и были отличительным признаком интеллигенции.

Вспомним историю самого понятия «интеллигенция». О.К. Степанова пишет об этом: «Интеллигенция… В нашей стране названное понятие было “запущено” еще в 70-е годы XIX в. популярным в то время писателем П. Боборыкиным… Понятие интеллигенции тогда и некоторое время спустя в России имело

совершенно четкую духовно-политическую атрибутику — *просоциалистические взгляды*. Этот ее признак в начале XX в. для многих был еще достаточно очевиден. … В межреволюционный период вопрос о судьбе интеллигенции ставился в зависимость от ее *отношения к капитализму*: критическое — сохраняло ее как общественный феномен, а лояльно-апологетическое — уничтожало. А вот сегодня отношение к социальной проблематике практически не упоминается среди возможных критериев принадлежности к интеллигенции» [7].

Пока неясно, может ли сохраниться при таком повороте сам феномен русской интеллигенции. Н. Бердяев считал критерием отнесения к интеллигенции «увлеченность идеями и готовность во имя своих идей на тюрьму, на каторгу, на казнь», при этом речь шла о таких идеях, где «правда-истина будет соединена с правдой-справедливостью». Если так, то статус интеллигенции сразу теряет та часть образованного слоя, которая в конце 1980-х годов отвергла ценность справедливости и заняла лояльно-апологетическую позицию в отношении капитализма (причем даже не «окультуренного» европейского, а «реального» российского). Эту позицию заняла очень существенная часть, особенно в элитарных группах гуманитарной интеллигенции.

О.К. Степанова продолжает, уже конкретно относясь к интеллигенции периода после 1990 г.: «Антитезой “интеллигенции” в контексте оценки взаимоотношения личности и мира идей, в том числе — идей о лучшем социальном устройстве, являлось понятие *“мещанство”*. Об этом прямо писал П. Милюков [в “Вехах”]: “Интеллигенция, безусловно, отрицает мещанство; мещанство, безусловно, исключает интеллигенцию”…

Интеллигенция в России появилась как итог социально-религиозных исканий, как протест против ослабления связи видимой реальности с идеальным миром, который для части людей ощущался как ничуть не меньшая реальность. Она стремилась, во что бы то ни стало избежать полного втягивания страны в зону абсолютного господства “золотого тельца”, ведущего к отказу от духовных приоритетов. Под лозунгами социализма, став на сторону большевиков, она создала, в конечном итоге, парадоксальную концепцию противостояния неокрестьянского тради-

ционализма в форме “пролетарского государства” — капиталистическому модернизму» [7].

Посвятив себя «втягиванию страны в зону абсолютного господства *золотого тельца*», элитарная часть той общности, которую обозначали словом «интеллигенция», совершила радикальный разрыв с этой общностью, что привело к ее дезинтеграции — «трудовая интеллигенция» пока что в новую общность собраться не может. Более того, «либеральная интеллигенция» в большинстве своем встроилась в новые общности «победителей» как идеологи, предприниматели, эксперты и управленцы. Они были интеллектуальным авангардом антисоветских сил и имеют право на свою долю трофеев.

В настоящее время многие идеологи антисоветских движений открещиваются от своего участия в том мародерстве, который учинили в стране победители «демократической революции». Например, В.М. Воронков пишет: «В период перестройки на сцену выходят новые поколения. По мере радикализации движения роль “шестидесятников” постепенно уменьшается. И, во всяком случае, уже не они воспользовались плодами революции…» [5].

Что роль шестидесятников во время перестройки уменьшилась — не отвечает действительности. Практически вся интеллектуальная команда М. Горбачева и половина команды Б. Ельцина — из этой общности. Что шестидесятники и диссиденты не воспользовались плодами революции — мало кого волнует в России на фоне катастрофы. Да ведь это и неправда — большинство их очень даже воспользовались!

Зачем далеко ходить — сам В.М. Воронков всего-то занимался самиздатом и был осужден на 2 года условно, работал рядовым научным сотрудником в АН СССР, но как изменился его статус с победой революционеров! Он рассказывает в интервью: «В 1988 г. мы с единомышленниками организовали секцию исследований общественного движения при социологической ассоциации. А спустя два года я создал собственный институт. С тех пор я чувствую, что реализовал свою мечту о свободе» [8].

Создал собственный институт! Это, мол, при демократии каждому доступно, а не только бывшему диссиденту. На сайте этого института (ЦНСИ), расположенного в Санкт-Петербурге, читаем, на какие деньги создаются такие институты: «[В 1993 г.]

благодаря кредитной помощи зарубежных коллег Центр стал собственником переоборудованной в офис четырехкомнатной жилой квартиры… В течение ряда лет ЦНСИ энергично развивался, получал все больше грантов от зарубежных фондов… С 2000 г. начинается третий этап развития Центра, что связано, прежде всего, с выделением Фондом Форда гранта на покупку нового помещения для ЦНСИ.

В 2001 г. от Фонда Дж. и К. Макартуров был получен первый в истории ЦНСИ грант на институциональное развитие института (с этого времени Центр получает существенную поддержку со стороны этого фонда). Институциональные гранты позволили Центру существенно обновить необходимую для работы инфраструктуру и сделать ее доступной для еще большего числа людей, дали ЦНСИ возможность расширить географию своей деятельности и внедрить новые формы работы с молодыми учеными, в первую очередь — образовательные.

Новые условия предоставляют возможности для дальнейшего развития Центра, проведения социологических исследований и подготовки нового поколения социологов. В настоящее время в Центре работает около 40 человек» [9].

Можно также понять, мечту о какой свободе смог реализовать ученый при таком финансировании. Как сообщает Интернет, он развивает новое направление социальной науки — «качественную социологию». Что это такое, В.М. Воронков поясняет корреспонденту газеты: «Сейчас, к примеру, власть стремится сохранить безусловный идеологический конструкт — победу в Великой Отечественной войне. И там огромное количество фальсификаций. Мы делали интервью в разных деревнях Смоленской и Новгородской областей, которые были оккупированы немцами. Оказывается, к гитлеровцам крестьяне относились лучше, чем к советским воинам. Опрошенные вспоминали, что самыми вредоносными были красные партизаны, которые реквизировали все запасы и требовали, чтоб им помогали» [8]. Да, для получения щедрых грантов от зарубежных фондов важно качество респондентов, а не их численность в населении.

Поражение СССР и последующие изменения всего жизнеустройства страны — это результат действия разных заинтересованных сил и групп, шестидесятники и диссиденты — очень

важный, но небольшой элемент этой системы. Нельзя поэтому воспринимать, как это по инерции делают многие, результат перестройки как *буржуазную* контрреволюцию. Более того, на тропу войны против СССР шестидесятники вышли как восторженные романтики, пылающие коммунистическим энтузиазмом — они хотели исправить наш «казарменный социализм». Потому-то к ним и потянулась молодежь, особенно студенты.

Надо отметить, прежде всего, *поэтичность* их протеста. Никакая разумная идея не «овладеет массами», если ее не будут сопровождать поэт и певец (а сейчас еще и клоун). «Семантика убеждает, эстетика соблазняет» (А. Моль). Эту синергическую систему советская власть расщепить не сумела — не имела она общественной науки в строгом смысле слова.

Г.С. Батыгин писал: «Формирование сословия советских интеллектуалов в 1960-е годы было сопряжено с изменением стилистики публичного дискурса: люди “болели” стихами. В списках распространялись стихи А. Ахматовой, О. Мандельштама, Н. Гумилева, М. Цветаевой, И. Бродского. Знание стихов стало своеобразных паролем для доступа в интеллигентский круг. Страсть к стихам породила и первые выступления против власти. 29 июля 1958 г. в Москве был открыт памятник Маяковскому. Поэты читали стихи. Затем возникла спонтанные выступления, и чтения стихов стали происходить регулярно. Участниками встреч были преимущественно студенты. Когда власти попытались воспрепятствовать поэтическим сходкам, возникло сопротивление»[3, с. 56].

Сложнее понять ту революционную коммунистическую страсть, которая сплотила шестидесятников. Б. Окуджава пел: «Я все равно паду на той, на той единственной Гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной», — и элитарная публика приходила в экстаз. Как из этой точки двигалось сознание советской интеллигенции и самого поэта к идеалам криминального капитализма? Этот феномен мы не скоро поймем, его хотя бы описать получше, пока живы многие свидетели.

Г.С. Батыгин фиксирует факт: «Нельзя не учитывать, что “оттепель”, обозначившая конфронтацию (пишущей) интеллигенции и бюрократизированной власти, сопровождалась взрывом коммунистической экзальтации. Троцкистская идея перманент-

ной коммунистической революции стала основой антисталинского движения» [3, с. 81].

В другом месте он расширяет описание этого факта: «Основной мотив критической атаки на власть заключался в демонстрации ее несоответствия коммунистическим идеалам, утраты “ленинских” принципов и бюрократического перерождения. Искренней одухотворенностью и яркостью публицистической риторики интеллектуальная атака 1960-х годов напоминала ликвидированную из исторической памяти атаку троцкистской оппозиции. Как и в 1920-е годы, акцентировалось соответствие институциональных порядков принципам революционной морали — честности, бескорыстию, идейности. Предполагалось, что само слово правды преодолевает идейный и нравственный коллапс советского режима» [3, с. 55].

Это был сложный и мощный порыв — его удалось подавить, но он оборотился в нечто еще более разрушительное и к тому же мерзкое. Ведь большинство тех, кто причисляет себя к «шестидесятникам», постепенно, шаг за шагом сдвинулись к антисоветской позиции. Более того, в конце 1970-х годов у них стали проявляться прозападные установки, причем именно в контексте холодной войны Запада против СССР. Они все больше и больше становились в этой войне «союзниками Запада». К концу перестройки это стало обязательным для «прогрессивного интеллигента». Г.С. Батыгин пишет: «Одним из маркеров альтернативной интеллектуально-культурной “элитности” в 1990-е годы являлась “признанность на Западе”, и сама позиция репрезентанта “западных» ценностей позволяла создать новое измерение социального статуса в российском интеллектуальном сообществе»[3, с. 13].

Повторю: какое несчастье, что в СССР и сейчас не созрели условия для научного обществоведения, которое могло бы исследовать это явление, видимо, неизбежно сопровождающее любой проект создания общества уравнительной справедливости. Ведь через 15 лет таким же разрушительным оказался коммунистический фундаментализм польской «Солидарности». Рабочие и интеллигенция, требовавшие «большей уравнительности», своими руками прервали мягкую социалистическую модернизацию и вручили Польшу примитивному местечковому капитализму.

Отметим еще одно свойство наших гуманитариев-шестидесятников (впрочем, не только наших, но и многих ренегатов из европейских коммунистов) — их заверения в том, что в молодости они были искренними и даже пылкими сторонниками идеи равенства и справедливости. И это говорят пожилые люди с нежностью и уважением к самим себе. К чему это обнажение души? Что за излияния и признания в любви к идее, которой они изменили и которую убивают, иногда с садизмом? Они хотят, чтобы их пожалели люди, на которых они обрушили бедствие?

Вот Булат Окуджава: «Мои родители, которых я так любил и люблю, — они были фанатичными большевиками… Я ведь сам был “сталинистом”, несмотря на то, что у меня репрессировали родителей… Такое было время. В том-то и драма». Ах, какая драма — перешел на сторону врага. Ну, перешел — так молчи или хотя бы скажи: мол, с возрастом я понял, как индоктринировали меня, ребенка, проклятые большевики.

Тут же и Е. Евтушенко, другой кумир шестидесятников: «Я ходил вместе с мамой и отцом на демонстрации и просил отца приподнять меня повыше. Я хотел увидеть Сталина. И я страшно завидовал тем моим ровесникам, которым выпала честь подносить букеты цветов Сталину» (см. [5, с. 175])[6].

Может быть, этими своими нормальными детскими представлениями они оправдывают свой выбор в зрелом возрасте — ненавидеть советский строй и в то же время пристроиться в идеологическую элиту советской власти? Но это слишком наивно. Лучше бы они сказали, когда и какой голос свыше им был, чтобы порвать духовную нить со своими любимыми родителями? Какое озарение к ним пришло, из какого источника? Объяснения если и бывают, то нелепые.

---

[6] Разумеется, есть и исключения: А.А. Зиновьев рассказывает, как в юности готовил покушение на Сталина, а теперь, после гибели СССР, считает советский строй высшим достижением человечества. Он, как философ, все время старался «изменить мир». М.К. Мамардашвили, напротив, представляет себя снобом и аристократом, который и не собирается что-то «улучшать». Он якобы всегда считал СССР «черной дырой» и явился на землю как «шпион» — наблюдать, как копошатся человечки в Евразии, и думать о вечном. Как философ, он вступил в КПСС и не удосужился из нее выйти в 1989 г., потому что это — суета, на которую не следует тратить мысли и дела («Партийность была чем-то вроде социального страхования. Поэтому я и вступил в партию»).

В.М. Воронков, из «молодых» диссидентов, описывает свою перверсию («переворачивание») так: «Я был “правоверный” советский комсомолец, хотя и слушал западное радио. В июле 1968 г. поехал в Чехословакию. Я мало что понимал, но в Чехословакии стал читать их газеты. Мне импонировал социализм с человеческим лицом… Мне казалось, вот-вот СССР станет перенимать чешский опыт. За день до ввода войск я выехал из Чехословакии, остановился во Львове… Включил приемник, помню, нашел волну BBC и услышал, что “советские войска вошли в Чехословакию”. Я был настолько потрясен, что рыдал… Вернулся в Ригу. Написал статью в университетскую газету, которая называлась “Чехословакия. Август 1968”, где обрисовал, как хорошо и замечательно было в Чехословакии и жаль, что советский народ этого не знает… Больше всего тогда впечатлило, что все мои друзья, критически относящиеся к власти, поддержали ввод войск в Чехословакию» [8].

И это в 22 года, хотя все его друзья-диссиденты поддержали ввод войск в Чехословакию. Даже сами чехи в массе своей быстро успокоились и еще в течение 20 лет нормально жили и развивались, а он — навсегда возненавидел СССР. Как он разглядел в Дубчеке «социализм с человеческим лицом»? Ведь тогда мало кто не понимал, что вся эта ахинея о социализме и о человеческом лице — для наивных дамочек, суть в том, что пытались вырвать ЧССР из Варшавского договора и разрушить центр системы ПВО, что для СССР было неприемлемо. Но даже если в 22 года советский комсомолец еще не мог этого понять, то уж сегодня-то повторять эти байки — каково? Ведь после 1989 г., когда деятели «пражской весны» выявили свою суть, никто из их почитателей не признал, что тогда, в 1968 г., он ошибался. Дубчек вовсе не был «коммунистом-романтиком». После 1989 г. он сидел во главе парламента и штамповал все антисоциалистические законы.

Вторжение в ЧССР сплотило «шестидесятников» как антисоветскую силу. Недаром в перестройке так активны были обществоведы, исключенные из КПСС в 1968 г. за то, что писали письма с протестами. Кстати, эти исключенные из КПСС интеллектуалы составляли вроде бы опальную, но привилегированную касту; интеллектуальная бригада власти как бы говорила им:

«Ребята, мы с вами, но это пока секрет, погодите чуток». Конечно, вторжение было не причиной их поворота к измене в холодной войне, а лишь удобным поводом, моральным прикрытием. В мемуарах западных лидеров еврокоммунизма это говорится открыто: к 1968 г. «развод» с СССР уже назрел, а вторжение лишь сделало этот развод более скандальным — возникла возможность устроить истерику.

Как же формировалось сознание советских людей на последнем этапе существования СССР? После войны обществоведы (включая гуманитариев) получили доступ к огромной аудитории. Причем доступ непосредственный, с воздействием через личное устное общение — очень важный канал убеждения и внушения, помимо печатного слова, кино, радио и телевидения. Помимо вузов, техникумов и школ, где преподавались предметы, насыщенные идеологией, была развернута широкая сеть политического просвещения. В 1947 г. в СССР действовало 60 тыс. политшкол, где обучалось 800 тыс. человек, в 1948 г. уже 122 тыс. политшкол с 1,5 млн слушателей [3].

Огромная армия преподавателей общественных наук и журналистов представляла собой профессиональное сообщество, которое было воспитано и «наполнено» идеологическими штампами и стереотипами, выработанными *элитой* этого сообщества — авторитетными философами, экономистами, социологами и пр. Поддержку им оказывали «деятели культуры», воспитанные и отобранные чиновниками из числа той же элиты[7].

Но каковы были установки этой элиты, имея в виду ту ее часть, которая не была открыто диссидентской или даже «приемлемо вольнодумной»? Ведь эти установки, даже если они прямо не проговариваются, передаются слушателям и студентам. Долго сопротивляться тому, что слышишь с кафедры или с амвона, человек не может — сил не хватит (кучка бунтарей не в счет, их мягко отсеивали, отодвигая от возможности «когнитивного бунта»).

Вот, например, воспоминание видного и уважаемого философа академика Л.Н. Митрохина: «К тому времени (1958 г.) нам

---

[7] То, что некоторым писателям и бардам пришлось работать в системе «самиздата» или разъезжать с концертами по вузам и НИИ, ничего не меняло, у них были высокие покровители, без одобрения которых не было бы ни песен Высоцкого с Окуджавой, ни шуток Жванецкого.

была ясна идеологически-корыстная фальшь официальной социальной науки (прежде всего “научного коммунизма”) уверявшей, что советский человек “проходит как хозяин по просторам Родины своей”. … Да, Федор Васильевич Константинов … был одной из самых мрачных фигур того времени. Под его началом я работал несколько лет, был заведующим сектором, секретарем партбюро Института, переводил его во время командировки в Вену» [12].

Кажется, это редкая в истории культуры деформация сознания, произведенная перестройкой. Воспоминания Л.Н. Митрохина полны уважения к самому себе. Но, если ему «была ясна идеологически-корыстная фальшь официальной социальной науки», из каких побуждений он пробивался вверх по иерархии этой самой науки? Зачем он «был заведующим сектором, секретарем партбюро Института», работал под началом «одной из самых мрачных фигур того времени»? Ведь чтобы после этого на своем примере учить жизни молодежь, должно же было быть какое-то объяснение, какая-то уважительная причина! Можно и шире поставить вопрос: а при других политических режимах разве служение интеллектуала власти не «сопровождается мучительными переживаниями»? Да это одна из сложнейших проблем политической философии. Ведь интеллектуалу при осмыслении вариантов политических решений приходится постоянно находить баланс между *несоизмеримыми ценностями*. Эта ситуация не была обдумана. В результате большая часть гуманитарной интеллигенции стала осознавать себя как *двуличную*, а затем и приняла двуличие и обман как норму. Очень многие впали и в *цинизм*.

Самый сложный и большой вопрос, который мы затронем здесь лишь частично, — объяснить, почему в 1970–1980-е годы большая часть советских граждан оказалась так восприимчива к идеям, которые были «упакованы» в знакомые лозунги социализма и справедливости, но по сути отвергали главные принципы советского жизнеустройства (подробнее этот вопрос обсуждается в [6]). На мой взгляд, психологические защиты против таких идей утратили силу в результате мировоззренческого кризиса, вызванного сменой образа жизни большинства населения в ходе форсированной индустриализации и урбанизации. Этот кризис

модернизации требовал преобразования идеократической системы легитимации советского строя, сложившейся в 1920–1940-е годы, которая апеллировала к традиционным общинным ценностям. По выражению М. Вебера, мировоззренческой основой русской революции был общинный крестьянский коммунизм, покрытый, как выразился Ортега-и-Гассет, «тонкой пленкой европейских идей» — марксизмом.

Нередко говорят, что в период сталинизма марксизм был «вульгаризирован» — интегрирован с крестьянским коммунизмом и сильно упрощен. В нем еще сильнее проявилась его «крипторелигиозная» компонента, на первый план вышли моральные ценности и пророчества. Кризис модернизации, напротив, требовал рационализации дискурса власти и кардинального усиления научного начала в идеологии. Для этого требовался «когнитивный бунт», о котором говорил П. Бурдье, но этот бунт приобрел антисоветский характер. Элита сообщества обществоведов СССР в своих учебниках и установочных книгах и докладах лишь усиливала идеократическую компоненту, в своем кругу оттачивая антисоветские аргументы.

Это с очевидностью проявилось, когда пал СССР. Л.Д. Гудков и Б.В. Дубин пишут: «Российская культурная и интеллектуальная элита (в отличие от элит в странах Восточной и Центральной Европы 1990-х годов) оказывается в абсолютном большинстве случаев не способной ни рационализировать проблемы собственной истории (включая их моральное, антропологическое или социологическое осмысление), ни усвоить опыт развития и трансформации других обществ. Причины этой импотенции следует искать в функциях, которые выполняли “образованные” (люди с высшим образованием, “интеллигенция”) в поддержании советской системы, а значит — и в особенностях структуры российского образованного сословия. В отличие от “элиты” в социологическом смысле слова (т. е. группы, чей авторитет связан с наивысшими достижениями в своей профессиональной области и которая задает образцы действия, от носителей культуры и духа рационализации), “интеллигенция” функционировала лишь как обслуживающая тоталитарный режим бюрократия… Ничего другого она, как оказалось, делать не в состоянии» [13].

Но почему же синкретизм общинного коммунизма с марксизмом подавил в большом сообществе дух научной методологии? Никакой тиранией этого объяснить нельзя, наука сохранилась бы и в катакомбах.

Здесь еще требуются исследования, и в них надо учесть важные мысли, которые высказал Г.С. Батыгин. Вот большая выдержка из его статьи: «Бытование идеи в различных текстовых средах обнаруживает в ней содержания, не явленные в чистом виде. В этом отношении справедливо суждение об искажении идеи при ее рецепции в инородной текстовой среде. Проблема, однако, заключается не в осуждении искажения, а как раз наоборот: в понимании искажения идеи как мутации — единственно возможной формы ее существования в данной идейной среде…

Некоторые текстовые "организмы" задыхаются и гибнут при рецепции в инородную среду, другие мутируют, третьи получают все возможности для своего развития. Если так, то аутентичный марксизм создан не столько его великим автором и интеллектуалами-интерпретаторами, сколько неискушенной аудиторией… Парадоксальность ситуации заключается в том, что изощренный, гегелевской пробы, марксистский интеллектуализм предрасположен к профанному бытованию и превращению в бездумную революционную "силу", т. е. "олитературенное" насилие. Для этого текст аутентичного марксизма уже должен содержать в себе элементы релевантной концептосферы — заготовки революционной эмфатической речи…

В таких условиях и народная речь, и политическая демагогия, и официальный язык становятся проводником элитарных идей. В этом отношении элита является свободной от внешнего потребителя, и "социальный дискурс" можно считать элитарным независимо от должностного или материального положения писателя…

Обнаруживая глубокое сродство с социальными учениями Просвещения, марксизм обладает огромным объяснительным потенциалом. Ясность и логическая стройность его категориальных схем удивительным образом совмещаются со способностью к версификации. Этим, вероятно, объясняется и многообразие "авторских" исследовательских программ и концепций, разрабатывавшихся в рамках доктрины. Поэтому советский марк-

сизм — не столько доктрина, сколько эзотерический словарь воспитания, который может успешно использоваться и в качестве средства для воспроизводства альтернативных марксизму идей… Социальные трансформации режима были в значительной степени связаны с “дискурсивной катастрофой” в системе священнокнижнических легитимаций социальных порядков…

Текст советского марксизма предназначался для того, чтобы заучивать его наизусть. “Овладение марксистско-ленинской теорией — дело наживное” — эта общеизвестная формула трактовалась как установка на преодоление заумных философских рассуждений… Философия, таким образом, совмещалась с общенародной склонностью к философствованию и политической грамотностью, и профессиональное сообщество, занимая достаточно высокие этажи социальной иерархии, непосредственно соприкасалось с “профанным низом”. Лексикон философии и политической теории сводился к прецедентным текстам, аллюзиям и иносказаниям, обозначавших определенные фрагменты из корпуса первоисточников марксизма» [3, с. 40–41, 54, 57].

Сказать, как Г.С. Батыгин, что категориальные схемы марксизма «удивительным образом совмещаются со способностью к версификации», в контексте нашей темы — не сказать почти ничего[8]. На деле те философы, которые в 1950-е годы «обратились к истинному Марксу», не то чтобы получили возможность выработать на основе текстов К. Маркса антисоветскую версию среди нескольких. Приняв его категориальные схемы, они неизбежно должны были отвергнуть советский строй как *реакционный* («хуже капитализма»). Именно по этой причине Г. Плеханов и меньшевики отвергли Октябрьскую революцию и даже призывали социалистов Европы к походу против советской России. По этой же причине основные коммунистические партии Западной Европы — Франции, Италии и Испании — заняли антисоветскую позицию и приветствовали ликвидацию СССР (совершив политическое самоубийство, так как эту позицию не поддержа-

[8] В другом месте он пишет: «Советский марксизм — не столько доктрина, сколько эзотерический словарь воспитания, который может успешно использоваться и в качестве средства для воспроизводства альтернативных марксизму идей» [3, с. 54]. Точнее было бы сказать «альтернативных советским принципам идей».

ла база этих партий). Надо прямо сказать, что главным идейным оружием антисоветской элиты во время перестройки был *антисоветский марксизм* [14]. Он парализовал советских людей, которые с колыбели росли под портретом Маркса.

Рассмотрим сначала главное направление той пропаганды, которую вела элита советских обществоведов и гуманитариев. Затем обсудим и другие блоки смыслов, против которых вела и ведет сегодня пропаганду та же, но уже постсоветская элита. Будем приводить выдержки из текстов авторитетных в научной среде и известных в среде интеллигенции авторов.

2. Великий поход против СССР

Смена правящей верхушки в ЦК КПСС в 1985 г. позволила антисоветской элите сбросить маску. «Шестидесятники при власти» оказались более агрессивными по отношению к СССР, чем открытые диссиденты. Наверное, настрадались, держа фигу в кармане, будучи обязанными на публике выкрикивать ненавистные слова о равенстве и солидарности.

Совокупность выступлений в научной и массовой печати и публичные выступления ведущих представителей гуманитарной и обществоведческой элиты после 1985 г. показала, что эти люди были объединены довольно четко очерченной общей платформой и ощущали себя именно сообществом. Это идеологически сплоченная группа. Что же служит для них столь эффективной объединяющей силой? Очень коротко я бы сказал так: их соединяет общее прошлое, в ходе которого у них выкристаллизовался фанатичный *антисоветизм* — ядро идейной основы этой группы. Необычным в этой группе было мессианское представление о своей роли как разрушителей «империи зла».

Вот статья-манифест А. Ципко[9] с красноречивым названием «Магия и мания катастрофы. Как мы боролись с советским наследием» (2000 г.). Об обществоведческой элите в нем говорит-

[9] А.С. Ципко — политолог, д-р философских наук. В 1967–1970 гг. работал в ЦК ВЛКСМ, с 1972 г. работает в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР (позже Институт международных экономических и политических исследований РАН). В 1986–1990 гг. консультант отдела

ся так: «Мы, интеллектуалы особого рода, начали духовно развиваться во времена сталинских страхов, пережили разочарование в хрущевской оттепели, мучительно долго ждали окончания брежневского застоя, делали перестройку. И наконец, при своей жизни, своими глазами можем увидеть, во что вылились на практике и наши идеи, и наши надежды…

Не надо обманывать себя. Мы не были и до сих пор не являемся экспертами в точном смысле этого слова. Мы были и до сих пор являемся идеологами антитоталитарной — и тем самым антикоммунистической — революции… Наше мышление по преимуществу идеологично, ибо оно рассматривало старую коммунистическую систему как врага, как то, что должно умереть, распасться, обратиться в руины, как Вавилонская башня. Хотя у каждого из нас были разные враги: марксизм, военно-промышленный комплекс, имперское наследство, сталинистское извращение ленинизма и т.д. И чем больше каждого из нас прежняя система давила и притесняла, тем сильнее было желание дождаться ее гибели и распада, тем сильнее было желание расшатать, опрокинуть ее устои… Отсюда и исходная, подсознательная разрушительность нашего мышления, наших трудов, которые перевернули советский мир» [15].

Здесь замечательно четко выражено важное и не вполне осознанное в обществе свойство: идейной основой их дискурса была страсть *разрушения*. Именно она соединила интеллектуалов, которые считали себя притесненными советской системой. Но у этого союза и не могло быть никакого позитивного проекта, желания строить, улучшать жизнь людей, ибо у каждого в этом союзе был «свой» враг. Чистый «ленинист» вступал в союз с заклятым врагом марксизма — ради сокрушения советского строя. Были даже такие, для кого главным врагом был военно-промышленный комплекс его собственной страны! Понятно, что когда движущей силой интеллектуального сообщества становится страсть к разрушению, судьба миллионов «маленьких людей» не может приниматься во внимание. Эти интеллектуалы — Наполеоны, а не «тварь дрожащая».

социалистических стран ЦК КПСС. В 1988–1990 гг. — помощник секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева.

А. Ципко продолжает: «Нашими мыслями прежде всего двигала магия революции… Но магия катастрофизма, ожидание чуда политических перемен и чуда свободы мешали мыслить конструктивно, находить технологические решения изменения системы… Магичность и катастрофичность нашего мышления обеспечивали нам читательский успех, но в то же время мешали нам увидеть то, что мы должны были увидеть как ученые, как граждане своей страны… Мы не знали Запада, мы страдали романтическим либерализмом и страстным желанием уже при этой жизни дождаться разрушительных перемен» [15].

Строго говоря, претензии этих идеологов считаться *учеными и гражданами своей страны* необоснованны. Научный тип мышления несовместим с магией, ожиданием чуда и тем фанатизмом, о котором пишет А. Ципко. С другой стороны, делать все, чтобы разрушить военно-промышленный комплекс и государственные структуры страны в момент, когда она ведет тяжелую глобальную войну (пусть и холодную), никак не могут ее лояльные граждане. Это — функция «пятой колонны» противника.

А.С. Ципко так оценивает результаты: «Борьба с советской системой, с советским наследством — по крайней мере в той форме, в какой она у нас велась, — привела к разрушению первичных условий жизни миллионов людей, к моральной и физической деградации значительной части нашего переходного общества» [15].

Физическая деградация части общества — это, надо понимать, гибель людей. За 1990–2012 гг. в России среднегодовая «избыточная» смертность по сравнению со средней смертностью в 1979–1989 гг., составила 3,52 на 1 тыс. населения или 503,4 тыс. «лишних» смертей в год. За 23 года реформы эта «избыточная» смерть унесла жизни примерно 11,6 млн человек.

Означает ли эта декларация признание в том, что в целом установки антисоветского сообщества были ошибочными? Нет, А.С. Ципко так не считает. Оценку себе и своим соратникам он дает очень высокую: «Бесспорно то, что это сообщество существует, что оно сыграло громадную роль в духовном обновлении советской России. И, самое главное, бесспорно то, что это сообщество не устарело ни морально, ни физически. Не устарело морально, ибо не утратило моральную, антитоталитарную ориентацию, благодаря которой мы создали то, что создали».

Другими словами, то, что создали реформаторы в 1990-е годы, *хорошо*, и это сообщество будет продолжать в том же духе. Так оно и есть до сих пор. А. Ципко сказал: «Нашими мыслями прежде всего двигала магия революции». Но это была и есть магия **перманентной революции**! Эта культурная и даже философская особенность антисоветского гуманитарного сообщества была замечена уже у шестидесятников. «Воздухом свободы» шестидесятники и их духовные потомки подышали только при Горбачеве и Ельцине. Первые же попытки «бюрократов и силовиков» восстановить, хоть в минимальном формате, систему государственного управления после 2000 г. вызвали нарастающую ненависть и консолидацию этих гуманитариев уже на «оранжевой» платформе.

При этом время от времени у членов этой интеллектуальной команды вырываются неожиданные признания. Так, тот же А.С. Ципко пишет в 2008 г.: «Во время одной из телепередач на упрек в несостоятельности российских демократов Юрий Афанасьев неожиданно ответил: “Вы правы, результат реформ катастрофичен, и, наверное, не могло быть по-другому. Мы, на самом деле, были слепые поводыри слепых”» [16]. Ничего себе, признание без всяких последствий. Этак слепые поводыри будут водить нас вечно.

Одной из важнейших фигур в этой команде был философ **М.К. Мамардашвили** — важнейшей по своему авторитету в среде советской гуманитарной интеллигенции. Литературовед С.Л. Фокин пишет о нем: «По крайней мере, это должны знать русские философы по званию и призванию, что в 50-е годы XX в. в одной из комнат студенческого общежития Московского государственного университета проживали вместе Михаил Сергеевич Горбачев и Мераб Константинович Мамардашвили. … Тридцать лет спустя, т. е. приблизительно двадцать пять тому назад фигуры Горбачева и Мамардашвили вновь пересекаются в определенном времени и определенном политическом пространстве, когда в 1985 г. бывший сожитель философа становится Генеральным секретарем КПСС, а идеи Мамардашвили начинают триумфальное шествие по страницам советской печати…

Беседы, интервью, редкие статьи мыслителя, авторитет которого прежде не выходил за рамки тесных кругов или кружков

московских философов и зачаровал разношерстные студенческие аудитории нескольких московских и тбилисских вузов, в середине 1980-х годов стали появляться в популярных изданиях, вливаясь в тот поток запрещенной литературы, что обвалился тогда на головы бедных советских граждан.

Таким образом, рафинированные, отточенные до предела философской абстракции, явно антисоветские по своей тяге к элитарности, по-прустовски снобистские, идеи Мамардашвили стали просачиваться в щели и трещины советского общественного сознания приблизительно в то же самое время, когда цельность последнего стала распадаться буквально на глазах под ударами того философского молота, которым крушил советскую идеологию Горбачев, провозгласив политику перестройки, одним из главных инструментов которой стала риторика “гласности”» [17].

Мераб Константинович — человек действительно выдающийся. Я работал с ним в одном институте в течение шести лет, встречались на собраниях, семинарах, совещаниях, в секторе. От него нельзя было услышать никаких критических высказываний в адрес «системы», которыми все вокруг кипело в болтовне сотрудников. Иногда надо было готовить важные записки «наверх», директор звал трех-четырех человек обсудить тему. Один раз мы были вместе: «сверху» спросили, в каком направлении надо изменять социальные формы науки, чтобы они лучше соответствовали внутренней логике научной деятельности. Это близко к теме лекций М.К. Мамардашвили по философии познания. Ждем от него слова, умный человек, много об этом думал. Ничего не сказал, трубкой попыхивал. Не желал участвовать! Это вызвало у всех собравшихся очень тяжелое чувство, даже трудно объяснить — как-то все поникли.

Потом в интервью «Жизнь шпиона» он так объяснил: «Я грузин и философ, с юности я нахожусь во внутренней эмиграции. Я хорошо понимаю, что такое быть шпионом. Необходимое условие успешной шпионской деятельности, а нередко и творчества — схожесть с окружающими… Надо оставаться незаметным, не теряя свободы» [20, с. 353][10].

[10] В интервью 1988 г. он дал более мягкое объяснение — все же эмигрант, а не шпион: «Если угодно, я все время находился в некоторой внутренней эмиграции. В Праге я находился в позолоченной эмиграции, потому что там было

Но как раз он был человеком оригинальным, совершенно несхожим с людьми, к которым мы привыкли. Потом он стал давать интервью или вставлять свои рассуждения в лекции — не философские, а чисто идеологические, но наполненные такой ненавистью, какой не чувствовалось даже у Р. Рейгана. Он мог в интервью, рассуждая, очень абстрактно о советских людях, сказать корреспонденту: «Теперь вы представляете себе смердящую социальную плоть нашего бытия». Ввернул литературную метафору, но как!

Исследователь творчества Мамардашвили Ю.В. Пущаев пишет: «Мамардашвили считал советский мир антимиром, миром привидений, антижизнью: *"Когда господствует советизм, сама жизнь теряет функцию. Советская жизнь — антижизнь. Ни в одном слове, предложении, позе или действии, характерных для советизма, я не узнаю себя как живого, не чувствую жизни. Там, где советизм, — жизни нет"*. Это его максимально критическое отношение к "советизму" распространялось и на Россию в целом, на все русское культурное пространство» [18].

Друг философа Юрий Сенокосов, председатель Фонда философских исследований им. Мераба Мамардашвили, говорит о его отношении к СССР: «В стране, в которой мы живем, есть что-то черное, страшное, непроговоренное, непонятное. Он это постоянно чувствовал, переживал, стремился вывести на какой-то уровень мысли, проговорить. Как астрономы хотят разобраться с "черными дырами", математики — с иррациональными числами, так же надо понять разумом и эту огромную страну темных чудовищных пятен, дезорганизующих тот образ человечества, что был замыслен и в Евангелии, и в цивилизации Нового времени» [19].

Критика М.К. Мамардашвили в адрес СССР носит темный, пророческий характер. Этим, наверное, и очаровывала утонченную часть интеллигенции, а она уж транслировала его видения в массу — кто как умел.

Вот он пишет: «Советский Союз является государством, полностью контролирующим структуры сознания, так что в нем не

удобно и комфортно жить, и к тому же это красивый город. А в Москве — во внутренней эмиграции, хотя, когда у меня была возможность делать так называемое прогрессивное дело, я эту возможность не упускал» [11].

может возникнуть ни одного критического вопроса. Чем больше я думал об этом, тем больше понимал, что так сложилось уже давным-давно, что многовековая история России приготовляла марксизм-ленинизм и сталинизм и тот тип государственности, который сложился в Советском Союзе в XX в…

Революция не более чем формализовала длительную историческую традицию, воссоздав те условия, что некогда произвели ее на свет. Нереальность громоздилась на нереальности. В результате советские люди до сих пор воюют с тенями, получая 48 разрешений, чтобы сделать одну простую вещь, никогда не зная, в чьих руках находится их судьба, и обнаруживая, что на пути любого их усилия по совершению рационального действия встают все те же страшные тени» [20, с. 169].

Какая нереальность громоздилась на нереальности, какие «встают все те же страшные тени»? О чем это? Почему в СССР (да и в многовековой истории России) «не могло возникнуть ни одного критического вопроса»? А как же вызрела революция? А как же перестройка? Каких еще критических вопросов надо?

Обычные люди (например, в очереди) ему кажутся «скорпионами в банке» — почему? Это явно дикий перегиб. Он пишет: «Что мы видим вокруг себя, в наших грязных домах, пустых магазинах и в наших людях, лица которых сведены звериным оскалом? Насилие, садизм и отсутствие законности копились десятилетиями и не находили выхода, поскольку существовала монополия государства на насилие и беззаконие. Теперь, когда монополия нарушена или нейтрализована, вся мерзость прет наружу из самых темных уголков человеческого “я”. Если мы и спали в течение семидесяти лет, то отнюдь не невинным сном праведника, пробуждающегося во всей своей красе и чистоте. Во сне мы переродились, выродились. Ведь можно проснуться и насекомым, как один из персонажей Кафки. Вот что происходит в настоящий момент в Москве, Ленинграде, Тбилиси…» [20, с. 345].

Даже такая радикальная и экстравагантная революционерка, как В.И. Новодворская, не говорила о нашем населении с таким отвращением. Почему же с таким восторгом принимали наши интеллигенты изощренные оскорбления от эзотерического философа, которого мало кто и читал? Это еще одна загадка нашего кризиса.

М.К. Мамардашвили утверждает, что со времен Ивана Грозного в России начался распад социальных связей, который завершился в 1917 г. гибелью общества: «Возможен, конечно, представим их распад, распад и появление целых зон распада социальных связей и вытекающего отсюда одичания человека. … Например, такую зону распада социальных связей [в России] мы отчетливо имеем в советской истории начиная с 1917 г.: сначала [зона распада] была в Петербурге, а потом сразу, мгновенно (без какой-либо передачи во времени и пространстве — нет этого, потому что это происходит совершенно иначе) идет лавина следствий, все расширяющаяся, потом — все пространство Советского Союза охватившая зона распада общественных связей, социальных связей, т. е. зона отсутствия общества… Я утверждаю, что в 1917 г. произошло коллективное самоубийство общества и государственности» [20, с. 79–80].

Как понимать его категории и термины? «Все пространство Советского Союза — зона отсутствия общества»! Это что — аллегория, художественная метафора или новая оригинальная трактовка понятия *общество*? Как бы удалось в СССР провести индустриализацию, победить мощную систему фашизма в войне и развить науку, сравнимую с западной, не имея ни государственности, ни общества? А ведь М.К. Мамардашвили в лекциях ратовал за строгость мышления, у него даже есть популярное эссе под названием «Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно». Вот дьявол и сыграл с нами злую шутку с этим «новым мышлением» перестройки.

Апологетика Запада выделялась даже на фоне того прозападного психоза, волна которого прокатилась по элите интеллигенции в 1980-е годы — в философских кругах М. Мамардашвили даже называли «сверхевропейцем». Но ведь Запад у него тоже был не научным и даже не рациональным понятием, а идеологическим инструментом при тех «превращениях сознания», которые он производил в своих студентах и почитателях.

Ю.В. Пущаев говорит, приводя выдержку из статьи М. Рыклина: «Когда Мамардашвили говорил о Европе, он говорил скорее о Европе идеальной, Европе-символе, существующей преимущественно лишь в его философствовании и выполняющей функции идеальной модели для заблудшей России. Порой сами

европейцы не соглашались с такой оценкой Европы: “Я помню, как возмущены были американские и европейские философы Фредерик Джемисон, Вольфганг Хауг и другие участники конференции о постмодернизме в Дубровнике осенью 1990 г., когда Мамардашвили назвал позднекапиталистические общества, в которых они живут и которые безжалостно критикуют, “просто нормальными человеческими обществами”. Никогда, возможно, дистанция между “сверхевропейцем” и западными философами не проявлялась в такой чистоте, как тогда, на пороге распада СССР”» [18].

Для нас важен тот факт, что М.К. Мамардашвили не просто «говорил о Европе идеальной», он совершенно неадекватно очернял Россию как якобы изначально (примордиально) антихристианскую и антикультурную конструкцию: «Русские, куда бы ни переместились — в качестве казаков на Байкал или на Камчатку, их даже занесло на Аляску и, слава Богу, вовремя продали ее, и она не оказалась сегодня той мерзостью, в которую мы ее скорее бы всего превратили, — куда бы они ни переместились, они рабство несли на спинах своих. А американцы несли с собой другое — Великую хартию» [20, с. 331].

Неужели это можно принять как научное или философское суждение — как бы ни относиться к России в рамках рационального мышления? Но ведь большинство гуманитарной элиты России все это принимали и принимают сегодня!

Вот «грузинский Сократ» объясняет французскому коллеге на концептуальном уровне уродство России: «Живое существо может родиться уродом; и точно так же бывают неудавшиеся истории. Это не должно нас шокировать. Вообразите себе, к примеру, некоторую ветвь биологической эволюции — живые существа рождаются, действуют, живут своей жизнью, — но мы-то, сторонние наблюдатели, знаем, что эволюционное движение не идет больше через эту ветвь. Она может быть достаточно велика, может включать несколько порой весьма многочисленных видов животных, но с точки зрения эволюции это мертвая ветвь.

Почему же в социальном плане нас должно возмущать представление о некоемом пространстве, пусть и достаточно большом, которое оказалось выключенным из эволюционного развития? На русской истории, повторяю, лежит печать невероятной

инертности, и эта инертность была отмечена в начале XIX в. единственным обладателем автономного философского мышления в России — Чаадаевым. Он констатировал, что Просвещение в России потерпело поражение… По-моему, Просвещение и Евангелие (ибо эти вещи взаимосвязанные) совершенно необходимы… Любой жест, любое человеческое действие в русском культурном космосе несут на себе, по-моему, печать этого крушения Просвещения и Евангелия в России» [21].

М. Мамардашвили писал, что у грузин «благоустроенные квартиры забиты вещами, высококачественной импортной аппаратурой», делая из этого факта широкий «философский» вывод: «Эта атмосфера отражает самоуважение грузин, которое отсутствует у русских». Он даже усиливает этот аргумент: «Обстановка отражает мое отношение к самому себе. На стол я стелю скатерть, а не газету. Русские готовы есть селедку на клочке газеты. Нормальный, невыродившийся грузин на это не способен. … Мы должны отделиться. … Хватит вместе страдать и вместе жить в дерьме» [20, с. 350].

Разве позволительно философу переходить на бытовой уровень и пускать свои вульгарные оскорбления в пространство общественного сознания! Зачем друзьям Мамардашвили было тиражировать эти злые слова? Ведь они стали политическим фактом, и он не может остаться без рефлексии.

Другой важной фигурой в разработке и тиражировании средств подрыва легитимности СССР в среде интеллигенции был академик АН СССР (по Отделению экономики) **А.Н. Яковлев** (1923–2005). В обществоведение он врос уже из номенклатуры КПСС. Он вступил в КПСС в 1943 г., учился в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б), работал в Ярославском обкоме ВКП (б). С 1953 г. работал в ЦК КПСС, окончил аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, стажировался в Колумбийском университете (США), 10 лет был послом в Канаде и вернулся в 1983 г. Здесь был назначен директором ИМЭМО, затем секретарем ЦК КПСС по вопросам идеологии, информации и культуры, в 1987 г. — членом Политбюро.

Обладая властными рычагами в важнейших сферах, он до 1991 г. сам публично высказывался сравнительно мало, а действовал внутри правящей верхушки и решал кадровые вопросы.

Об этом никак нельзя забывать — чистка кадров была тотальной, без этого никакой Реформации (так А. Яковлев называл перестройку) произвести бы не удалось. Вспоминая 1986 г., американский посол Д. Мэтлок писал: «И еще одно ключевое слово вошло в моду в то лето: “Гласность”. Главную роль на этом фронте перестройки играл возглавлявший Отдел пропаганды ЦК КПСС А.Н. Яковлев, который еще накануне XXVII съезда начал обновлять руководящий состав средств массовой информации. Летом 1986 г. он уже докладывал на Политбюро, что “руководящие кадры в этой сфере на 90% заменены”» [40][11].

Но после 1991 г. А.Н. Яковлев выразил свое отношение к СССР и советскому строю откровенно, и из этого можно понять, как он проводил смену кадров, какие установки давал аппарату и кого поддерживал в сфере «идеологии, информации и культуры». Он пишет о перестройке так: «Перестройка — это объективно вызревшая в недрах общества попытка излечить безумие октябрьской контрреволюции 1917 г., покончить с уголовщиной и безнравственностью власти. … Перестройка 1985–1991 гг. взорвала былое устройство бытия, пытаясь отбросить не только уголовное начало, но и все, что его объективно оправдывало и защищало, на нем паразитировало: беспробудный догматизм, хозяйственную систему грабежа и коллективной безответственности, организационные и административные структуры бесправия» [39, с. 567, 568].

Иррациональная ненависть академика, который смолоду поднимался по номенклатурной лестнице КПСС, — психологическая загадка. Для нас здесь важнее вкрапления рациональных суждений. «Перестройка *взорвала* былое устройство бытия!» — вот в чем корень кризиса и бедствия народов.

Какая фальшь те обвинения, которые бросает советским людям человек, сам всю жизнь (с двадцати лет) бывший идеологи-

---

[11] Погром кадров произошел и в партийном аппарате, и в аппарате управления хозяйством, и в правоохранительной системе. Вот примеры: «В 1986–1989 гг. сменилось 82,2% секретарей райкомов, горкомов и окружкомов КПСС». «В 1986–1989 гг. сменилось почти 90% секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик». «Рекорд был поставлен в сфере кадров корпуса инструкторов райкомов, горкомов и окружкомов. Здесь за четыре года сменилось 123,1 % работников. … На 80% сменили прокуроров, на 60% — судей. 400 тыс. новых людей влили в милицию» (см. [41]).

ческим начальником в той системе, которую он теперь обличает: «Это мы травили и расстреливали себе подобных, доносили на соседей и сослуживцев, разоблачали идеологических “нечестивцев” на партийных и прочих собраниях, в газетах и журналах, в фильмах и на подмостках театров. И разве не нас ставили на колени на разных собраниях для клятв верности и раскаяния, что называлось критикой и самокритикой, т. е. всеобщим и организованным доносительством… Слава богу, еще живы многие мои соратники-современники, которые швырнули свое сердце и душу на гранитную стену деспотии. И сказали они тем молодым, что пошли за ними: дышите свободой и поклянитесь именем уничтоженных нами же предков, что свобода — это навсегда, не творите себе кумиров, не лезьте под грязные сапоги сталинократии» [39, с. 18].

Это и есть разрушение культуры — так обличать людей, которых ты сам, будучи одним из «правителей страны», учил политграмоте: «Невообразимые преступления, совершенные правителями страны под громкие аплодисменты толпы, неистово мечутся в душе. Хочется верить, что хотя бы в уголочках сознания людей еще живет придушенная совесть, противоречивая и с трудом открывающая глаза, еще коллективизированная и так трудно расстающаяся с рабством» [39, с. 17].

И это — академик, ведущий ученый-экономист! А какова его риторика, когда уже не надо притворяться: «В деревне все еще колхозом воняет. Не дотации колхозам надо давать, а кредиты фермерам. Да еще самогонку пить надо в два раза меньше и в два раза работать больше — и пойдет-поедет. … Деревенская общественность, неизменно голосующая за возвращение к “строительству коммунизма”, редко бывает трезвой, но, протрезвев, люто ненавидит “оккупационный режим” демократов, поскольку нет денег на опохмелку. А еще за то, что в России появились более или менее состоятельные люди. Речь идет не о ворах. Речь идет о трудягах, вкалывателях. О тех, кто держит на своем подворье две-три коровы и кормит полдюжины, а то и дюжину поросят. Купил автомобиль, чаще всего подержанный, перестраивает свой образ жизни, значит — ату его! Кто сначала потный, а потом уже пьяный, но потеет больше, чем пьет, навеки проклят большевиками» [39, с. 628–629].

Вот тебе и демократия XXI в.!

Третья фигура, много сделавшая для формирования антисоветской идеологии и внедрения ее в массы, — академик **Т.И. Заславская**. Она была членом КПСС с 1954 г., президентом Советской социологической ассоциации, помощником М. Горбачева и депутатом Верховного Совета СССР, активным членом Межрегиональной депутатской группы. Она стала членом-корреспондентом АН СССР с 1968 г., на ранней стадии институционализации советской социологии после войны (академиком АН СССР в 1981 г.). Ее слово доходило практически до всего сообщества обществоведов, а только *научных* работников в области исторических, экономических и философских наук в 1985 г. было 163 тыс. человек. Гораздо больше таких специалистов с высшим образованием работало в госаппарате, народном хозяйстве и социальной сфере.

В 1983 г. Т.И. Заславская подготовила доклад «О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии» [23]. Его напечатали под грифом «для служебного пользования», но в августе 1983 г. доклад, «попавший в США и ФРГ без обложки», был там опубликован под названием «Новосибирский манифест», его стали передавать на СССР по радио. Доклад этот опубликован, но вряд ли многие его помнят — это типичный для официального советского обществоведения поток слов с туманными намеками на негативные тенденции и с советами «партии и правительству», с одной стороны, «закрутить гайки» для несознательных рабочих и, с другой стороны, уделять побольше внимания разным вопросам. А также предложение учредить новую науку — экономическую социологию. Стоит сегодня этот доклад прочитать — мозги прочищает.

Самые радикальные рекомендации такого сорта: «Сколько-нибудь законченной “модели” нового хозяйственного механизма наша наука пока не имеет, и при современных способах организации исследований в принципе иметь не может… Как показывают наши исследования, социальный механизм развития экономики имеет сложное строение. Подобно тому, как часовой механизм состоит из большого числа взаимосвязанных пружин, колесиков, молоточков и пр., социальный механизм развития экономики состоит из множества, хотя и связанных между со-

бой, но относительно самостоятельных частных механизмов социально-экономического воспроизводства… Решение актуальных проблем развития советской экономики теснейшим образом связано с совершенствованием социального механизма ее развития. Именно здесь сконцентрированы сегодня наиболее сложные проблемы, и именно отсюда следует начинать работу по преодолению негативных тенденций в экономической жизни страны» [23].

Скорее всего, западные «голоса» транслировали этот доклад, потому что началась «раскрутка» академика Т.И. Заславской для свершений в грядущей перестройке.

В 1987 г., когда программа переделки советского государства вступила в решающую стадию, М.С. Горбачев дал определение программы как *революции*: «Перестройка — многозначное, чрезвычайно емкое слово. Но если из многих его возможных синонимов выбрать ключевой, ближе всего выражающий саму его суть, то можно сказать так: перестройка — это революция.

Думается, у нас были все основания заявить на январском Пленуме 1987 г.: по глубинной сути, по большевистской дерзости, по гуманистической социальной направленности нынешний курс является прямым продолжением великих свершений, начатых ленинской партией в Октябрьские дни 1917 г.» [31, с. 46–47][12].

Из ведущих обществоведов Т.И. Заславская первая гласно определила перестройку как революцию, т. е. как смену политической и социальной системы. Это был поворотный пункт в перестройке. В книге-манифесте «Иного не дано» (1988 г.) она пишет: «С точки зрения ожидающих решения задач предстоящее преобразование общественных отношений действительно трудно назвать иначе, как относительно бескровной и мирной (хотя в Сумгаите кровь пролилась) *социальной революцией*. Речь, следовательно, идет о разработке стратегии управления не обычным, пусть сложным, эволюционным процессом, а революцией, *в корне меняющей основные общественно-политические структуры, ведущей к резкому перераспределению власти, прав, обязан-*

[12] А.Н. Яковлев дает такое определение: «Мартовско-апрельская демократическая революция [1985 г.] была революцией по содержанию, но эволюцией по форме».

ностей и свобод между классами, слоями и группами… Спрашивается, возможно ли революционное преобразование общества без существенного обострения в нем социальной борьбы? Конечно, нет… Этого не надо бояться тем, кто не боится самого слова *революция*» [22].

Подумайте: главный социолог страны и советник генерального секретаря ЦК КПСС объявляет, что власть погружает страну в *революцию*, что не надо бояться самого слова *революция*, что будут «резкое перераспределение власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами» и «обострение социальной борьбы» — и ни слова о том, какие антагонистические противоречия делают неизбежной такую катастрофу. Какие классовые интересы столкнулись в середине 1980-х годов в стране, где были устранены массовая бедность и безработица, преодолена социальная вражда, вызванная резким расслоением по доступу к главным жизненным благам? В чью пользу произойдет «резкое перераспределение» всего? Безответственность такого доктринерства просто потрясает. Все нормы научного дискурса отброшены! И никакого беспокойства в сообществе социологов.

Как же характеризует советский общественный строй главный социолог СССР? Как социальную систему «империи зла»! По сравнению с крамольным докладом 1983 г., распространенным самиздатом, она совершила идеологический поворот на 180°. Советский строй она предлагает заменить «социальным капитализмом» (что означает этот эвфемизм, все прекрасно знают). Не может быть такого поворота в науке, это — поведение идеологического работника.

В марте 1990 г. Т.И. Заславская представила в АН СССР программный доклад, который стал подведением итогов перестройки в оценке ведущего социолога, непосредственно отвечавшего за ее «научное сопровождение». В нем говорится: «Политически советское общество было и остается тоталитарным… Социально советское общество резко поляризовано. Полюса его социальной структуры образуют высший и низший классы, разделенные социальной прослойкой…

Нижний полюс советского общества образует класс наемных работников государства, охватывающий рабочих, колхозников и массовые группы интеллигенции. Границы этого класса

в значительной степени совпадают с часто используемым газетным клише “трудящиеся”. С моей точки зрения, “трудящиеся” составляют единый класс, отличительными особенностями которого служат практическое отсутствие собственности и крайняя ограниченность социально-политических прав. Положение этого класса характеризуется скученностью в коммунальных квартирах или собственных домах без удобств, низкими доходами, ограниченной структурой потребления, неблагоприятными экологическими условиями жизнедеятельности, низким уровнем медицинского обслуживания и социальной защиты…

Сотни миллионов обездоленных, полностью зависимых от государства представителей этого класса пролетаризированы, десятки миллионов — люмпенизированы, т. е. отчуждены не только от средств производства, но и от собственной истории, культуры, национальных и общечеловеческих ценностей…

Главное социальное отношение советского общества на протяжении десятилетий заключалось в экономической эксплуатации и политическом подавлении трудящихся партийно-государственной номенклатурой. Возникшее в начале 30-х годов и резко углубившееся к 80-м социальное противостояние этих классов носило и носит антагонистический характер…

Больное, прогнившее, резко дифференцированное общество предполагалось сделать здоровым и социально справедливым. Но идея социального возрождения могла сплотить только прогрессивные силы, заинтересованные в оздоровлении общества… Советскому обществу предстоит пройти через серьезные трудности, которые представляют своеобразную “плату” за приобщение к общечеловеческим ценностям…

Единственно разумной политикой является последовательный демонтаж тоталитарной государственно-монополитической системы в целях ее замены более эффективной системой “социального капитализма”, сочетающего частную собственность с демократической формой политического правления и надежными социальными гарантиями для трудящихся. … Такое развитие советского общества надо рассматривать как переход от самого негуманного и антисоциалистического капитализма в мире к значительно более цивилизованному, гуманному и “социализированному” капитализму» [24].

В этом докладе даны квалификации советскому строю (не в период сталинизма, а на конец 1980-х годов), которые прямо обязывали каждого «честного человека» начать непримиримую борьбу против СССР. Сказано, что «политически советское общество (больное, прогнившее) остается тоталитарным». Следовательно, демократизации оно не поддается, политическую систему надо менять. «Социальное противостояние классов носит антагонистический характер» — значит, общественный диалог и компромиссы невозможны, «демонтаж тоталитарной государственно-монополистической системы» является «единственно разумной политикой». Советская система — «самый негуманный и антисоциалистический капитализм в мире», и ее надо заменить «цивилизованным капитализмом».

Этот доклад не отвечает нормам научного текста еще и потому, что его тезисы и аргументы радикально противоречат логике. В докладе, в частности, сказано: «Демократическая перестройка, происходящая в нашей стране, была задумана как реформа “сверху”, но на практике переросла в революцию “снизу”, поддержанную многомиллионными массами…

Летом 1990 г. мы спросили своих респондентов о том, каковы, по их мнению, главные результаты пяти лет перестройки общественных отношений. Наибольшее число голосов получили ответы: “потеря уверенности в завтрашнем дне” — 43%, “кризис национальных отношений” — 37%, “хаос и неразбериха в управлении страной” — 29%, “углубление экономического кризиса” — 28%…

Чтобы выяснить, как большинство людей оценивают влияние перестройки на собственную жизнь, был задан вопрос: “Стала ли Ваша жизнь, после того как в 1985 г. к руководству пришел М.С. Горбачев, лучше, хуже или не изменилась?”. 7% ответили, что их жизнь улучшилась, 22% — не изменилась, у 57% стала хуже, 14% затруднились ответить… Дальнейшее нарастание экономических трудностей и политической напряженности предсказывали 63 и 59%.

Общественное мнение чутко улавливает тенденцию к усилению социального расслоения: ее отмечают 59–63% опрошенных. Почти 60% уверены, что в дальнейшем различия в уровне жизни богатых и бедных будут расти. Когда же мы попытались выяс-

нить, кто имеет наибольшие шансы повысить свои доходы, то на первые места вышли ответы: “богаче станут только те, кто живет нечестным трудом” (46%), “получать больше станут те, кто сумеет пристроиться на хорошую работу” (43%), “богатые станут жить богаче, а бедные — беднее” (41%) … Только 2–3% опрошенных верят, что от перемен в экономике выиграют рабочие, крестьяне и интеллигенция» [24].

Идеолог «*демократической*» перестройки утверждает, что перестройка якобы «переросла в революцию “снизу”, поддержанную многомиллионными массами». Но ведь по приведенным самой Т.И. Заславской данным большинство опрошенных оценивали перестройку как бедствие, которое будет лишь углубляться в ходе начатой реформы. Какая может быть «революция снизу», когда «только 2–3% опрошенных верят, что от перемен в экономике выиграют рабочие, крестьяне и интеллигенция»! Как могли академики-обществоведы, слушавшие этот доклад в Президиуме АН СССР, не заметить крайнего *антидемократизма* принципиальных положений этого доклада?

Называть перестройку «революцией многомиллионных масс» — это новояз в стиле Дж. Оруэлла. В большом докладе Горбачев-фонда по поводу юбилея 2005 г. говорится о «группе поддержки» перестройки: «Новое руководство могло рассчитывать на относительно устойчивую поддержку двух групп отечественной бюрократии. Одна из них — партийные интеллектуалы, чьи взгляды сформировались под сильным влиянием хрущевской “оттепели”. В идеологическом плане они тяготели к “социализму с человеческим лицом” — концепции, отчасти навеянной идеями конвергенции капитализма и социализма. Для них перестройка означала уникальную возможность продолжить позитивные изменения, начатые в годы правления Н. Хрущева и прерванные рецидивом сталинизма в период брежневского застоя. К другой группе принадлежали “технократы” — управленцы советской экономики, которые трезво оценивали ее реальное состояние» [25].

Что же касается народных масс, оказывается, именно они и не дали М. Горбачеву насадить социализм с человеческим лицом. Авторы доклада жалуются: «Реформаторы и интеллектуальная элита Советского Союза оказались неподготовленными к про-

явлениям националистических предрассудков, раскола, вражды. Как известно, российский народный анархизм — всегда оборотная сторона модели народного же государственничества. Бунтарский, антигосударственный пафос преднамеренно подогревался некоторыми элитными группировками».

Вот еще выдержка из доклада Т.И. Заславской, которая характеризует установки массового сознания: «В конце сентября 1990 г. ВЦИОМ провел опрос общественного мнения об исторической необходимости и итогах Великой Октябрьской революции… Анализ полученных данных позволил выделить четыре типа социально-политических позиций. Два первых типа характерны для 40–50% взрослого населения страны. Они объединяют людей, считающих: что большевики должны были взять власть (52%); что Октябрьская революция выражала реальную волю народов страны (39%); что она открыла новую эру в ее истории, дала толчок ее социальному и экономическому развитию (45%).

Респонденты второго типа, составляющие 25–30%, придерживаются несколько иных позиций. Признавая историческую необходимость революции, они осуждают многие действия большевиков. … Третья позиция отличается от второй перерастанием критицизма в принципиальное неприятие идей Октябрьской революции. Люди, разделяющие эту позицию, считают, что захват власти большевиками не был исторически необходим (28%)… Прямые сторонники перехода страны с социалистического пути на капиталистический составили около 10%…

В сентябрьском опросе 1990 г. был использован другой вариант того же вопроса: “Каким курсом должен следовать СССР в будущем?”. За “отказ от социализма и переход к капитализму” здесь высказались 8%, за “социал-демократию североевропейского типа, сочетающую черты социализма и капитализма”, — 30%…

Общий вывод заключается в том, что значительная часть советских людей считает избранный нашим обществом исторический путь ошибочным… Есть основания ожидать, что по мере развития рынка и формирования слоя предпринимателей социальный конфликт между ними и основной массой трудящихся будет обостряться» [24].

Какая логика! Половина опрошенных явно поддерживает не просто социализм конца 1980-х годов, но и большевиков, а за «отказ от социализма и переход к капитализму» — всего 8%. И это академик называет «значительная часть советских людей считает избранный нашим обществом исторический путь ошибочным». Нет предела демагогии у идеологов перестройки.

В десятую годовщину начала перестройки, в конце 1995 г. на международном форуме «Россия в поисках будущего» Т.И. Заславская опять делает главный, программный доклад. Она, в частности, сказала об оценке респондентов: «На прямой вопрос о том, как, по их мнению, в целом идут дела в России, только 10% выбирают ответ, что “дела идут в правильном направлении”, в то время как по мнению 2/3 “события ведут нас в тупик”. Именно те же 2/3 россиян при возможности выбора предпочли бы вернуться в доперестроечное время, в то время как жить как сейчас предпочел бы один из шести» [26].

Вот интегральная оценка перестройки и реформы на тот момент — 2/3 россиян при возможности выбора предпочли бы вернуться в доперестроечное время. И это при том, что выросло новое поколение, уже адаптированное к условиям, заданным перестройкой.

В 2002 г. Т.И. Заславская скорректировала свои утверждения и объяснила провал перестройки, на мой взгляд, неубедительно и нелогично — не вяжется ее объяснение с реальностью, все существенные тезисы неверны. Она заявила: «Демократические силы общества, едва освободившегося от тоталитаризма, были слабы, организационно и идейно разобщены. Они не имели ни политической программы, ни навыков политической борьбы, ни существенного политического влияния. Многоопытная номенклатура, в руках которой находились все значимые ресурсы общества, легко оттеснила демократов от ведущих позиций и предотвратила народно-демократическую революцию…

Мой общий вывод заключается в том, что новой социальной революции в России не было. В действительности имела место эволюция, в основе которой лежало, однако, не постепенное и последовательное развитие, а цепочка сменявших друг друга кризисов. Исходный подъем демократических движений, соединившихся с национально-освободительными, завершился распадом СССР.

Радикальные либерально-демократические реформы фактически вылились в ограбление общества горсткой в общем случайных людей. Начавшаяся затем спонтанная трансформация в условиях отсутствия у правящей элиты стратегии и политической воли имела следствием, прежде всего, крайнее ослабление государства и тотальную криминализацию общества. Причем каждый их этих этапов углублял кризисное положение России» [27].

Более откровенно и реалистично определил в 1990 г. задачи перестройки в экономической и в политической сфере Г.Х. Попов: «Главное в перестройке в экономическом плане — это дележ государственной собственности между новыми владельцами. В проблеме этого дележа — суть перестройки, ее корень… Суть перестройки в политике — полная ликвидация Советов… Другими словами — десоветизация». О национально-государственном устройстве он говорит примерно то же, что и в «Конституции Сахарова»: «Формируется на месте СССР три, четыре, а то и пять десятков независимых государств… А потом эти республики решают: нужен ли новый Союз республик» [28].

Надо сказать, что, хотя Т.И. Заславская отступила от представления перестройки как революции, «прорабы перестройки» второго эшелона уверенно называли начатые преобразования революцией, причем уточнялось, что речь шла о революции разрушительной и проводимой «сверху». Из этого видно, что такая квалификация перестройки была узаконена руководством.

Вот примеры таких изречений: «Революция сверху отнюдь не легче революции снизу. Успех ее, как и всякой революции, зависит прежде всего от стойкости, решительности революционных сил, их способности сломать сопротивление отживших свое общественных настроений и структур» (Н.П. Шмелев). Е.Г. Ясин также считал, что в 1991 г. в СССР произошла революция: «По своему значению, по глубине ломки социальных отношений, пронизавших все слои общества, [августовская] революция была для России более существенна и несравненно более плодотворна, чем Октябрьская 1917 г.». Е.Т. Гайдар и В.А. Мау называли эту революцию Великой, потому что она, «во-первых, реализовалась в условиях резкого ослабления государства, утраты им власти над экономикой и, во-вторых, прошла “весь цикл, все фазы”. Со-

временный процесс преимущественно стихийных социально-экономических преобразований в рамках этой концепции трактуется как *естественное последействие революции*» [27].

Видные социологи О.И. Шкаратан и В.В. Радаев[13] также не сомневались, что перестройка была именно *революцией*: «А что же нынешняя революция? А это, безусловно, революция. Речь идет о смене формаций. Она началась в восточноевропейских странах под знаменем обновления социализма, но по сути это антиэтакратическая революция. Она может дать выход из тупиков государственно-монополистического способа производства» [29].

Таким образом, та часть элиты обществоведов, которая выступала как идеологическая служба команды М. Горбачева, в своем кругу рассматривала перестройку как революцию, целью которой была смена формации, ликвидация советского строя, а вовсе не «Больше социализма! Больше справедливости!». Они отбросили элементарные нормы научной этики и приверженность истине. Должна же российская интеллигенция наконец-то дать себе в этом отчет.

Ненависть к стране, в которой эти люди выросли и вошли в элиту образованного слоя, поражает. Ведь эта ненависть неизбежно распространяется и на старшие поколения, которые эту страну «полуживую вынянчили» и отстояли в тяжелейшей войне. И какая деформация сознания!

О.И. Шкаратан и В.В. Радаев пишут об СССР (еще в 1990 г.): «Большинство спорящих сложившуюся систему общественных отношений, существующие порядки называют казарменным, феодальным социализмом. Подавляющее большинство авторов, тем не менее, признает, что то ужасное общество, с кровавыми деспотическими порядками, миллионами жертв в мирные годы, невиданной нормой эксплуатации рабочих и крестьян, — все же общество социалистическое, хотя и деформированное, с отклонениями от некоей нормы. … Наш подход заключается в другом: мы стремимся дать объективный анализ сложившегося особого, самостоятельного способа производства» [29].

---

[13] В настоящий момент О.И. Шкаратан — профессор ГУ ВШЭ, В.В. Радаев — зав. кафедрой экономической социологии, профессор, первый проректор ГУ ВШЭ.

Какой может быть «объективный анализ», если аналитик говорит на таком языке! Ведь язык — главное средство познания, мы «мыслим понятиями». Эта растиражированная статья О.И. Шкаратана и В.В. Радаева — призыв к свержению советского строя. Ну и какой строй они дали людям взамен?

Поношение советского жизнеустройства обществоведами, близкими к власти, доходило до глупости. А. Мигранян (в статье «Долгая дорога к Европейскому дому») пишет: «Разрушая все органические связи, отчуждая всех от собственности и власти, данный режим… Вот почему никогда в истории не было такого бессилия отдельного человека перед властью». В одном абзаце утверждается, что советский режим *всех* отчуждал от собственности и власти, а в другом абзаце — что при советском строе был *многомиллионный класс* бюрократии, который имел собственность и власть. Далее говорится, что не было *во всей истории*, включая правление царя Ирода и Пол Пота, большего бесправия, чем в СССР вплоть до прихода демократов. Человек явно не может связать концы с концами[14].

Антисоветская революция, идеологами которой стали виднейшие представители элиты обществоведов, привела к победе меньшинства. Спустя 20 лет после начала перестройки в РФ было проведено большое исследование «Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя». В общество влилась большая когорта тех, кому довелось наблюдать перестройку в детском возрасте и повзрослеть, уже не зная советского строя. Они приняли постсоветскую жизнь как данность и относятся к ней лояльно. И, тем не менее, вывод исследователей таков: «***После 1988 г.*** число поддерживающих идеи и практику перестройки сократилось почти в два раза — до 25%, а число противников выросло до 67%. И сегодня доля россиян, позитивно оценивающих перестройку, хотя и несколько возросла и составляет 28%, тем не менее, большинство населения оценивает свое отношение к ней как негативное (63%).

---

[14] В этой стае кукушка хвалит петуха. А.С. Ципко пишет об этой статье: «Предложенный Мигранияном анализ сталинского тоталитаризма проделан блестяще, маленький параграф “Тупик тоталитаризма” из статьи “Долгая дорога к Европейскому дому” и сейчас достоин восхищения. Тут и жесткая мысль, и пафос разоблачения сталинизма, и тонкие жизненные наблюдения».

Наибольшую поддержку, как и 10 лет назад, получила точка зрения о том, что перестройка не должна была выходить за рамки заявленных первоначально целей, определенных как обновление и демократизация социализма. Причем доля тех, кто так считает, за последнее десятилетие возросла с 27% до 33%. Стоит отметить, что суммарная доля тех, кто считает, что перестройку следовало проводить, не разрушая социалистического строя, и тех, кто считает, что перестройку вообще не следовало начинать (это, условно говоря, сторонники социализма в "горбачевском" и в "брежневском" вариантах), составляет 54%. Объединив же, условно говоря, "демократов-западников" и "либералов-авторитаристов", т. е. тех, кто сегодня является сторонником несоциалистического пути развития страны, мы получим цифру 30%. Другими словами, ***доли сторонников перестройки советского общества на социалистических и несоциалистических началах соотносятся сегодня в России как 1,8:1,0***» [32].

29 декабря 2012 г. исполнилось 90 лет подписанию Договора об образовании СССР. Перед этим ВЦИОМ провел всероссийский опрос граждан об их отношении к роспуску СССР. Сожалеют об этом 56% опрошенных, но это в среднем. Среди людей старше 45 лет, т. е. поживших при советском строе в сознательном возрасте, сожалеют 70–83%. Вот какая часть граждан, которым в 1991 г. было 24 и более лет, не поддалась антисоветской пропаганде во время перестройки. ВЦИОМ подчеркивает, что, независимо от возраста, о роспуске СССР сожалеют 72% граждан «с низким уровнем образования» и 75% «не пользующихся Интернетом». «Не жалеют о распаде СССР 33% опрошенных (десять лет назад — 27%). В основном это молодежь (54%), люди с высшим образованием (37%) и активные интернет-пользователи (43%)», — говорится в отчете ВЦИОМ [33][15].

Ясно, где прошли линии раскола.

---

[15] Сами идеологи перестройки даже сейчас неспособны высказаться без демагогии. Так, в докладе Горбачев-фонда «Перестройка: 20 лет спустя» (2005 г.) сказано: «До 70–80% россиян в той или иной мере разделяют и поддерживают базовые демократические ценности, привнесенные в нашу жизнь перестройкой» [25]. Эта фраза фальшива — все люди на земле «в той или иной мере разделяют демократические ценности». Речь же идет не об этом, а о конкретных результатах, «привнесенных в нашу жизнь перестройкой».

Таким образом, в финале перестройки вовсе не произошло, как утверждали ее идеологи, «свержения советского строя народом». Произошла номенклатурно-криминальная «революция сверху» с *дезориентацией* населения уважаемыми академиками и профессорами. Даже в 1991 г., на пике перестроечной пропаганды, антисоветизм не был принят большинством.

В информационной подготовке политических акций по развалу СССР как многонационального государства принял участие цвет либерально-демократической части обществоведов. Сразу после ликвидации СССР многие номенклатурные гуманитарии стали откровенно излагать свои антисоветские представления, которые до этого распространяли полулегально. Например, историк и зав. сектором Института востоковедения АН СССР А. Празаускас пишет: «СССР силой и посредством тотального контроля удерживал вместе разноплеменной мир, своеобразный евразийский паноптикум народов, не имевших между собой ничего общего, кроме родовых свойств Homo sapiens и искусственно созданных бедствий» [35].

Вот еще несколько кратких утверждений из огромного потока программных сообщений в широком диапазоне авторов. Историк Юрий Афанасьев: «СССР не является ни страной, ни государством… СССР как страна не имеет будущего». Советник президента Галина Старовойтова: «Советский Союз — последняя империя, которую охватил всемирный процесс деколонизации, идущий с конца Второй мировой войны… Не следует забывать, что наше государство развивалось искусственно и было основано на насилии». Историк М. Гефтер говорил в Фонде Аденауэра об СССР, «этом космополитическом монстре», что «связь, насквозь проникнутая историческим насилием, была обречена» и Беловежский вердикт, мол, был закономерным.

Перестройка стравила народы! Депутат А. Нуйкин вспоминает в связи с войной в Нагорном Карабахе: «Как политик и публицист, я еще совсем недавно поддерживал каждую акцию, которая подрывала имперскую власть. Поэтому мы поддерживали все, что расшатывало ее. А без подключения очень мощных национальных рычагов ее было не свалить, эту махину» [36][16]. Возбуждая агрес-

[16] «В первую десятку перестроечных публицистов 1988 г. входили Н. Шмелев, А. Нуйкин, Ю. Карякин, Г. Попов, Ю. Черниченко, А. Ваксберг, В. Селюнин,

сивную этничность как таран против СССР, антисоветская интеллигенция заведомо жертвовала демократическим проектом — она открывала путь этнократическим режимам.

Видные обществоведы участвовали непосредственно и в политических действиях. Так, в июне 1987 г. Европарламент учредил «День памяти жертв геноцида в Армении». Началась череда торжественных церемоний в Ереване, в которых ненависть к туркам переносилась на соседей-азербайджанцев, которых называли не иначе как «турками». Готовился кровавый конфликт — самое сильное средство разрушения межнациональных отношений.

Генерал-майор КГБ В.С. Широнин, направленный в зону конфликта, пишет: «Первый сигнал к волнениям в Карабахе поступил к нам “из-за бугра”. Академик Абел Аганбегян в середине ноября 1987 г. во время приема, устроенного в его честь Армянским институтом Франции и Ассоциацией армянских ветеранов, выразил желание узнать о том, что Карабах стал армянским. Кроме того, в Москве широко распространились слухи о том, что Аганбегян сослался на свою беседу с Горбачевым, в которой всемогущий генсек ЦК КПСС якобы сказал, что Карабах будет передан Армении. Поразительно, несмотря на этот чрезвычайно устойчивый слух, ни тогда, ни позже, даже в разгар карабахской войны, Горбачев ни прямо, ни косвенно его не опроверг…

Заявление Абела Аганбегяна мгновенно стало центральной темой для многих зарубежных армянских газет и журналов, для радиостанции “Айб” в Париже, а также армянских редакций радио “Свобода”, “Голос Америки” и других… В результате прозвучавший в далеком Париже призыв к беззаконию стал по сути началом карабахского конфликта» [37].

3. Культурные особенности дискурса идеологов антисоветской революции

Рассмотрение дискурса этих идеологов актуально, потому что они — идеологи *революции перманентной*. Они не исчезли из российского политического пространства и остались в элите

Ф. Бурлацкий, А. Стреляный, О. Лацис» [38].

постсоветского обществоведения. Для них Россия, только-только начавшая выбираться из ямы кризиса при В.В. Путине, — такая же «империя зла», как и СССР.

Вот что писал А.Н. Яковлев примерно в 2003 г.: «Ползучая реставрация нарядилась в одежды стабилизации. Разрыв между словами и делами снова стал повседневным занятием политиков. Иными словами, непереносимо, когда рушится здание, в фундаменте которого есть и твои кирпичи. Даже в страшном сне не могло присниться, что по стране зашагают отряды мерзавцев, а не созидателей, готовых отстаивать свободу человека» [39, с. 13]. Но он так и остался одним из главных авторитетов этого элитарного сообщества.

Первой особенностью дискурса этого сообщества надо назвать *этический нигилизм*. Йохан Хейзинга говорил, что свобода государства от морали — величайшая опасность, угрожающая западной цивилизации, это «открытая рана на теле нашей культуры, через которую входит разрушение». К моменту перестройки у нас возникло целое сословие элитарных «прогрессивных» интеллектуалов, которые оправдывали свою аморальность свободой информации и стремлением разрушить оковы «угнетения нравственностью». Ф. Ницше писал о них: «Ничто не вызывает большего отвращения к так называемым интеллигентам, исповедующим “современные идеи”, как отсутствие у них стыда, спокойная наглость взора и рук, с которой они все трогают, лижут и ощупывают».

Сравнительно мягкой разновидностью этого нигилизма является *отвлечение* общественного сознания, *замалчивание* намерений и проекта. В этом выразилось «отношение к человеку как к вещи» — важная антропологическая установка всей реформы. Это — частое в политике явление, но в нашем случае оно наблюдалось в небывалых масштабах и в массовом порядке. Из мышления и языка была исключена сама проблема *выбора*, а вся политика опущена с уровня *бытия* до уровня *быта*. Дебаты шли только по поводу *решений*, как будто исторический выбор был задан стране откуда-то сверху, и обсуждению не подлежал.

Во время перестройки интеллигенцию увлекли совершенно схоластическим спором о том, являлся ли советский строй социализмом или нет. Как о чем-то реально существующем и одно-

значно понимаемом спорили, что из себя представляет советский строй: мобилизационный социализм? казарменный социализм? феодальный социализм? Сказал *«казарменный социализм»* — и вроде все понятно. Академик Т.И. Заславская уже под занавес перестройки в важном докладе озадачила аудиторию: «Возникает вопрос, какой тип общества был действительно создан в СССР, как он соотносится с марксистской теорией?».

Страну уже затягивало дымом, а глава социологической науки погрузилась в тонкости дефиниции и марксистской теории, смысл которой даже закоренелые начетчики помнили очень смутно. О главных устоях реального жизнеустройства, которое собирались сломать, вообще не говорили — никто об этом и не подозревал. Переживали, что социализм-то у нас оказался казарменным. Какое горе! Так жить нельзя!

Вот как характеризовала суть перестройки академик Т.И. Заславская: «Перестройка — это изменение типа траектории, по которой движется общество… При таком понимании завершением перестройки будет выход общества на качественно новую, более эффективную траекторию и начало движения по ней, для чего потребуется не более 10–15 лет… Необходимость принципиального изменения траектории развития общества означает, что прежняя была ложной» [60].

Что значит сменить *тип траектории*? В чем оказалась ложной «прежняя траектория»? В какой момент Россия пошла по ложному пути? И люди начинают размышлять и спорить об этих туманных абстрактных намеках.

В 1990 г. в большой статье в журнале «Вопросы философии» выступили В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзон, «классики советского марксизма», авторы главного учебника по историческому материализму, который регулярно переиздавался с 1962 г. Они, конечно, отказываются от советского строя, и вот почему: «Строй, который преподносился официальной идеологией как воплощение идеалов социализма, на поверку оказался отчужденной от народа и подавляющей личность авторитарно-бюрократической системой… Идейным основанием этой системы был догматизированный марксизм-ленинизм» [61].

Эти два высокопоставленных деятеля «официальной идеологии» и едва ли не самые активные производители «догмати-

зированного марксизма» вдруг обнаружили, что «на поверку»(!) советский строй оказался не тем, что они сорок лет пропагандировали! А раньше, до указания начальства, они этого не замечали? Потому-то их статья, полная самой примитивной ругани в адрес «авторитарно-бюрократической системы», не содержит ни одной мало-мальски определенной мысли. Они сами, похоже, чувствуют это и, как водится, сваливают вину на внешние обстоятельства: «Скованность мысли, догматизм, внутренняя цензура снижали творческий потенциал талантливых ученых и были одновременно питательной средой для выдвижения серости и посредственности»[17].

Но главное — ничего внятного о том катастрофическом повороте, который замысливался и проектировался в их среде. Поразительное молчание. Среди экономистов наблюдалась не менее поразительная вещь: ни один из ведущих академиков и профессоров никогда не сказал, что советское хозяйство *может быть переделано* в рыночное хозяйство западного типа. Никто из них никогда и не утверждал, что в России можно *построить* экономическую систему западного типа.

Академик А.Н. Яковлев сказал в мае 1991 г.: «Серьезный, глубокий, по-настоящему научный анализ брежневизма — точнее, периода 60-х—середины 80-х годов — еще впереди, его даже не начинали» [46, с. 24].

Если так, то элементарные нормы научности запрещали давать категорические оценки обществу за целый исторический период 1960–1980-х годов и тем более требовать его радикальной переделки! Специалист обязан сначала *изучить* объект реформы, провести его «серьезный, глубокий, по-настоящему научный анализ».

Ситуация аномальная: заявления по важнейшему для народа вопросу строились на предположениях, которых никто не решался явно высказать. Никто не заявил, что на рельсах выбранного с их участием курса реформ возникнет дееспособное хозяйство, достаточное, чтобы гарантировать выживание Рос-

---

[17] «Скованность мысли» Л. Брежнев предписать никому не мог, он мог лишь дать дорогу наверх таким как Келле и Ковальзон. Великолепные обществоведческие труды создавали даже в концлагере философ А.Ф. Лосев и этнолог Л.Н. Гумилев, а в ссылке культуролог М.М. Бахтин.

сии как целостной страны и народа. Сколько ни изучаешь сегодня документов и выступлений, никто четко не заявляет, что он, академик такой-то, уверен, что курс реформ выведет нас на безопасный уровень без срыва к катастрофе. А вот предупреждений об очень высоком риске прийти к катастрофе было достаточно.

Но радикальнее всего этический нигилизм проявился в массивной ***лжи***.

Перестройка велась под лозунгом «Больше социализма! Больше социальной справедливости!». А в 2003 г. идеолог перестройки и академик РАН (!) А.Н. Яковлев прямо говорит: «Для пользы дела приходилось и отступать, и лукавить. Я сам грешен — лукавил не раз. Говорил про “обновление социализма”, а сам знал, к чему дело идет… Есть документальное свидетельство — моя записка Горбачеву, написанная в декабре 1985 г., т. е. в самом начале перестройки. В ней все расписано: альтернативные выборы, гласность, независимое судопроизводство, права человека, плюрализм форм собственности, интеграция со странами Запада… Михаил Сергеевич прочитал и сказал: рано. Мне кажется, он не думал, что с советским строем пора кончать» [42].

При этом речь идет не о мальчике, который «слукавил» из-за боязни наказания. А.Н. Яковлев лгал сознательно, именно «для пользы дела». Истинный проект реформы был гражданам неведом, а задуматься не было времени — им «не давали опомниться» непрерывные потоки сообщений о скандалах, катастрофах и небывалых преступлениях.

А.Н. Яковлев открыто признавался, что идеологам перестройки приходилось «лгать и лицемерить». Он пишет в своих мемуарах: «Обстановка диктовала лукавство. Приходилось о чем-то умалчивать, изворачиваться, но добиваться при этом целей, которые в “чистой” борьбе, скорее всего, закончились бы тюрьмой, лагерем, смертью, вечной славой или вечным проклятием. Конечно, нравственный конфликт здесь очевиден, но, увы, так было. Надо же кому-то и в огне побывать, и дерьмом умыться. Без этого в России реформы не проходят. … Скажи, например, тогда на высшем политическом уровне о гибельной милитаристской направленности индустриализации, об уродливой коллективизации, о разрушительной идеологии, о террористическом характере государства и партии. И что бы из этого получилось?

Ничего путного, кроме очередного спектакля по “разоблачению” авторов подобных высказываний» [39, с. 35, 571].

Ну, обманули население — но как не стыдно обществоведам до сих пор убеждать школьников и студентов, что в начале 1990-х годов произошла «народная демократическая революция»! Ведь эта ложь ведет к массовой аномии.

И тогда, и сейчас видные действующие лица и историки перестройки утверждают, что никакой программы действий у реформаторов не было, и поэтому страна шаг за шагом сваливалась в кризис. Это нелепое оправдание, но на многих действует.

Эту концепцию задал сам М. Горбачев: «Нередко приходится сталкиваться с вопросом: а чего же мы хотим достигнуть в результате перестройки, к чему прийти? На этот вопрос вряд ли можно дать детальный, педантичный ответ» [43].

Это демагогия — никто и не просил у него педантичного ответа, спрашивали об общей цели, о векторе движения страны в *переходный* период. Когда спросили о программе А.Н. Яковлева, как «архитектора перестройки», он ответил: «Интересно, как вы себе представляете “план перестройки”? Это что, перечень мероприятий, утвержденный на политбюро, согласованный с министерствами и ведомствами, включая КГБ? Такого плана действительно не было и быть не могло. Того, кто его предложил бы, тут же поставили бы к стенке» [42].

А.Н. Яковлев не отвечает на простой вопрос, пытается отшутиться. Но его ирония не снимает вопроса. Если бы М. Горбачев предложил «перечень мероприятий, утвержденный на политбюро, согласованный с министерствами и ведомствами, включая КГБ», то кто его «тут же поставил бы к стенке»? С другой стороны, косвенно «архитектор перестройки» признает, что план был, причем главное содержание этого плана было таково, что если бы он стал достоянием гласности, то авторов его *тут же следовало бы поставить к стенке*, это кажется самому А.Н. Яковлеву естественным с точки зрения государства.

Здравый смысл подсказывает, что без программы действий было бы невозможно совершить молниеносную чистку и перетряску практически всего государственного и партийного аппарата, причем в режиме секретности. Бывший председатель КГБ СССР В.А. Крючков писал: «Никакой программы пере-

стройки не было. Люди путались в догадках относительно того, что же представляет собою этот замысловатый лозунг. Попытки выяснить, к чему же мы идем, какие цели преследуем, какие конкретные и перспективные задачи решаем, наталкивались на многословие Горбачева, а то и на глухую стену молчания» [45].

В действительности программа действий лихорадочно разрабатывалась на дачах группой помощников М. Горбачева, к ним регулярно приезжал А.Н. Яковлев, и об этом пишут в своих мемуарах люди из этого круга. Эта работа велась в конспиративных условиях с самого начала перестройки. А. Островский, собравший большой массив документов о перестройке, пишет: «Утверждения, что никакой программы не существовало и перемены проводились то ли вслепую, то ли наощупь, это сознательное или же бессознательное искажение истины. Единственно, в чем можно согласиться со сторонниками названной точки зрения [об отсутствии программы перестройки] и что не может не вызывать удивления, — концепция перестройки не утверждалась ни партийным съездом, ни пленумом ЦК КПСС, ни Политбюро ЦК КПСС. Более того, ни один из этих партийных органов не был даже поставлен в известность о разработке упомянутой концепции перестройки» [41].

Но это — умолчание. А в СМИ и публичных выступлениях поток заведомо ложных утверждений заполнил все уголки массового сознания и создавал ложную картину буквально всех сфер бытия России. Наше общество было просто контужено массированной ложью.

Граждан соблазняли тем, что в США миллионы людей владеют акциями и таким образом получают доход с капитала. Помню, началось со статей юриста С.С. Алексеева 1986–1987 гг., где он утверждал, будто на Западе давно нет частной собственности и эксплуатации, а все стали кооператорами и распределяют трудовой доход. Казалось невероятным: член-корреспондент АН СССР должен смотреть в лицо студентам — и так врать! Ведь известны данные по США: 1% взрослого населения имел в тот момент 76% акций и 78% других ценных бумаг. Эта доля колеблется очень незначительно начиная с 1920-х годов.

Вот сводка в «Нью Йорк Таймс» от 17 апреля 1995 г.: 1% населения США владеет 40% всех богатств (включая недвижимость

и пр.). А вот данные из переведенной на русский язык книги: «Наиболее богатые 0,05% американских семей владеют 35% всей величины личного имущества, в то время как имущество “нижних” 90% домашних хозяйств составляет лишь 30% его совокупной величины» [48]. Так что десяток акций, которые имеет в США кое-кто из рабочих, — фикция, вроде ваучера Чубайса.

И ведь в ложь о ваучерах поверили. А в США акции существенной роли в доходах наемных работников не играют. Читаем в справочнике «Современные Соединенные Штаты»: «В 1985 г. доля дивидендов в общей сумме доходов от капитала составила около 15%». А много ли рабочие и служащие получают доходов от капитала? Читаем: «Доля личных доходов *от капитала* в общей сумме семейных доходов основных категорий рабочих и служащих оставалась стабильной, колеблясь в диапазоне 2–4%». Два процента — весь доход на капитал, а в нем 15% от акций, т. е. для среднего человека акции дают 0,003% его семейного дохода. Три тысячных! И этим соблазнили людей на приватизацию!

Такое вранье, как в пропаганде частной собственности в годы перестройки, видеть приходится нечасто.

Почти одновременно с Т.И. Заславской, которая говорила о перестройке как социальной революции, в «Правде» пишет помощник и идеологический советник М. Горбачева философ Г.Л. Смирнов[18]: «Речь идет *не о социально-политической революции*, когда уничтожаются основы экономических отношений старого строя, устанавливается принципиально новая политическая власть, выражающая интересы свергающих классов. Здесь ситуация иная. Речь идет *не о разрушении общественной собственности на средства производства, а об ее укреплении* и более эффективном использовании… Речь идет не о сломе государственной власти, а о дальнейшем укреплении социалистического всенародного государства, углублении социалистической демократии, развитии народного социалистического самоуправления» (курсивом выделено мною. — *С. К.-М.*) [65].

---

[18] Смирнов Г.Л., академик АН СССР (после 1991 г. — РАН), В 1983–1985 гг. — директор Института философии АН СССР, в 1987–1991 гг. — директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В 1985–1987 гг. был помощником М.С. Горбачева.

Итак, два советника Горбачева по идеологии в ранге академиков пишут о главном происходящем в стране процессе и дают две диаметрально противоположные трактовки: достоверную в книге для узкого круга, для «своих», и абсолютно ложную в массовой газете с тиражом 5 млн экземпляров.

В январе 1994 г., когда разразился небывалый в истории индустриального общества кризис, академик А.Г. Аганбегян так объяснил его причины в интервью Институту социологии РАН: «Надо прямо сказать, что рыночная система — это очень жестокая система по отношению к человеку. Система с очень многими негативными процессами. Рыночной системе свойственна инфляция, рыночной системе обязательно свойственна безработица. С рынком связано банкротство, с рынком связан кризис перепроизводства, рецессия, которую, скажем, сейчас переживает Европа, с рынком связана дифференциация — разделение общества на бедных и богатых… Дифференциация у нас, конечно, к сожалению, уже сейчас, ну, не к сожалению — это неизбежно, у нас уже сейчас растет и будет дальше резко расти» [53].

Этот руководитель экономической науки был главным и самым авторитетным пропагандистом рыночной реформы. Но тогда он не говорил ничего даже отдаленно похожего на это заявление. Сравните с тем, что писал и говорил А. Аганбегян в 1989–1990 гг.

Вот что говорил А.Н. Яковлев в выступлении 4 мая 1990 г.: «Сейчас в общественный обиход пущены идеи, утверждающие, что в стране сильно возрастет безработица, упадет жизненный уровень и т. д. Думаю, что это пока относится к разряду неподкрепленных предположений… Лично я считаю, что при разумной организации дела безработицы быть не может, ибо у нас одна лишь сфера услуг может поглотить более чем те 10 млн человек, которым сулят безработицу… И вообще, рыночная экономика вводится не для того, чтобы ухудшить положение трудящихся, а для того, чтобы поднять жизненный уровень народа» [46, с. 170].

А.Н. Яковлев лгал, потому что в мае 1990 г. было уже прекрасно известно, что в результате реформы как раз «сильно возрастет безработица, упадет жизненный уровень и т. д.». А утверждение, будто безработицы при рынке быть не может, потому что «вообще рыночная экономика вводится не для того, чтобы ухудшить

положение трудящихся», надо расценивать как издевательство над слушателями и читателями.

Сравните три его выступления: два на широкую публику, одно для интеллигенции. Все они напечатаны в одной книжке тиражом 50 000 экз., читателями которой были увлеченные перестройкой интеллигенты.

Выступая 20 февраля 1990 г. в Московской высшей партийной школе, А.Н. Яковлев так характеризовал доктрину экономической реформы: «Думаю, если бы мы признали разнообразие форм собственности, то только бы выиграли от этого. Разумеется, речь не идет о частной собственности на банки, транспорт, базовые отрасли производства» [46, с. 161]. Как пример тех предприятий, которые можно было бы сделать частными, он называл парикмахерские.

Вскоре была выдвинута программа «500 дней», главным смыслом которой была *обвальная приватизация*. И в Париже, в интервью французской газете А.Н. Яковлев так выражает свое отношение к этим планам: «Шаталин мой очень хороший друг. То же самое могу сказать и о Явлинском, который часто ко мне заходит… Целью обоих планов была приватизация экономики, либерализация банковской системы, введение акционирования, аграрная реформа и т. д. … Но я повторяю, что оба плана были программами перехода к рынку, и это, по моему мнению, было самым главным. В концепции “500 дней”, которую я поддерживал и поддерживаю…» и т. д. [46, с. 236].

Таким образом, выступая перед партийной аудиторией, с расчетом на публикацию в массовой печати, А.Н. Яковлев сознательно лгал. Он утверждал, что в планах перестройки и речи нет о приватизации банков и промышленных предприятий, и одновременно имел постоянные контакты с Шаталиным, Явлинским и другими экономистами, которые готовили проекты тотальной приватизации банков и промышленности, а в кабинетах и банях лихорадочно шла дележка кусков государственной собственности и подбирались кадры олигархов.

Говорят, «по делам их судите их». В Послании Президента РФ Федеральному Собранию 2004 г. В.В. Путин говорит: «С начала 90-х годов Россия в своем развитии прошла условно не-

сколько этапов. Первый этап был связан с демонтажем прежней экономической системы… Второй этап был временем расчистки завалов, образовавшихся от разрушения “старого здания”… Напомню, за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала».

Реформа 1990-х годов представлялась обществу как *модернизация* отечественной экономики — а оказывается, это был ее *демонтаж*, причем грубый, в виде *разрушения* «старого здания». На это согласия общества не спрашивали, а разумные граждане никогда бы не дали такого согласия. Ни в одном документе не было сказано, что готовился *демонтаж экономической системы* России. Власть с ее советниками, экономистами и социологами следовала *тайному* плану и привела к уничтожению «половины экономического потенциала» страны.

Идеологи реформы очень много сделали, чтобы вообще устранить из политики и социальных отношений сами понятия греха и нравственности. Н. Шмелев писал: «Мы обязаны внедрить во все сферы общественной жизни понимание того, что все, что экономически неэффективно, — безнравственно и, наоборот, что эффективно — то нравственно» [85]. Здесь принято новое соподчинение фундаментальных категорий — *эффективности и нравственности*. Это радикальный разрыв даже с либеральной шкалой ценностей, в которой один из принципов Дж. Локка гласит: «совесть — выше выгоды». Для нас важен тот факт, что власть декларировала построение правового общества, но подобными декларациями легитимировала криминальный порядок. Реформа не просто не сформировала что-то похожее на протестантскую этику, она сформировала ее *антипод* — этику социального хищника и расхитителя средств производства и жизнеобеспечения общества.

Ложь экспертов бывала и вполне конкретной, и завуалированной, концептуальной. Вот ложь концептуальная. Выступает по телевидению начальник Аналитического центра при Президенте М. Урнов: «Россия до 1917 г. была процветающей аграрной страной, но коммунисты довели АПК до нынешней разрухи». М. Урнов избегает точности: есть надежная статистика и производства, и урожайности, и уровня питания населения с кон-

ца XIX в. Официально «физиологический минимум» в России составлял 12 пудов хлеба с картофелем в год на душу. В нормальном 1906 г. такой уровень потребления был зарегистрирован в 235 уездах с населением 44,4 млн человек — у трети крестьян.

За период 1909–1913 гг. в среднем производство зерновых в России было 72 млн т, а в СССР в 1976–1980 гг. — 205 млн т. В натуральных показателях продукция сельского хозяйства только с 1950 г. выросла в 3 раза, а число занятых сократилось на 23%. Рост эффективности в 4 раза за 30 лет — прекрасный результат (село в то же время финансировало и индустриализацию СССР, и войну). «Нынешняя разруха» наступила именно при хозяине Урнова в 1990-е годы.

Академик А.Г. Аганбегян утверждал везде, где мог, будто в сельском хозяйстве СССР имеется невероятный избыток тракторов, что реальная потребность в них в 2–3 раза меньше наличного количества. Этот «абсурд плановой экономики» он красочно расписал в книге «Экономическая перестройка: революция на марше», которая в 1989 г. была переведена на европейские языки. Дословно он пишет: «Результат [абсурда плановой системы] — разрыв между производством и социальными потребностями. Очень показателен пример с тракторами. СССР производит в 4,8 раза больше тракторов, чем США, хотя отстает от них в производстве сельскохозяйственной продукции. Необходимы ли эти трактора? Эти трактора не нужны сельскому хозяйству, и, если бы их покупали за свои деньги и рационально использовали, хватило бы в два или три раза меньше машин» [49].

Это утверждение произвело столь сильное впечатление на мировое сообщество экономистов, что не раз цитировалось на Западе не только в прессе, но и в серьезных монографиях. Разве не удивительно было слышать, что советским колхозникам хватило *бы в три раза меньше* тракторов, чем они имели? Когда же наша промышленность успела так перенасытить село тракторами? Неужели на Западе фермеры имели в три раза меньше тракторов, чем советские колхозники? В действительности в тот момент (1988 г.) в сельском хозяйстве СССР тракторов на гектар пашни было в *16,5 раза меньше, чем в ФРГ*, в 12 раз меньше, чем в Италии, и даже в 6,5 раз меньше, чем в Польше. Искажение меры столь велико, что знающие люди просто столбенели.

Но сообщество экономистов без всяких сомнений приняло ложное утверждение одного из своих лидеров и, насколько известно, до сих пор никак на него не отреагировало[19].

Но ложь стала нормой и по мелким поводам, стала элементом сознания элиты обществоведов. В передаче «Времена» В. Познера 25 января 2004 г. выступил А.Н. Яковлев, представленный как «действительный член РАН по Отделению экономики». Он сказал: «Фактически Ленин приостановил движение России. Если мы вспомним, историки это знают, при Столыпине Россия в два раза увеличила производство, урожай собирала Россия, равный совокупному урожаю Канады, США и Аргентины».

Идейная позиция А.Н. Яковлева — его сугубо личное дело. Однако, выступая как академик-экономист, представитель РАН, он не имеет права прибегать к заведомой лжи. Экономические результаты реформы Столыпина изучены досконально. За 1906–1910 гг. по сравнению с 1901–1905 гг. посевные площади во всей России возросли всего на 4,8%. За это время производство ржи уменьшилось на 9,9%, пшеницы выросло на 0,1%, овса на 2,1% и лишь ячменя выросло на 19,6%. Но в 1911 г. был неурожай и голод. Самый высокий урожай зерновых до революции был собран в 1913 г.: урожай пшеницы в 1913 г. был **в два раза выше**, чем в 1911 г., и на 38,5% выше, чем средний урожай за 1906–1911 гг.

В этом самом урожайном году было собрано зерна (в сумме по главным культурам: пшенице, ржи, ячменю, овсу и кукурузе): в России — 5,3 млрд пудов; в США — 6,4 млрд пудов; в США, Канаде и Аргентине вместе — 7,9 млрд пудов. Российская империя уступала даже одним США. А на душу населения в России в 1913 г. было собрано 30,3 пуда зерна, в США — 64,3 пуда, в Аргентине — 87,4 пуда, в Канаде — 121 пуд[20].

---

[19] Этот миф в СССР тиражировали идеологи ранга пониже. Так, А.С. Ципко писал в серьезной академической книге: «Мы буквально наводнили страну тракторами и комбайнами». «Наводнили» — это сколько тракторов на 1000 га пашни? Во сколько раз больше, чем в Западной Европе, где рачительные фермеры «не наводнили»? Никакой меры Ципко не вводит.

[20] В той передаче я сидел за столом напротив А.Н. Яковлева, он много наговорил очевидной неправды, и мне было не по себе. Когда это видишь на экране, как-то не так действует. Мы с историком И.В. Пыхаловым перепроверили данные и написали открытое письмо президенту РАН: разве не должна Академия наук следить за соблюдением ее академиками элементарных норм научной

Поразительно, но сознательный обман общества интеллектуалами реформы даже после 1990-х годов, при виде массовых страданий обманутых людей, не вызывал в их профессиональной среде никакого осуждения. Напротив, его оценивали как *эффективный*. На круглом столе в «Независимой газете» 17 мая 2000 г. В. Третьяков, главный редактор газеты, так отозвался о ловкости Е. Гайдара: «Представьте, если бы Гайдар пришел к Ельцину и сказал: будем вводить реформы, и через десять лет все будет хорошо — не так, как требовал Ельцин, — успех через полгода, а через 10 лет. И будет гиперинфляция процентов 1000–2000… Если бы он так сделал, Ельцин бы тут же ударил его кулаком по голове и Гайдар не стал бы премьер-министром. Поэтому Гайдар на всякий случай сказал: инфляция составит 50%, и к концу года все будет нормально. Я предполагаю, что Гайдар как эксперт был тогда достаточно грамотен, но не говорил правду из идеологических соображений, потому что считал, что нужен капитализм, а это зависит от Ельцина, ему надо сказать то, что он хочет услышать, а дальше пойдет, и уже ничего нельзя будет сделать».

Вдумайтесь в эту конструкцию! Человек сознательно лжет «из идеологических соображений», причем своей ложью прикрывает не благо, а губительные для страны изменения. Но в элитарном кружке, который обсуждает вопрос «Чем больно наше экспертное сообщество?», это называется не преступный должностной подлог, а «грамотный эксперт». В этом-то и есть ответ на вопрос о болезни — ни В. Третьяков, ни собравшиеся эксперты «реформаторов» не видели во лжи Е. Гайдара ничего зазорного, они ее считали законным атрибутом «грамотного эксперта». Кстати, В. Третьяков как будто не видел абсурдности своего критерия: «успех через полгода» — это ложь, а «успех через 10 лет» был бы правдой. Ведь десять лет к тому моменту уже прошли! Неужели не было видно, что в настоящую катастрофу мы только-только втягивались? Десять лет реформы мы протянули на ресурсах старой советской системы, но теперь-то они подходили к концу, и, если бы не быстрый рост цен на нефть, пришлось бы очень туго. В чем же видит В. Третьяков «честность» Гайдара, назови он дату «успеха» 2000 г.?

этики? Ответ был туманный: мол, и академики имеют право на свое мнение. Это симптом тяжелой болезни нашей науки.

Разновидностью лжи надо считать грубое искажение логики рассуждений — «эффективный» прием, поскольку, как показали исследования, значительная часть аудитории воспринимает вывод, опуская логические выкладки.

Вспомним, какие фантомы изобретались, чтобы слепить из СССР образ «казарменного социализма»! Вот профессор А.С. Ципко. Он слышал, что при советском строе имел место трудовой энтузиазм, моральное стимулирование и т. д. Этот маленький элемент системы, который занимал в ней свое скромное место, А.С. Ципко раздувает до масштабов чуть ли не единственной сущности советской социально-экономической системы. Он пишет: «Разве не абсурд пытаться свести все проблемы организации производства к воспитанию сознательности, к инъецированию экстаза, энтузиазма, строить всю экономику на нравственных порывах души?.. Долгие годы производство в нашей стране держалось на самых противоестественных формах организации труда и поддержания дисциплины — на практике “разгона”, ругани, окрика, на страхе» [64, с. 80].

А. Ципко даже не замечает, что второе его ругательство отрицает первое. Но можно ли придумать для советской системы организации производства более глупое обвинение, чем назвать ее попыткой «строить всю экономику на нравственных порывах души»? Что за нелепый образ народного хозяйства создал профессор из Института экономических проблем мировой социалистической системы АН СССР! И эти пропагандисты так и учат жизни молодежь, сами нисколько не изменившись.

Во многих случаях логика рассуждений нарушается гротескным, грубым преувеличением исходных тезисов, которое нарушает рациональность последующих шагов. «Иного не дано», «Так жить нельзя», «Конституционный порядок в Чечне должен быть установлен любой ценой»! Вдумались бы в смысл этих тоталитарных утверждений! Ведь они определили сам тип мыслительного аппарата элиты в течение последних двадцати пяти лет. Но они же иррациональны. Как это *любой ценой*? Как это *иного не дано*?

Конечно, это сильно действовало на массовое сознание — ведь всех этих людей нам представляли как цвет интеллектуальной элиты. А.С. Ципко, ставший известным автором, заявляет: «Не было в истории человечества более патологической ситуа-

ции для человека, занимающегося умственным трудом, чем у советской интеллигенции. Судите сами. Заниматься умственным трудом и не обладать ни одним условием, необходимым для постижения истины»[67]. Представляете, в СССР люди не обладали ни одним условием для постижения истины. *Ни одним!* Не имели ни глаз, ни слуха, ни языка, ни безмена. Как же они вообще могли жить, не говоря уж о том, чтобы в космос Гагарина снарядить? И подобные суждения с нарушенной логикой и не совместимые со здравым смыслом мощным потоком полоскали умы людей.

В другом месте А.С. Ципко пишет: «Все прогнозы о грядущей социал-демократизации Восточной Европы не оправдали себя. Все эти страны идут от коммунизма к неоконсерватизму, неолиберализму, минуя социал-демократию. Тут есть своя логика. Когда приходится начинать сначала, а иногда и с нуля, то, конечно же, лучше идти от более старых, проверенных веками ценностей и принципов» [66].

Зачем профессор наворотил бессмыслицы? Трудно это объяснить глупостью, временным помрачением рассудка или низким уровнем редакторов газеты. Поток таких суждений — это создание «демократии шума», целенаправленная деградация информационного пространства с целью лишить общество способности совместного осмысления реальности.

Это значит, например, что Польша в 1989 г. «начала сначала, *а то и с нуля*»? И почему неолиберализм, возникший в конце 1960-х годов, «проверен веками»? Уж если ты желаешь чего-нибудь старинного, то надо было бы брать за образец первобытнообщинный строй, он проверен двумястами веков. Или уж, на худой конец, рабство — тоже в течение веков десяти его проверяли. При первом прочтении подумаешь: да учился ли А. Ципко в средней школе? А потом вспоминаешь — человек на службе. Так они и завели нас, слепых, в яму, сами притворяясь слепыми.

Другая важная особенность мышления идеологов реформ — игнорирование *реальных свойств и специфики реформируемого объекта*. Конкретно, речь шла о России (СССР) конца XX в. Это странное для обществоведов, называвших себя материалистами, свойство, возможно, было просто приемом манипуляции сознанием аудитории, желанием сбить людей с толку. Это было бы

самым простым объяснением, но этот их провал в иррациональность казался уж очень искренним.

Старое утверждение гласит, что «искусство управлять является разумным при условии, что оно соблюдает природу того, что управляется». Эта мысль считается настолько очевидной, что М. Фуко называет ее *пошлостью*.

Но вот, на лекции 29 апреля 2004 г. один из разработчиков доктрины реформы, Симон Кордонский, во время перестройки молодой сотрудник академика Т.И. Заславской, излагает историю работы над доктриной: «В 1983 г. в экспедицию в сельском районе Алтайского края, которую возглавляла Татьяна Ивановна Заславская, приехали Петя Авен и Слава Широнин. Они до этого очень много занимались Югославией, США и успешными экономическими реформами стран с переходной экономикой, но погружение в реальность обыденной сибирской жизни оказалось для них открытием… Авен и Широнин были настолько вдохновлены теми впечатлениями, которые они получили в результате поездки, что приехали в Москву и рассказали об этом на семинаре в Институте системных исследований, где тогда работал Егор Гайдар.

На семинаре в “Змеиной горке” в Питере в 1985 г., собственно, все и познакомились: большая часть как ушедших, так и еще действующих политиков и экономистов… В 1988 г. в клубе “Строитель” у нас произошло первое всеобщее заседание диссидентов, после которого было принято решение о создании газеты “КоммерсантЪ”, кооператива “Факт” и многих других организаций».

Как же он характеризует сегодня всех этих «ушедших и еще действующих политиков и экономистов»? Он выделяет главную черту ее авторов: «Мое глубокое убеждение состоит в том, что основной посыл реформаторства — то, что для реформатора не имеет значения реальное состояние объекта реформирования. Его интересует только то состояние, к которому объект придет в результате реформирования. Отсутствие интереса к реальности было характерно для всех поколений реформаторов начиная с 1980-х годов до сегодняшнего времени… Что нас может заставить принять то, что отечественная реальность — вполне полноценна, масштабна, очень развита, пока не знаю» [62].

Для человека с реалистическим сознанием это признание покажется чудовищным. Такая безответственность не уклады-

вается в голове, но это говорится без всякого волнения, без попытки как-то объяснить такую интеллектуальную аномалию.

Присутствовавший на лекции Г. Павловский, который занимался разработкой реформ в плане политики, добавляет: «Лет 15 назад, при начале нашего общественного движения, имела место неформальная конвенция. Конвенция о том, что знания о реальности не важны для какого-то ни было политического или общественного действия. Действительно, эта конвенция состоялась, и реформаторы действовали внутри нее, как часть ее. С моей точки зрения, утверждения докладчика можно интерпретировать так, что собственно реформаторы были людьми, которые согласились действовать, не имея никаких представлений о реальности, но при наличии инструментов для преобразования, изменения того, что есть, особенно в направлении своих мечтательных предположений. Эти люди делали то, что они делали, и погрузили остальных в ситуацию выживания.

Пример этих реформ — это то, что происходило в правовой сфере, где либерализация процессуального законодательства конца 80-х, начала 90-х годов привела к тому, что условия населения в лагерях стали пыточными, каковыми они не были при Советской власти. Они и продолжают ими быть, это продолжает усугубляться, там существует отдельная социальная реальность, которая совершенно не описывается современными правозащитниками».

Эти слова надо понимать так, что и сам Г. Павловский участвовал в выработке и заключении этой «неформальной конвенции», которой следовали реформаторы. Но разве положение изменилось, разве эта конвенция отменена? Разве бесстрастная констатация заменяет рефлексию и поиск путей к исправлению патологии? Ни в коей мере. Г. Павловский продолжает уже о нынешних политиках у власти: «Они уклоняются и развивают очень изощренные технологии, в том числе исследовательские, политические, научные, общественные технологии вытеснения любого реального знания… Это… питает энергетикой наш политический и государственный процесс — уход от знания реальности, отказ, агрессивное сопротивление знанию чего бы то ни было о стране, в которой мы живем».

И, люди с таким мышлением были востребованы как интеллектуальное сообщество, взявшееся планировать переделку всей жизни страны. И они были ведь поддержаны наиболее влиятельной частью интеллигенции! Да и сейчас пользуются уважением и престижем, читают лекции…

После той лекции С. Кордонского была дискуссия. Приведем красноречивые ответы этого идеолога реформ. Он высказал странную мысль, что «реформ не было» — так, шалости. Его и спрашивают об одной из шалостей Гайдара:

«*Рогов.* Реформ не было, а отпуск цен был. Это был благотворный шаг?

Кордонский. А хрен его знает.

Рогов. Давайте согласимся, что отпуск цен благотворно…

Кордонский. Не благотворно, понимаешь? Голодуха была. Что значит благотворно? Другого выхода не было».

Представьте: одного из соавторов доктрины реформ через 12 лет после либерализации цен спрашивают, какова нынешняя оценка этого шага, и он отвечает: «А хрен его знает». Да это просто распад рациональности и норм интеллектуальной совести. Ведь речь идет о шаге, который привел к социальной катастрофе, последствия его хорошо известны, неужели не нашлось других слов!

Дальше — больше. Референт президента не может не знать, что в 1991 г. никакой «голодухи», которая якобы заставила отпустить цены, в стране не было, а именно после отпуска цен голодуха возникла — и в конце 1992 г. более половины женщин РСФСР получали в рационе белка меньше физиологического минимума. Изменение типа питания после отпуска цен дотошно зафиксировано в официальном докладе о состоянии здоровья населения России.

Но С. Кордонский вовсе не лжет, он просто не обращает внимания на реальность, она для него несущественна: он следует конвенции, о которой сказал Г. Павловский. Однако ведь даже и в этом он нелогичен. Допустим, была «голодуха» — почему же «другого выхода не было», кроме как отпустить цены и сделать многие продукты недоступными для половины населения? Он не слышал, что в 1918 г. при «голодухе» ввели уравнительные пайки? Ему родители не рассказали, что с 1941 по 1947 г. в стране существовала карточная система, которая предотвратила «голодуху»

в гораздо более трудных условиях? Совершенно очевидно, что «другие выходы» были и ответ Кордонского иррационален, неразумен. Иного не дано! Какое сужение сознания — или ложь.

Экономист В. Найшуль, также считающий себя теоретиком реформы, признает в 2004 г.: «Проблема, которая до сих пор не решена, — это неспособность связать реформы с традициями России. Неспособность в 1985-м году, неспособность в 1991-м, неспособность в 2000-м и неспособность в 2004 г. — неспособность у этой группы [авторов доктрины реформ] и неспособность у страны в целом. Никто не представляет себе, как сшить эти две вещи… То, что можно сделать на голом месте, получается. Там, где требуются культура и традиция, эти реформы не работают. Скажем, начиная от наукоемких отраслей и банковского сектора, кончая государственным устройством, судебной и армейской реформой. Список можно продолжить» [63].

В. Найшуль вскользь высказал важный тезис реформаторов: «То, что можно сделать на голом месте, получается. Там, где требуются культура и традиция, эти реформы не работают».

Вопрос: где в России реформаторы нашли «*голое место*»? Что означает это понятие? Какая часть бытия России не обладает «культурой и традицией»? В. Найшуль использовал применительно к российской реформе понятие, применяемое колонизаторами в отношении земельных угодий аборигенов[21]. Теперь принцип *res nullius* фигурирует в языке теоретика реформы в России.

---

[21] Голландский юрист Гроций в трактате «О праве войны и мира» (1625 г.) определил, по какому праву колонизаторы могут отнимать землю у местного населения. Он выводил его из принципа римского права *res nullius* (принцип «*пустой вещи*» или «*голого места*»), который гласил, что невозделанная земля есть «пустая вещь» и переходит в собственность того, кто готов ее использовать. Этот принцип стал общим основанием для захвата земель европейскими колонизаторами, и уже в XIX в. земельные угодья в Африке, Полинезии и Австралии были присвоены практически полностью, а в Азии — на 57%.

Раздел II. Объекты идеологических атак

Все частные операции по разрушению социальных, экономических и духовных структур советского строя и СССР развернулись после тотальной информационно-психологической атаки по всей территории СССР, во всей толще его общества и на всех уровнях духовной структуры личности. Это можно сравнить с операцией, в которой на личный состав и население обрушили избыточное количество нервно-паралитических отравляющих веществ. Была произведена декомпозиция «образа прошлого» — история предыдущих полутора веков России и СССР. Эта акция готовилась верхушкой советских обществоведов (вероятно, с помощью зарубежных психологов и культурологов).

Итальянский историк М. Феретти, специалист по истории СССР, коротко и четко изложила схему этой операции: «Осуждение сталинизма перерастает в осуждение большевизма, причем второй термин за счет знаменательного семантического сдвига постепенно вытесняет первый и в конце концов полностью его заменяет. Большевизм объявляется феноменом, свойственным незначительному меньшинству и вдобавок *импортированным*, глубоко чуждым русской истории (тема, близкая также националистам, в устах которых слова “чужой” и “иностранный” играют роль эвфемизмов, заменяющих слово “еврейский”).

Итак, Октябрьская революция подвергается радикальной критике, ее объявляют первопричиной всех трагедий, которые впоследствии пережила страна. Критика эта обрушивается на всю советскую историю в целом; сталинские преступления при этом не отделяются от других объектов осуждения. Согласно этой концепции, революция заставила Россию отклониться от “естественного” пути, по которому пошли западные страны — пути, капиталистическому в экономике и демократическому в политике, — и насильно подвергла ее преступному “эксперименту” по воплощению в жизнь коммунистической утопии. Иначе говоря, революцию лишают социального масштаба и превращают в заурядный государственный переворот, устроенный горсткой кровожадных фанатиков, которые решили, во что бы то ни стало воплотить в жизнь заветы К. Маркса. Революция

предстает своего рода “исторической случайностью”, помешавшей России пожать плоды экономического роста, начавшегося на заре XX в.» [68].

Частности этой большой кампании у нас уже описаны в изобилии, но схема М. Феретти многим поможет систематизировать эти частности. Редко в истории встречаются такие диверсии интеллектуальной элиты против своей нации.

Здесь мы опишем некоторые конкретные действия по деградации общественного сознания, о которых надо бы подумать той части интеллигенции, которая была вовлечена в эти операции с благими намерениями «улучшить систему». Какие ценности были уничтожены в ходе этого когнитивного бунта элиты? Ведь их придется восстанавливать после того, как они были использованы в войне против населения как «оборотни». Это будет трудное дело.

4. Демократия

Высшей ценностью в идеологическом дискурсе перестройки была названа *демократия*. Общество практически единодушно этот лозунг поддержало, поначалу не вникая в тонкости трактовки этого понятия. Его обыденное представление казалось общепонятным и естественным.

В действительности перестройка началась как раз с того, что были разрушены разумные и привычные очертания этого понятия. Идеологи избегали давать этому понятию связное определение, а люди и не спрашивали, хотя никакого молчаливого договора относительно смысла этого слова в нашем обществе не было. Но тогда не вникали даже в странные заявления, не до этого было.

Выступая в 1990 г. в МГУ, А.Н. Яковлев высказал такую сентенцию: «До сих пор во многих сидит или раб, или маленький городовой, полицмейстер, этакий маленький сталин. Я не знаю, вот вы, молодые ребята, не ловите себя на мысли: думаешь вроде бы демократически, радикально, но вдруг конкретный вопрос — и начинаются внутренние распри. Сразу вторгаются какие-то сторонние морально-психологические факторы, возникают какие-то неуловимые помехи» [46, с. 79].

Это заявление по смыслу чудовищное — в сознании, дескать, не должно быть никаких тормозов, никаких «полицмейстеров», на него не должны влиять никакие «морально-психологические факторы». Это — утопия освобождения разума от совести. Устранение из сознания запретов нравственности, чтобы «думать демократически, радикально», как раз и ведет к разрушению *разума*, ибо при устранении постулатов этики повисает в пустоте и логика, эта «полиция нравов интеллигенции».

Отметим замечательный факт: менее образованные люди оказались более разумными — они гораздо более осторожно и скептически относились к лозунгам этих пропагандистов, чувствовали подвох. Какое раздражение это вызывало у идеологов! А.Н. Яковлев пишет: «Да, в 1985 г. я, например, не предполагал, что у нас такой огромный запас консерватизма в обществе. Мне казалось, что стоит только провозгласить — свобода, гласность, демократия! И такое забурлит! Только б удержать энтузиазм! Но все оказалось намного сложнее, труднее. Вы видите, борются даже против демократии, а часть людей раздражена гласностью, считает, что это дело вредное» [46, с. 69].

Это сладкое слово «демократия» вдруг увязали с частной собственностью и рынком. Это уже вызвало тревогу. Известный философ В.М. Межуев убеждал: «Какое же общество действительно нуждается в правовой демократии и способно ее защитить и сохранить? Я думаю, только то, которое состоит из собственников, независимо от того, чем они владеют: средствами производства, денежным капиталом или только своей рабочей силой. … Иными словами, это общество приватных интересов и дел, где каждому что-то принадлежит и каждый имеет право на собственное дело. По существу, это и есть гражданское общество, в котором люди связаны между собой как независимые друг от друга индивиды — самостоятельные собственники и хозяева своего частного дела» [124].

Насколько кадеты начала XX в. оказались более демократами. М. Вебер, объясняя отличие русской революции от буржуазных западных, приводит важный довод: к 1905 г. в России понятие «собственность» утратило свой священный ореол даже для представителей *буржуазии* в либеральном движении. Как пишет исследователь трудов М. Вебера А. Кустарев, «таким образом, цен-

ность, бывшая мотором буржуазно-демократических революций в Западной Европе, в России ассоциируется с консерватизмом, а в данных политических обстоятельствах даже просто с силами реакции».

Вот что пишет М. Вебер в 1906 г.: «Было бы в высшей степени смешным приписывать сегодняшнему высокоразвитому капитализму, как он импортируется теперь в Россию и существует в Америке, … избирательное сродство с “демократией” или вовсе со “свободой” (в каком бы то ни было смысле слова)».

В высшей степени смешно, а ведь В.М. Межуев из авторитетов едва ли не самый эрудированный. Хотя бы предупредил, что Вебер, мол, заблуждался, а мы тут в СССР прозрели. Но нет, пропагандисты ни с кем не спорят, просто игнорируют.

Лозунг демократии вошел в непримиримое противоречие с реальностью — большинство не поддержало перестройку. В.В. Радаев и О.И. Шкаратан пишут в важной статье: «Трагическим является консерватизм не отдельных групп, а тем более отдельных лиц, но огромных масс, верящих, что они сегодня живут при социализме и что его необходимо “исправить”. В сознании очень многих рыночные формы хозяйствования односторонне отождествляются с эксплуатацией, неравенством, безработицей. Да, пожалуй, нет для реформаторов более страшной преграды, чем народные предрассудки» [29].

Реформаторами овладел пессимизм. Н. Амосов, академик и народный депутат СССР, так назвал свою статью 7 ноября 1990 г.: «Революция у нас или нет?». Вот ее главные тезисы: «Со всей определенностью скажу: нельзя полагаться на среднего гражданина… Рынок (особенно предпринимательство) воспринимается абстрактно даже его защитниками, а у большинства рабочих вызывает внутреннее сопротивление…

Теперь о системе власти. Просвещенная демократия для нас непригодна… Важно понять: нынешняя власть Советов — недопустимая роскошь для нас. До западной же демократии с ее традициями, богатым обществом и ответственными гражданами, владеющими собственностью, мы еще не доросли. … Не хочу делать сомнительные прогнозы, но предвижу, что дело закончится шоковым вариантом по-польски. И не считаю, что это самый плохой вывод: рынок будет создан. И голода не будет. А неко-

торая скудость питания, по моей теории, даже пойдет на пользу здоровью…

Другого пути к оптимальному обществу действительно нет. Но как это докажешь массе людей, которые ничего не видели, кроме социализма, а при перестройке потеряли и то малое, что имели»? [34].

Именно ведущие идеологи перестройки и стали отказываться от лозунга демократизации — мол, народ не годится. Вот как обосновывает этот отход министр Е.Г. Ясин: «Я, оставаясь преданным сторонником либеральной демократии, тем не менее убежден, что этап трудных болезненных реформ Россия при либеральной демократии не пройдет. В России не привыкли к послушанию. Поэтому давайте смотреть на вещи реально. Между реформами и демократией есть определенные противоречия. И мы должны предпочесть реформы… Если будет создан авторитарный режим, то у нас есть еще шанс осуществить реформы» [52].

Так же рассуждает и академик А.Г. Аганбегян: «Сильная политическая власть при неокрепшей демократии, которую мы имеем, не может быть демократической или либеральной в западном понимании слова. Поэтому, наверное, она будет развиваться в направлении авторитарном… Человек ведь был зверем. Есть у него инстинкты. Чем объяснить, что подростки без причины нападают на какого-нибудь пожилого человека, который ничего им не сделал, и избивают его до полусмерти. Почему? И это — довольно распространенное явление — вандализм, такой взрыв насилия в людях. Ведь попробуйте кого-нибудь повесить на площади. Уверяю Вас, что 10 тысяч людей придет и с удовольствием будет смотреть не отрывая глаз, как он дрыгается» [53].

Это уже не удивляло, потому что с самого начала реформ рассуждения в гуманитарной элите стали крайне *антидемократичными*. Открыто говорилось о перераспределении собственности и доходов большинства населения в пользу очень небольшого меньшинства. Г.Х. Попов, оправдывая в начале 1992 г. присвоение правительством и передачу новым собственникам сбережений населения, писал: «Еще одна сила, которая действовала в обществе, — конструктивные слои. Кроме отрядов интеллигенции, заинтересованных в преобразованиях, это предприниматели, фермеры, кооператоры. Все они выступали за новые

формы жизни. Но беда состояла в том, что *их было катастрофически мало*» (выделено мною. — *С. К.-М.*) [54].

О. Лацис так писал о начавшейся реформе Е. Гайдара: «Когда больной на операционном столе и в руках хирурга скальпель, было бы гибельно для больного демократически обсуждать движения рук врача. Специалист должен принимать решения сам. Сейчас вся наша страна в положении такого больного». В рамках демократического мышления заявление О. Лациса чудовищно — он с авторитетом эксперта оправдывает тот факт, что у страны не спросили ни о согласии на операцию, ни о доверии хирургу.

Лучше всего философию нового порядка выразил после учредительного съезда Движения демократических реформ его председатель, тогдашний мэр Москвы Г.Х. Попов. В своей пресс-конференции он рассуждал о том, как, по его мнению, надо будет поступать в случае массового недовольства радикальной экономической реформой. Страх перед голодной толпой «люмпенизированных социальных иждивенцев», как экс-мэр обычно называл трудящихся, стал навязчивой идеей новых отцов русской демократии. Вот как сформулировал Г. Попов их установки: «Я считаю возможным и необходимым применить в этом случае силу и применить ее как можно скорее. Лучше применить безоружных милиционеров, чем вооруженных. Лучше применить вооруженную милицию, чем выпускать войска. Лучше применить войска, чем выпускать артиллерию, авиацию… Так что с этой точки зрения — вопрос простой».

Кстати, закон о чрезвычайном положении (введение которого — обязательное правовое условие для «подавления бунта») запрещает войскам участвовать в конфликте — они имеют право лишь блокировать район конфликта. А силам МВД («вооруженным милиционерам») закон разрешает использовать лишь штатное оружие МВД — значит, запрещает использовать артиллерию и авиацию.

Так же проявили себя эти поборники демократии и правового общества в октябре 1993 г. Вот некоторые требования, которые подписал академик АН СССР Д.С. Лихачев (и ряд других подобных демократов): «1. Все виды коммунистических и националистических партий, фронтов и объединений должны быть распущены и запрещены указом президента… 4. Органы печати…

такие, как «День», «Правда», «Советская Россия», «Литературная Россия» (а также телепрограмма «600 секунд»), и ряд других должны быть впредь до судебного разбирательства закрыты».

Каков тоталитаризм их мышления («*все* виды запретить!»), и насколько чужда им идея права. Все неугодные партии и объединения они требуют запретить не через суд, а указом исполнительной власти. Неугодные газеты закрыть не после судебного разбирательства, а до него.

Изменились ли установки этой гуманитарной элиты? Нет, в социальном плане — нисколько. Вот недавние откровения «демократа», многолетнего декана экономического факультета МГУ, сегодня ректора одного из университетов Г.Х. Попова: «При формировании государственных структур надо полностью исключить популистскую демократию. Один человек должен иметь один голос только при выборах верхней палаты, обеспечивающей права человека. А при избрании законодательной палаты гражданин должен иметь то число голосов, которое соответствует его образовательному и интеллектуальному цензу, а также величине налога, уплачиваемого им из своих доходов» [55].

Всякие рациональные очертания потеряло в годы перестройки и понятие «гласность» — оно из словаря демократии быстро сдвинулось именно к тоталитаризму. Казавшиеся вполне разумными люди призывали к полному устранению цензуры, к сбрасыванию абсолютно всех покровов с отношений между людьми. Вот бы тут нашим эрудированным гуманитариям объяснить людям, что «гласность» (*transparency*) — страшная антиутопия XVIII в. Ее изложил английский юрист Иеремия Бентам в труде «Паноптикум». Это «власть через прозрачность», основанная на возможности *увидеть все — пан-оптикум*. И. Бентам изобрел тюрьму нового типа, вывернув наизнанку принцип темницы: все камеры кольцеобразной тюрьмы были освещены так, что просматривались из центральной башни. Тьма укрывает, для тоталитарной власти нужна прозрачность! М. Фуко назвал Бентама «Фурье полицейского государства». Его паноптикум стал утопией тоталитаризма, он выражается в самых разных формах, это формула *покорения посредством «выведения на свет»*. И это с пеной у рта приветствовали наши интеллигенты-демократы.

Вот высказывание А.Н. Яковлева: «Иногда и у нас говорят о том, что невредно, дескать, было бы установить какие-то пределы гласности. Ясно, что когда заводят речь о таких пределах, значит, гласность кому-то мешает» [56].

Почему же это надо принимать за довод в пользу беспредельной гласности? Разве следует делать именно то, что людям мешает? Это не демократия, а отношение к человеку как *вещи*.

Надо, наконец, прямо сказать, что антидемократизм идеологов реформы был важным фактором, который способствовал криминализации экономики, которая сложилась в ходе приватизации. Е. Ясин, влиятельный идеолог российского «олигархического капитализма», выражается о смысле залоговых аукционов откровенно: «Ельцин нарушил тогдашнюю конституцию, т. е. прибег к государственному перевороту. Это позволило удержать курс на реформы… Единственным социальным слоем, готовым тогда поддержать Ельцина, был крупный бизнес. За свои услуги он хотел получить лакомые куски государственной собственности. Кроме того, они хотели прямо влиять на политику. Так появились олигархи» [104].

Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц говорит о программе приватизации самых рентабельных предприятий через залоговые аукционы: «Частные банки оказались собственниками этих предприятий путем операции, которая может рассматриваться как фиктивная продажа (хотя правительство осуществляло ее в замаскированном виде “аукционов”); в итоге несколько олигархов мгновенно стали миллиардерами. Эта приватизация была политически незаконной. И тот факт, что они не имели законных прав собственности, заставлял олигархов еще более поспешно выводить свои фонды за пределы страны, чтобы успеть до того, как придет к власти новое правительство, которое может попытаться оспорить приватизацию или подорвать их позиции» [105].

5. Операция в антропологии: пропаганда социал-дарвинизма

В целом весь дискурс идеологов перестройки был проникнут *биологизаторством* — сведением социальных и культурных явлений к явлениям животного мира, к «закону джунглей». Вспом-

ним ставшее общепринятым утверждение, будто рыночная экономика (капитализм) является «*естественным*» типом хозяйства в отличие от советского, «*неестественного*».

Г.Х. Попов изрек в своей книжке «Что делать»: «Социализм пришел как нечто искусственное, а рынок должен вернуться как нечто естественное». Заметим, что, противопоставляя социализму капитализм, он застенчиво заменяет это неприятное слово туманным термином «рынок».

Поразительно, как с помощью идеологии и авторитета профессоров и академиков удалось стереть в общественном сознании очевидную вещь — экономика суть явление *социальное*, присущее только человеческому обществу. Это порождение культуры, а не явление природы. Называть «естественным» завод, построенный «частным предпринимателем, а не Госпланом», — глупость. Это такой же «артефакт», могущий «существовать только в искусственной среде». Ну как могли наши инженеры и учителя столько лет слушать подобную чушь и поддакивать ей!

Рыночная экономия тем более не является чем-то естественным и универсальным. Уж если на то пошло, естественным (натуральным) всегда считалось именно нерыночное хозяйство, хозяйство ради удовлетворения потребностей — потому-то оно и обозначается понятием *натуральное хозяйство*. Разве не странно, что образованные люди перестали замечать эту отраженную в языке сущность.

Более того, придание обществу черт дикой природы (в частности, к этому сводится социал-дарвинизм) — культурная болезнь Запада, давно осмысленная и во многом преодоленная. Казалось невозможным, чтобы она в конце XX в. вдруг овладела умами российской интеллигенции — ведь много предупреждений было сделано не только русскими философами, но и философами Запада.

Вот видный член этой команды антрополог В.А. Тишков, который в 1992 г. был Председателем Госкомитета по делам национальностей в ранге Министра в правительстве Ельцина, директор Института этнологии и антропологии РАН, академик РАН в интервью в 1994 г. выдает сентенцию: «Общество — это часть живой природы. Как и во всей живой природе, в человеческих сообществах существует доминирование, неравенство, состяза-

тельность, и это есть жизнь общества. Социальное равенство — это утопия и социальная смерть общества» [57].

И это после фундаментальных трудов этнографов в течение шести последних десятилетий, которые показали, что отношения доминирования и конкуренции есть продукт исключительно социальных условий и культуры, что никакой «природной» предрасположенности к ним человеческий род не имеет. Постулат Тишкова о доминировании и неравенстве в человеческом обществе как естественном законе природы — это чисто идеологический вывод.

Биологизаторство гуманитарной элиты сделало мировоззренческим основанием доктрины реформ *социал-дарвинизм*, представление о человеческом обществе как части природы. Это тяжелый провал в рациональности и в культуре, странный откат на целое столетие, тем более неожиданный, что он произошел в среде интеллигенции России.

Н. Бердяев писал незадолго до смерти: «Есть два понимания общества: или общество понимается как природа, или общество понимается как дух. Если общество есть природа, то оправдывается насилие сильного над слабым, подбор сильных и приспособленных, воля к могуществу, господство человека над человеком, рабство и неравенство, человек человеку волк. Если общество есть дух, то утверждается высшая ценность человека, права человека, свобода, равенство и братство. … Это есть различие между русской и немецкой идеей, между Достоевским и Гегелем, между Л. Толстым и Ницше» [58].

Этой натурализации придавались черты *радикального* социал-дарвинизма и мальтузианства. Академик Н.М. Амосов, ставший одним из ведущих духовных авторитетов в среде интеллигенции, в 1988 г. выпустил манифест, проникнутый самым дремучим социал-дарвинизмом. А в «Вопросах философии» он так определял сущность человека: «Человек есть стадное животное с развитым разумом, способным к творчеству… За коллектив и равенство стоит слабое большинство людской популяции. За личность и свободу — ее сильное меньшинство. Но прогресс общества определяют сильные, эксплуатирующие слабых» [51].

«Биологическая» аргументация широко применялась для разрушения уравнительного идеала в общественном сознании.

Так, Н. Амосов обосновывал целесообразность, в целях «научного» управления обществом в СССР, «крупномасштабного психосоциологического изучения граждан, принадлежащих к разным социальным группам» с целью распределения их на два классических типа: «сильных» и «слабых». Он писал: «Неравенство является сильным стимулом прогресса, но в то же время служит источником недовольства слабых… Лидерство, жадность, немного сопереживания и любопытства при значительной воспитуемости — вот естество человека» [128][22].

Переходя от социал-дарвинизма и идеи борьбы за существование к социальной инженерии, виднейшие эксперты при молчаливом одобрении всего их сообщества доходили до крайних технократических утопий переделки «человеческого материала». Н. Амосов пишет: «Исправление генов зародышевых клеток в соединении с искусственным оплодотворением даст новое направление старой науке — евгенике —улучшению человеческого рода. Изменится настороженное отношение общественности к радикальным воздействиям на природу человека, включая и принудительное (по суду) лечение электродами злостных преступников… Но здесь мы уже попадаем в сферу утопий: какой человек и какое общество имеют право жить на земле» [51][23].

А.Н. Яковлев представлял основную массу трудящихся не иначе как паразитов, поражал мировую общественность заявле-

---

[22] А.С. Ципко писал в поддержку этих идей: «Большой вклад в формирование реального, современного образа человека внес советский хирург академик Н.М. Амосов. Он напомнил политикам и обществоведам, что люди от природы разные, отличаются и силой характера, и устремленностью к самостоятельности в личной самореализации. Чрезвычайно важна мысль о существовании пределов воспитуемости личности... Наверное, настало время серьезно поразмышлять о самой проблеме неравенства, вызванного естественными различиями людей в смекалке, воле, выносливости. Жизненный опыт каждого подтверждает предположение Н.М. Амосова о том, что в любой популяции люди сильные, с ярко выраженным желанием работать составляют от 5 до 10%» [64, с. 73–90].

[23] Эти прогнозы перекликаются с футурологическими рассуждениями Л. Троцкого (1923 г.): «Человеческий род, застывший *хомо сапиенс*, снова поступит в радикальную переработку и станет под собственными пальцами объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки». Но Троцкий все же не шел дальше отбора и тренировки. Его идейные наследники оказались покруче.

ниями о «тотальной люмпенизации советского общества», которое надо «*деперазитировать*». Даже приводил довод, странный для академика-экономиста: «Тьма убыточных предприятий, колхозов и совхозов, работники которых сами себя не кормят, следовательно, паразитируют на других»[24].

Это рабочие и крестьяне сами себя не кормят, а паразитируют на других — на ком?

И поражает бесчувственность рассуждений идеологов реформы, когда речь идет о социальной цене их «успехов». В социальной философии проблема несоизмеримости экономической эффективности и человеческих страданий — одна из главных, над ней бьются виднейшие либеральные философы. Но взять речи наших авторитетов — они как будто не слышали об этой стороне дела. Академик Т.И. Заславская в конце 1995 г. на международном форуме «Россия в поисках будущего» делает главный, программный доклад. Она говорит о дефиците, якобы преодоленном благодаря повышению цен: «Это — крупное социальное достижение… Но за насыщение потребительского рынка людям пришлось заплатить обесцениванием сбережений и резким падением реальных доходов. Сейчас средний доход российской семьи в три раза ниже уровня, позволяющего, согласно общественному мнению, жить нормально» [26].

Такова логика ведущего социолога-реформатора. Люди погрузились в бедность, они *не могут покупать прежний набор продуктов*, и, таким образом, выброшены с рынка (что и стало механизмом «преодоления дефицита») — и это называют «крупным социальным достижением»! Неужели нельзя было найти более приемлемое выражение?

Вновь вышел на тропу войны и бывший мэр Москвы Г.Х. Попов. Он выдал такие мальтузианские откровения, что поначалу многие подумали — не мистификация ли это? Через блог «Московского комсомольца» он дает человечеству такие указа-

---

[24] До какой фразеологии докатились бонзы номенклатуры, до какой утраты достоинства! Вот как А.Н. Яковлев пишет о крестьянах и их общине: «Давно убежден, что многие беды в России идут от нерешенного *земельного вопроса*. Я всегда считал его роковой проблемой. Только Столыпин решился покончить с паскудством общины. И уже тогда все деревенские горлопаны завопили о незыблемости общинных порядков на земле. Доорались до Ленина со Сталиным, до нового крепостничества» [39, с. 640].

ния: «Должны быть установлены жесткие предельные нормативы рождаемости с учетом уровня производительности и размеров накопленного каждой страной богатства. Нельзя, чтобы быстрее всех плодились нищие… Страшную перспективу прогрессирующего накопления у одного ребенка генетических болезней уже двух родителей надо прервать. Наиболее перспективным представляется генетический контроль еще на стадии зародыша и тем самым постоянная очистка генофонда человечества» [55].

Социал-дарвинизм «либеральной» части интеллектуальной элиты становится все круче. В среде новой «элиты» возникли течения, следующие болезненному ницшеанству. Они мечтают о выведении не просто новой породы людей («сверхчеловека»), а нового *биологического вида*, который даже не сможет давать с людьми потомства. Они предвидят «революцию интеллектуалов».

В Санкт-Петербургском университете идет проект «Мировые интеллектуалы в Петербурге», делают доклады «признанные мировые интеллектуалы и лидеры влияния». Доктор философских наук А.М. Буровский излагает такие концепции: «Неандерталец развивался менее эффективно, он был вытеснен и уничтожен. Вероятно, в наше время мы переживаем точно такую же эпоху. “Цивилизованные” людены все дальше от остального человечества — даже анатомически, а тем более физиологически и психологически… Различия накапливаются, мы все меньше видим равных себе в генетически неполноценных сородичах или в людях с периферии цивилизации. Вероятно, так же и эректус был агрессивен к австралопитеку, не способному овладеть членораздельной речью. А сапиенс убивал и ел эректусов, не понимавших искусства, промысловой магии и сложных форм культуры» [69].

Читаем А. Буровского об «интеллектуалах-люденах» и обычных людях как двух несмешивающихся «слоях»:

«Молодые люди из этих слоев вряд ли будут способны соединиться — даже на чисто биологическом уровне. Малограмотный пролетариат малопривлекателен для люденов. И для мужчин, и для женщин. Мы просто не видим в них самцов и самок, они нам с этой точки зрения не интересны… Иногда мужчине-людену даже не понятно, что самка человека с ним кокетничает. А если даже он понимает, что она делает, его «не заводит»… По-

ведение текущей суки или кошки вполне «читаемо» для человека, но совершенно не воспринимается как сигнал — принять участие в игре… Я не раз наблюдал, как интеллигентные мальчики в экспедициях прилагали большие усилия, чтобы соблазнить самку местных пролетариев».

Это говорит в XXI в. с кафедры Санкт-Петербургского университета профессор двух вузов. Какое мракобесие в цитадели русской культуры!

Все эти «лидеры влияния» не просто мечтают о таком будущем, они реализуют проект «Постчеловечество», перенося его в плоскость политических и экономических программ. Вот главная статья В. Иноземцева в книге «Постчеловечество». Она называется «On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века».

В. Иноземцев пишет: «Государству следует обеспечить все условия для ускорения “революции интеллектуалов” и в случае возникновения конфликтных ситуаций, порождаемых социальными движениями “низов”, быть готовым не столько к уступкам, сколько к жесткому следованию избранным курсом» [70].

Интеллектуальные дебаты крутятся вокруг идеи создания с помощью биотехнологии и информатики *постчеловека*. При этом сразу встает вопрос: а как видится в этих проектах судьба *человека*? В рассуждениях применяются три сходных парных метафоры. В жестких тезисах виды «постчеловек и человек» представлены как «кроманьонцы и неандертальцы». Помягче, это «элои и морлоки» (из фантазий Г. Уэллса), совсем мягко — «людены и люди» (из Стругацких).

Вот рассуждения А.М. Столярова, видного писателя-интеллектуала, лауреата множества премий: «Современное образование становится достаточно дорогим… В результате только высшие имущественные группы, только семьи, обладающие высоким и очень высоким доходом, могут предоставить своим детям соответствующую подготовку… Воспользоваться [новыми лекарствами] сможет лишь тот класс людей, который принадлежит к мировой элите. А это, в свою очередь, означает, что «когнитивное расслоение» будет закреплено не только социально, но и биологически, в предельном случае разделив все человечество на две самостоятельные расы: расу «генетически богатую», пред-

ставляющую собой сообщество «управляющих миром», и расу «генетически бедную», обеспечивающую в основном добычу сырья и промышленное производство…

Очевидно, что с развитием данной тенденции «когнитивное расслоение» только усилится: первый максимум устремится влево — к значениям, характерным для медицинского идиотизма, что мы уже наблюдаем, в то время как второй, вероятно, все более уплотняясь, уйдет в область гениальности или даже дальше…

Современные «морлоки» с их интеллектом кретина будут неспособны на какой-либо внятный протест. Равным образом они постепенно потеряют умение выполнять хоть сколько-нибудь квалифицированную работу, и потому их способность к индустриальному производству вызывает сомнения» [71].

Надо сказать, что с начала перестройки поношения в адрес «люмпенов», «паразитов» и «лодырей» и всей «генетически бедной» расе трудящихся стали сопровождаться лестью в адрес интеллигенции. Это было наивно и противно. Шестидесятники начали разжигать в интеллигенции самую примитивную ревность: ей, мол, недоплачивают. Все привилегии и оклады забрала себе номенклатура! Допустим, что так, но ведь интеллигенция, поддержав «рыночную реформу», лишь ухудшила свое материальное положение.

В.В. Радаев и О.И. Шкаратан писали в 1990 г.: «Нельзя добиться устойчивого успеха с помощью полукрепостного труда там, где нужны гибкие, динамичные формы организации производства. Основная движущая сила “компьютерной революции” — ученые, инженеры, предприниматели, управляющие, т. е. технократическая элита. Но многое ли могут сделать люди с дипломами об университетском образовании в стране, где они задавлены службой и бытовой неустроенностью, уравнены по зарплате с работниками средней и низкой квалификации, где им постоянно указывается их место (а место это далеко не самое почетное)?» [29].

Вот как, например, академик Д.С. Лихачев соболезнует русской интеллигенции, якобы ставшей жертвой большевиков: «Миллионы истинных интеллигентов, истинных патриотов своей Родины были изгнаны из России, репрессированы, уничтожены, унижены…» [102, с. 228].

Да, когда-то, кем-то и как-то были унижены *все до одного* истинные интеллигенты даже без всякой диктатуры пролетариата. Но ведь это в утверждении Д.С. Лихачева сцеплено с понятием «*уничтожены*». Соедини число погибших с числом «униженных» — и на него распространится ощущение огромности. Выходит, миллионы были уничтожены…

А раз после 1917 г. элитарная интеллигенция была якобы «изгнана, репрессирована, уничтожена», то без нее никакой культуры быть не может — так, образованщина. Из этого следовало, что советское общество изначально было *контркультурным*, жалеть о нем нечего, и разрушение СССР — благо. С.С. Аверинцев так квалифицирует образованную в СССР интеллигенцию: «Нельзя сказать, что среди этой новой получившейся среды, новосозданной среды научных работников и работников умственного труда совсем не оказалось людей с задатками интеллигентов. Мы знаем, что оказались. Но… единицы» («Независимая газета», 03.01.1992.).

Академик Д.С. Лихачев усиливает это суждение: «В двадцатые годы, в годы “диктатуры пролетариата”, роль и значение интеллигенции всячески принижались. В лучшем случае ее представители могли считаться попутчиками, в худшем — врагами… Год от года в стране падал уровень культуры. Самые маленькие ставки — у работников культуры» [102, с. 228][25].

Но здесь для нас главное в утверждении Д.С. Лихачева, будто при советском строе «год от года в стране падал уровень культуры». Что он под этим понимает, каковы его критерии оценки этого уровня в динамике? Превращение страны, в которой 75% населения было неграмотным, в самую читающую в мире страну — это падение или повышение уровня культуры? Для Д.С. Лихачева, судя по контексту его рассуждений, всеобщее образование несущественно, ибо оно означает изменение в жизни *массы*, а для него важна только жизнь *элиты*. Причем и в ее-то жизни упор у него делается на баланс «жалованья и унижений». Возможность для огромной массы людей приобщиться к творче-

[25] Кстати, сам академик, судя по его воспоминаниям, являлся врагом советского строя — вполне убежденным и сознательным. И ничего, получил и профессиональное признание, и статус, и далеко не низкую ставку жалованья.

ской работе в качестве интеллигенции не считается у него культурной ценностью.

Таково отношение к «генетически богатой» расе интеллектуалов. А вспомним, что пишет о потерявших работу сельских жителях, уже в 2010 г., Лев Любимов, заместитель научного руководителя Высшей школы экономики — «мозгового центра» реформы: «Одно делать нужно немедленно — изымать детей из семей этих “безработных” и растить их в интернатах (которые, конечно, нужно построить), чтобы сформировать у них навыки цивилизованной жизни» [72]. Да ведь это объявление войны! Такой привет от «демократической интеллигенции» русскому крестьянству не скоро забудется.

Поток таких рассуждений омывает разум страдающих от стресса жителей России.

Отметим, что Д.С. Лихачев противопоставляет интеллигенцию советскому государству вскользь, представляя интеллигентов не как борцов, а как покорную жертву государства как антикультурной силы. К концу перестройки всякая политкорректность была отброшена. Мало того, интеллигенцию поднимают на уровень Давида, готового повергнуть Голиафа, причем Голиафом представляется уже не СССР, а любое российское государство. Известный политолог, близкий к власти, Г. Павловский так рассуждает о «*его* народе», интеллигенции:

«Русская интеллигенция вся — инакомыслящая: инженеры, поэты, жиды. Ее не обольстишь идеей национального (великорусского) государства… Она не вошла в новую историческую общность советских людей. И в сверхновую общность “республиканских великоруссов” едва ли поместится… Поколение-два, и мы развалим любое государство на этой земле, которое попытается вновь наступить сапогом на лицо человека.

Русский интеллигент является носителем суверенитета, который не ужился ни с одной из моделей российской государственности, разрушив их одну за другой… Великий немецкий философ Карл Ясперс прямо писал о праве меньшинства на гражданскую войну, когда власть вступает в нечестивый союз с другой частью народа — даже большинством его — пытаясь навязать самой конструкции государства неприемлемый либе-

ральному меньшинству и направленный против него религиозный или политический образ…

Что касается моего народа — русской интеллигенции, а она такой же точно народ, как шахтеры, — ей следует избежать главной ошибки прошлой гражданской войны — блока с побеждающей силой. Не являясь самостоятельной политической силой, русская либеральная интеллигенция есть сила суверенная — ей некому передоверить свою судьбу суверенного народа» [123].

6. Поход против равенства

Идеология социального расизма, к которой примкнула группа виднейших гуманитариев и обществоведов позднего СССР, сразу сказалась на политической практике. Уже в 1990 г. эксперты М. Горбачева строили прогноз успеха реформы на том, что основная масса ее противников — люди более пожилые и с более низким уровнем образования. Идеологическая машина сосредоточила усилия на расколе поколений и разжигании конфликта между «образованным классом» и «простонародьем». Иногда прямо говорилось, что молодые образованные когорты возьмут верх над массой и в символической, и в организационной сферах. Фактически, они разжигали холодную гражданскую войну так же, как разожгли этническое насилие на Кавказе.

Перед выборами 1993 г. выступил по телевидению Ю. Левада, директор ВЦИОМ. Он успокаивает ведущего: непримиримых противников режима всего 20% населения (30 млн), но вы не беспокойтесь — это люди в основном пожилые, без высшего образования, им трудно организоваться. Дескать, подавить их сторонникам режима, людям молодым, энергичным и уже захватившим большие деньги, труда не составит. Какой разрыв элитарной интеллигенции с извечной моралью! Он трагичен и для народа, и для самой элиты — она саморазрушалась на глазах.

Вот что пишут ведущие социологи уже в 2005 г.: «Среди сторонников перестройки выделяются такие социально-профессиональные группы, как гуманитарная и творческая интеллигенция, студенты, мелкие и средние предприниматели, в меньшей степени инженерно-техническая интеллигенция и военнослужащие. Среди противников — в основном предста-

вители малоактивных слоев населения, малоквалифицированные, малообразованные, живущие преимущественно в сельской местности и просто пожилые люди, для которых перестройка означала разрушение их привычного мира (пенсионеры, жители сел, рабочие)» [32].

Но социологи совершают методологическую ошибку: ведь вес ответов от разных возрастных групп различен. Они пишут: «Сторонников несоциалистического пути развития больше среди молодежи, приверженцев социализма — в старших возрастных группах. Так, опрос выявил 50% сторонников несоциалистического пути в группе 18–25-летних россиян и 28% — среди опрошенных старше 60 лет. В то же время сторонников социалистического варианта в молодой возрастной группе насчитывается 19%, а в старшей группе — 77%» [32].

Надо же учесть, что «18–25-летние россияне» уже не видели советского жизнеустройства, а вся идеологическая машина с рождения создает в их сознании негативный образ советского строя. С другой стороны, те, кому было во время перестройки 40 лет, могут сравнивать оба типа общественного бытия. Их мнение основано на эмпирическом знании. Но большинству из них (77%) не дают трибуны для диалога с «детьми», а сообщество обществоведов не берет на себя функцию передачи объективного знания молодому поколению.

Рассмотрим важную сторону перестройки и реформы: *разрушение трудовой мотивации и внедрение в массовое сознание неудовлетворенных потребностей*. Успешная реализация этих проектов была важной предпосылкой для проведения и экономической реформы (прежде всего, приватизации), и ликвидации СССР, и демонтажа советской социальной системы. В дальнейшем, однако, оказалось, что массовое сознание при такой обработке было настолько деформировано, что декларированные реформаторами планы построения на пепелище советской системы нового общества («цивилизованного рынка») стали нереализуемы. Разумеется, не только по этой причине, но и она очень существенна.

Вот что обнаружили в первом случае исследователи Института социологии АН СССР, и вот какие идеологические выводы они сделали из своих эмпирических результатов.

Социологические исследования отношения советских людей к их доходам и уровню потребления выявили два свойства: *непритязательность* и *солидарность (уравнительность)*. Наряду с трудовой мотивацией оба эти качества массовой культуры могли бы послужить огромным социальным ресурсом в большой программе модернизации экономики. Но они были целенаправленно разрушены.

Конкретно социологи обнаружили в 1987 г., что советские люди в целом *удовлетворены* своим достатком и оплатой труда. Формально распределение мнений было таким: «Среднестатистический работник, попавший в выборку, на момент опроса получал 165 руб. на руки… Отличными назвали свои заработки всего 4% опрошенных работников, которые получают в среднем в месяц 217,5 руб. … 30% работников оценили размеры вознаграждения за свой труд как "хорошие". Среднеарифметическая сумма заработков в этой группе составил 191 руб. … Удовлетворительную оценку размерам получаемых за свой труд сумм выставила самая многочисленная группа — 46% опрошенных, чей средний заработок составил 159,5 руб… Плохими назвали размеры своих заработков 15% опрошенных, которые получают в среднем 129,8 руб. в месяц» [73, с. 56].

Конечно, большинство людей считает, что следовало бы им зарплату прибавить. Но что замечательно — чем выше уровень зарплаты в категории работников, тем *меньшую* надбавку для себя они считали справедливой! Социологи приводят такую зависимость: «Работники, получающие менее 120 руб. в месяц, полагают, что им следовало бы платить за их труд на 50–60% больше. Те, кто получает на руки от 120 до 200 руб., оценивают свой труд чуть более чем на треть дороже. При заработках порядка 200–300 руб. устроило бы повышение зарплаты на четверть или чуть больше. Те, кто получает свыше 300 руб. в месяц, ценят свой труд всего на 15% дороже. Легко видеть, что внедрение в жизнь результатов такой "самоаттестации" привело бы к сокращению разрыва в уровне оплаты труда» [73, с. 57].

Это отсутствие невротической озабоченности уровнем дохода — ценное социальное достижение, оно говорило о спокойствии людей, о связности и устойчивости общества. Это именно то, что следовало бы считать *человеческим потенциалом*, кото-

рый сам падал в руки реформаторам. И как же они его оценили? Вот толкование полученных результатов социологами:

«Идеология “социальной консолидации” на основе мнимой общности интересов дала свои плоды… Атмосфера благодушия, удовлетворенности достигнутым по сути дела означала торжество так называемой “психологии середняка”… В повседневной жизни, в неформальном общении употребляется расхожее выражение: “Все в норме”. “Нормальное состояние”, “нормальные отношения”, — так принято говорить о коллективе, семье, группах общения. В подобного рода нормативных представлениях содержатся оценочные показатели относительного равновесия, сбалансированности отношений, бесконфликтности. И наоборот, возникновение конфликтов, противоречий оценивается как нарушение равновесия, благополучия, т. е. как ненормальное состояние» [73, с. 55, 57].

Авторы книги без всяких разумных доводов объявляют спокойные, равновесные отношения членов благополучного общества «мнимой общностью интересов». Так жить нельзя! Надо нарушить «атмосферу благодушия» мирных жителей! И группа обществоведов (в их числе академик С.С. Шаталин) рассчитала в 1987 г. «значение оптимума материальной обеспеченности; его денежное выражение соответствует душевому доходу 220–235 руб. в месяц». Рассчитала — это, надо понимать, «высосала из пальца», исходя из представлений узкого круга академиков и профессоров.

И заработала идеологическая машина реформаторов. Социологи пишут: «Таким образом, для большинства людей норматив разумности лежит значительно ниже теоретически выведенного оптимума» [73, с. 59].

«Исследователи» уверовали в чисто идеологический постулат, а потом под него подгоняют наблюдаемую реальность. Ни исторических условий, в которых вырабатывался «норматив разумности» массового сознания, ни реальных ограничений, в рамках которых здраво рассуждали в то время советские люди, социологи из АН СССР знать не знали и ведать не хотели. Они уверены в своей концепции, которой придали статус самостоятельной сущности: «Возможность значительной дифференциации в оплате в зависимости от трудового вклада приносится

в жертву беспринципной, зато бесконфликтной уравниловке. Об этом свидетельствует также медленное, а местами драматическое внедрение индивидуальной и кооперативной трудовой деятельности, арендного подряда. Старые социальные нормы противятся утверждению новых норм. Идеологические меры к преодолению этих неблагоприятных тенденций видятся… в повышении престижа благ и услуг, способствующих всестороннему развитию личности» [73, с. 60].

Какая самонадеянность! Свои сомнительные доктрины они называют «теорией», а прошедшие длительный отбор в ходе реальной народной жизни культурные нормы — неглубокими и стихийными. С этими «теориями» СССР и потерпел катастрофу.

В ходе опросов было подтверждено наличие в массовом сознании сильной трудовой мотивации. Социологи пишут: «По данным повторного Всесоюзного исследования образа жизни (1987 г.), для всех без исключения категорий населения ценность труда несомненна. Так, выбирая три важнейших для себя стороны жизни, 44% опрошенных упомянули интересную работу (чаще отмечались лишь супружеское счастье и воспитание детей). 3/4 опрошенных в качестве важнейшего средства достижения успеха, благополучия в жизни отметили трудолюбие, добросовестное отношение к делу» [73, с. 54].

Как же оценивают близкие к власти социологи эту укорененную в массовом сознании культурную норму? Как *порок* общественного сознания! Они трактуют ее как «догматическое понимание места труда в системе социалистического образа жизни», опираясь следующую на цитату А.Н. Яковлева из журнала «Коммунист»: «В общественное сознание и практику оказался внедренным постулат: дескать, отсутствие частной собственности и даже просто государственный план предопределяют, что всякий труд (полезный — вредный; безупречный — халтурный) является непосредственно общественным, необходимым» [74].

Представьте: социологи из АН СССР, образованные люди, приняли эту примитивную тираду за непререкаемую истину. Но ведь он сказал просто *глупость*, здесь для нас даже не важно, что она к тому же и злобная. Подумали бы сами: при чем здесь частная собственность, государственный план? Разве крестьянин в XVIII в. не считал труд «непосредственно обществен-

ным, необходимым»? Разве песню «Дубинушка» братья Покрасс написали? Труд в России, как и во всех незападных обществах (да и в большой части Запада), имеет *литургический смысл. Arare est orare! Пахать значит молиться!* Вот на что замахнулись социологи, пошедшие за А.Н. Яковлевым, а за ними потянулась и прочая восторженная интеллигенция.

И вот как развивают эти социологи свою оценку укорененного в сознании отношения к труду: «Этот порочный вывод — следствие непонимания того факта, что отмена капиталистической частной собственности не приводит автоматически к торжеству общенародной социалистической собственности и связанных с ней социалистических общественных отношений. Он призван затушевать отчуждение труда, разрыв между интересами бюрократии и трудящихся масс, скрыть существование двух противостоящих друг другу социальных норм. И эта догма будет долго выступать одним из главных препятствий на пути перестройки, поскольку она глубоко внедрилась во все компоненты общественного сознания» [73, с. 54].

Как это все поверхностно и занудливо — собственность, отчуждение, бюрократия… Насколько глубже и шире смотрели тогда на этот вопрос сами «опрошенные». Но результат известен: разделение народа стало привычным фактом — разведенные реформой части общества уже осознали наличие между ними пропасти. Фундаментальный «системный» раскол прошел по экономическим, социальным и мировоззренческим основаниям — раскол на *бедных* и *богатых*.

Идеологическая кампания по дискредитации промышленных рабочих привела к их деморализации и полной недееспособности в момент приватизации. Сразу резко изменился социальный статус рабочих и образ жизни. Большая часть их прошла через тяжелый период безработицы[26].

Академик М.К. Горшков пишет: «Ситуация с человеческим капиталом работников, занятых в российской экономике, характеризуемая тем, что большая их часть находится в положении либо частичной деквалификации, либо общей деградации, может

[26] «Прошли через статус незанятого с 1992 г. по 1998 г. примерно по 10 млн каждый год и всего более 60 млн человек; из них рабочие составляли около 67 %, т. е. более 40 млн человек» [77].

рассматриваться как крайне опасная с точки зрения перспектив модернизации России. Тревожными тенденциями выступают также постепенная люмпенизация рабочих низкой квалификации, массовый уход молодежи в торговлю при игнорировании индустриального сектора, равно как и практическое отсутствие у большинства молодых людей шансов (куда бы они ни шли работать) на изменение их жизни и профессиональных траекторий» [75].

Эта тенденция набрала инерцию, и переломить ее будет трудно. Дискредитирована сама профессия промышленного рабочего — вот удар по основному производству России. Травма привела к резкому снижению ценности *труда* в сознании рабочих.

И вот еще важное наблюдение: «Произошло практически полное отчуждение рабочих от участия в управлении на уровне предприятий, выключение из общественно-политической жизни в масштабах общества… Российские работодатели демонстрировали буквально иррациональную нетерпимость к участию рабочих в управлении. В ответ, вместо сопротивления ограничениям, рабочие стали практиковать “избавление от акций”… По данным нашего опроса, почти половина рабочих прошла через моральные унижения в различных формах.

Таким образом, реформенные преобразования оказали глубокое и разностороннее, как правило, отрицательное воздействие на положение рабочих. П. Штомпка изменения в их положении, социальном статусе охарактеризовал как социальную травму. Происходит “разрушение статуса социальной группы”» [76].

Надо подчеркнуть, что во время перестройки и реформы в России наблюдалось явление, немыслимое в современном и тем более демократическом обществе — *пропаганда безработицы* ведущими гуманитариями страны. Право на рабочее место («от каждого — по способности») было одним из главных устоев советской социальной системы.

Одним из первых кампанию за безработицу начал Н.П. Шмелев. Он писал в 1987 г.: «Не будем закрывать глаза и на экономический вред от нашей паразитической уверенности в гарантированной работе. То, что разболтанностью, пьянством, бракодельством мы во многом обязаны чрезмерно полной (!) занятости, сегодня, кажется, ясно всем. Надо бесстрашно и по-

деловому обсудить, что нам может дать сравнительно небольшая резервная армия труда, не оставляемая, конечно, государством полностью на произвол судьбы… Реальная опасность потерять работу, перейти на временное пособие или быть обязанным трудиться там, куда пошлют, — очень неплохое лекарство от лени, пьянства, безответственности» [78][27].

Т.И. Заславская писала в важной статье (1989 г.) более гуманно, но с цифрами в руках: «По оценкам специалистов, доля избыточных (т. е. фактически не нужных) работников составляет около 15%, освобождение же от них позволяет поднять производительность труда на 20–25%. Из сопоставления этих цифр видно, что лишняя рабочая сила не только не приносит хозяйству пользы, но и наносит ему прямой вред. … По оценкам экспертов, общая численность работников, которым предстоит увольнение с занимаемых ныне мест, составит 15–16 млн человек, т. е. громадную армию… Негативные последствия существования резервной армии труда могут быть компенсированы соответствующими социальными гарантиями, как это делается в развитых капиталистических странах…

Система, при которой люди, увольняемые со своих предприятий, испытывали бы некоторые трудности с нахождением новой работы, должны были… менять профессии, переходить на более низкие должности или худшие рабочие места, была бы в этом плане более эффективной. Она ставила бы работников в более жесткие экономические и социальные условия, требовала от них более качественного труда. Лично мне ближе последняя точка зрения, но общественное сознание не подготовлено к ее восприятию. По данным опроса, 58% людей считают, что безработица в СССР недопустима, … мнение о том, что безработица необходима для более эффективного хозяйствования, поддерживает всего 13%» [60, с. 230–232].

Как мы не раз могли убедиться, мнение большинства для российских демократов несущественно, они безработицу сразу сделали реальностью. Но какова была аргументация! «Освобож-

---

[27] До этого вопрос о необходимости безработицы туманно ставил академик С. Шаталин («Коммунист», 1986, № 14), на которого и ссылается Н. Шмелев. Он говорил о переходе от «просто полной занятости к социально и экономически эффективной, рациональной полной занятости».

дение» от 15% ненужных работников, по расчетам «специалистов», поднимает (предположительно!) производительность труда на 20%. Нетрудно видеть, что объем производства при этом возрастает на 2%. Выгода от рекомендации академика *несоизмеримо* меньше неизбежных потерь.

Чуть позже Н.П. Шмелев, закусив удила, придает предложению Т.И. Заславской *тотальный* характер. Он пишет в 1995 г.: «Сегодня в нашей промышленности 1/3 рабочей силы является излишней по нашим же техническим нормам, а в ряде отраслей, городов и районов все занятые — излишни абсолютно» [79].

Вдумаемся в эти слова: «в ряде отраслей, городов и районов ***все занятые — излишни абсолютно***». Как это понимать? Что значит «в этой отрасли все занятые — излишни абсолютно»? Что значит «быть излишним абсолютно»? Что это за отрасль? А ведь Н. Шмелев утверждает, что таких отраслей в России не одна, а целый ряд. А что значит «в городе N* все занятые — излишни абсолютно»? Что это за города и районы?

Все это печатается в социологическом журнале Российской академии наук! И ведь эта мысль о лишних работниках России очень устойчива. В 2003 г. Н.П. Шмелев написал: «Если бы сейчас экономика развивалась по-коммерчески жестко, без оглядки на социальные потрясения, нам бы пришлось высвободить треть страны. И это при том, что у нас и сейчас уже 12–13% безработных. Тут мы впереди Европы. Добавьте к этому, что заводы-гиганты ближайшие несколько десятилетий обречены выплескивать рабочих, поскольку не могут справиться с этим огромным количеством лишних» [97].

Какие «заводы-гиганты» увидел Шмелев в 2003 г., какое там «огромное количество лишних», которых якобы заводы «обречены выплескивать ближайшие несколько десятилетий»! Академик-экономист может говорить такие безответственные вещи и продолжает входить в число высших авторитетов российской экономической науки. Как тут не быть кризису!

7. Стреляли в коммунизм, а попали в Россию

Такое было оправдание у наших философов, когда стало очевидно, что под ненавистью к СССР у многих из них таилась еще

более жгучая антипатия к исторической России вообще. Самым непримиримым из высшего эшелона был, видимо, А.Н. Яковлев. У него почти всякое обвинение в адрес СССР сопровождалось подтверждением историей.

Вот, коснулся вопрос частной собственности, и академик А.Н. Яковлев пишет: «На Руси никогда не было нормальной частной собственности, и поэтому здесь всегда правили люди, а не законы… Только частная собственность через действие закона стоимости и конкуренции непрерывно повышает производительность труда и создает материальные блага в изобилии. Частная собственность — первооснова автономии личности, ее обогащения — интеллектуального и материального и т. п.» [44, с. 24].

В этом компоте из обрывков марксизма и либеральных мифов нет ни одного связного и разумного утверждения. Что значит «на Руси правили люди, а не законы»? В США законы Святой дух в виде голубя в Конгресс приносит или люди их пишут? Что значит «частная собственность создает материальные блага»? Теория стоимости еще у Дж. Локка была *трудовой*, так что материальные блага создает не собственность, а труд. А изобилие этих благ у части общества определяется тем, что частная собственность позволяет диктовать способ *распределения*.

Мысль, будто «только частная собственность повышает производительность труда», фантастична. Неужели академик РАН по Отделению экономики Яковлев всерьез считает, что за двадцать тысяч лет истории цивилизации, которые предшествовали возникновению частной собственности, производительность труда людей не повышалась? Мы знаем о *скачкообразных* повышениях производительности труда (революциях), которые оказали на судьбу человечества гораздо более фундаментальное влияние, чем изобретение компьютера: приручение лошади и верблюда, выведение культурных растений и переход к земледелию, изобретение хомута и использование лошади на пахоте. Частной собственности при этом еще и в помине не было. Столь же странно утверждение, будто «частная собственность — первооснова автономии личности». Когда, по мнению Яковлева, появились на Земле личности — только в ходе буржуазных революций?

И какая во всем этом гимне частной собственности скрыта русофобия! В России частной собственности никогда не было, значит, и автономных личностей не было — не было для них на Руси первоосновы. Об интеллектуальном богатстве и речи быть не может.

Во время перестройки вдруг встал вопрос о цивилизационной идентичности России. В советское время нажимали на формационный подход, и официально было заявлено, что у нас социализм. В общем, знали, что Россия-Евразия сложилась как цивилизация, почитывали и Данилевского, и Тойнби, и Шпенглера, да и на Западе после 1812 г. с этим особенно не спорили. По данной проблеме озабоченности в общественном сознании не было.

И вдруг нам объявили, а потом стали «трещать» каждый день, что Россия из-за большевиков отклонилась от «столбовой дороги цивилизации», и перед нами стоит трудная задача на эту дорогу вернуться — и тогда нас примут в «наш общий европейский дом». Но, конечно, придется пострадать, билет туда недешев.

Среди идеологов антисоветского проекта бытовали три версии в отношении цивилизационного статуса России. Первая из них гласила, что Россия не является ни самостоятельной цивилизацией, ни частью иной большой цивилизации, она давным-давно выпала из мирового цивилизационного развития и осталась в состоянии *варварства*.

Эту мысль проводил А.Н. Яковлев. Он писал: «На Руси никогда не было нормальной, вольной частной собственности… Частная собственность — материя и дух цивилизации».

Никогда не было… Значит, речь идет не о «большевиках». А.Н. Яковлев представлял реформу как «Реформацию России» — попытку политическими средствами превратить ее в *цивилизованное* общество. Не было никогда в России «материи и духа цивилизации» — а теперь будет! Посредством приватизации. При этом речь здесь уже не шла о выпадении из цивилизации на период советского строя, а именно о том, что «духа цивилизации» здесь не было *никогда*.

А.Н. Яковлев, ратуя перед выборами в июне 1996 г. за Б. Ельцина, обратился к интеллигенции: «Впервые за тысячелетие взялись за демократические преобразования. Ломаются веко-

вые привычки, поползла земная твердь» [84]. Что поползла, мы и сами замечаем. Важно, что «архитектор перестройки» открыто признал: объект уничтожения — вовсе не коммунизм, не краткий миг советской власти. Рушат *тысячелетнюю Россию*. Народ не просто ввергают в бедность — из-под ног выбивают земную твердь.

Философ В.М. Межуев писал в важной книге перестройки («Освобождение духа»): «Согласование нашей культурной традиции с тем цивилизационным путем развития общества, на который мы все-таки должны вступить, но пока еще никак вступить не можем, и есть, видимо, та главная проблема, которая сегодня встала перед нами в своем полном объеме и во всей своей сложности…

Современная цивилизация опирается на традиции, идущие, как известно, от европейской средневековой “бюргерской” (городской) культуры с ее цеховой автономией ремесел, торговли, финансов, образования, науки, постепенно отделившейся от традиционной культуры земледельческих обществ с их натуральным хозяйством, патриархальным образом жизни, государственным патернализмом и обособленной духовной жизнью господствующих слоев общества… Мышление, психология товарного производителя — нечто совсем иное, чем мышление крестьянина, занятого натуральным производством. Одно дело видеть в хлебе — каравай, в корове — Зорьку, в козе — Машку; совсем другое — видеть в них и стоимость, измеряемую денежными знаками… И такое меркантильное, прагматическое, расчетливое отношение к земле намного полезнее для той же земли, чем простое чувство естественной сращенности с ней, якобы генетически врожденное каждому крестьянину…

Становление современной — торгово-промышленной, городской — цивилизации от ее первых шагов и до нашего времени происходило не только в контакте, но и в определенном конфликте с традиционной культурой земледельческого общества — культурой преимущественно крестьянской, или народной» [80].

Это — представление, проникнутое евроцентризмом[28]. Но здесь оно авторитетом науки оправдывает конфликт элиты,

[28] Вера в то, что есть одна правильная цивилизация (Запад), уже преодолена и на самом Западе, хотя и применяется в идеологических целях.

рвущейся в цивилизацию, с нашей культурой «преимущественно крестьянской, или народной».

Вторая версия состояла в том, что Россия представляет собой цивилизацию, но изначально антигуманную и тоталитарную. Советник Б. Ельцина, философ А.И. Ракитов, так излагал «особые нормы и стандарты, лежащие в основе российской цивилизации»: «Ложь, клевета, преступление и т. д. оправданны и нравственны, если они подчинены сверхзадаче государства, т. е. укреплению военного могущества и расширению территории». Он радовался уничтожению СССР: «Самая большая, самая жестокая империя в истории человечества распадается».

А.И. Ракитов подчеркивал, что патологическая жестокость якобы была изначально присущим, качеством государства России: «Надо говорить не об отсутствии цивилизации, не о бесправии, не об отсутствии правосознания, не о незаконности репрессивного механизма во времена Грозного, Петра, Николая I или Сталина, но о том, что сами законы были репрессивными, что конституции были античеловечными, что нормы, эталоны, правила и стандарты деятельности фундаментально отличались от своих аналогов в других современных европейских цивилизациях» [82].

В этой версии реформа видится не как переход из варварства в цивилизацию, а как смена типа цивилизации, «вступление в Запад». Один из «прорабов перестройки», И.М. Клямкин, утверждал: «Россия может сохраниться, только став частью западной цивилизации, только сменив цивилизационный код».

У К. Леви-Стросса, виднейшего ученого XX в., читаем: «Не может быть мировой цивилизации в том абсолютном смысле, который часто придается этому выражению, поскольку цивилизация предполагает сосуществование культур, которые обнаруживают огромное разнообразие; можно даже сказать, что цивилизация и заключается в этом сосуществовании. Мировая цивилизация не могла бы быть ничем иным, кроме как коалицией, в мировом масштабе, культур, каждая из которых сохраняла бы свою оригинальность... Священная обязанность человечества — охранять себя от слепого партикуляризма, склонного приписывать статус человечества одной расе, культуре или обществу, и никогда не забывать, что никакая часть человечества не обладает формулами, приложимыми к целому, и что человечество, погруженное в единый образ жизни, немыслимо» [81].

А.И. Ракитов говорил жестко и откровенно: «Трансформация российского рынка, основанного на низких технологиях и вялотекущих экономических процессах, малоинициативных предпринимателях и купцах.., отсутствии серьезной капиталистической этики и свободы предпринимательства, в рынок современного капитализма требовала новой цивилизации, новой общественной организации, а следовательно, и радикальных изменений в ядре нашей культуры» [81].

Большевики, согласно Ракитову, прервали процесс европеизации, не дали «радикально изменить нашу цивилизацию», преодолеть «невыносимо родной отечественный деспотизм» — и только сегодня такая возможность культуртрегерам представилась.

А.И. Ракитов хотя бы признает, что какая-никакая, но цивилизация в России все-таки была, он сетует на то, что перед ним не «чистая доска», а цивилизация: «Было бы очень просто, если бы переход к этой цивилизации и этому рынку осуществлялся в чистом поле. Ведь переход от нецивилизованного общества к цивилизованному куда проще, чем смена цивилизаций. Последнее требует иного менталитета, иного права, иного поведения, требует замены деспотизма демократией, раба — свободным производителем и предпринимателем, биологического индивида — индивидом социальным и правовым, т. е. личностью. Подобные радикальные изменения невозможны без революции в самосознании, глубинных трансформаций в ядре культуры» [81].

Третья версия, самая мягкая, сводилась к тому, что Россия была и есть часть Запада. Она лишь слегка отклонилась от «столбовой дороги» из-за советского эксперимента, и теперь надо прилежно учиться у Запада, чтобы наверстать упущенное за 70 лет.

Эта версия была сформулирована уже в 1960-е годы, во время «оттепели». П. Вайль и А. Генис показывают это в книге «60-е. Мир советского человека», где описаны умонастроения «кухонь» интеллигентской богемы, чьим идеологом и пророком стал И. Эренбург (его они уподобляют апостолу Павлу): «Спор об отношении к западному влиянию стал войной за ценности мировой цивилизации. Эренбург страстно доказывал, что русские

не хуже и не лучше Запада — просто потому, что русские и есть Запад».

В совокупности все три версии с конца 1980-х годов господствуют в «гуманитарном» дискурсе и постоянно подпитываются заявлениями авторитетных интеллектуалов. Они служат важным оправданием уничтожения СССР как «империи зла». И нас не должно удивлять, что в цивилизационной войне против России в конце XX в. объединяются антикоммунисты и люди, «взращенные» КПСС, вроде М. Горбачева и А. Яковлева.

Хорошей иллюстрацией служит деятельность в конце 1990-х годов независимого теоретического семинара «Социокультурная методология анализа российского общества» под руководством А.С. Ахиезера. На его заседаниях в Москве собирались видные гуманитарии, в том числе из-за границы. Здесь заслушивались концептуальные доклады о России в понятиях цивилизационного подхода.

Вот, на семинаре № 16 (17 декабря 1997 г.) был заслушан доклад культуролога А.А. Трошина «Теоретические основы деструкции в обществе (на материале истории России XIX века)»[29]. Приведем выдержки, из которых складывается у него образ России как цивилизации:

«До начала XVII в. основной формой поведения русских мужчин был гомосексуализм как гендерная норма… В России с XII в. по XVI в. известны массовые психопатии гомосексуального толка, когда женское население вырезалось полностью. Это особенно характерно для верхнего и среднего Поволжья».

И этот бред благосклонно слушают 27 человек из российского и эмигрантского гуманитарного истеблишмента. Где докладчик взял статистику «гомосексуализма русских мужчин» в XII в.? Ведь еще не было русских мужчин, а были вятичи да кривичи. И уж тем более не было статистики. Кому «известно», что с XII в. по XVI в. для верхнего и среднего Поволжья было «особенно характерно», что на почве гомосексуализма «женское население вырезалось полностью»?

Тема гомосексуализма проходит в докладе о России красной нитью: «По свидетельству иностранцев, на льду Москвы-реки одновременно горело по нескольку сот костров, на которых

[29] Доклад легко найти в Интернете.

сжигали гомосексуалистов». Наконец-то хоть один надежный источник указан — «по свидетельству иностранцев». Можно было бы даже дать ссылку на отчет уважаемого иностранца, правда, не о Москве и гомосексуалистах, а о самом европейском в России городе Петербурге и крещении детей: «В праздник Богоявления на льду Невы перед Зимним дворцом строят Иордань, где пьяный поп крестит детей, окуная их в прорубь. Уронив случайно младенца в воду, он говорит родителям: “Другого!”».

Вот еще: «Русское общество основывалось на наркомании… Н.Н. Реформатский описывает случаи стопроцентного поражения жителей спорыньей». Что значит «русское общество основывалось на…»? Что значит «стопроцентное поражение жителей спорыньей»? И это — элитарный теоретический семинар «по методологии анализа российского общества»…

Следующий мазок в портрет России: «По мнению специалиста по психопатиям П.И. Якобия, единственного, кто попытался написать антропологическую историю России, каждый год более половины населения было охвачено теми или иными формами массовых психопатий». Сидят российские и английские профессора, кивают. На неряшливое выражение «специалиста по психопатиям» ссылаются, как на научный факт. Да «теми или иными формами массовых психопатий» всегда и везде «охвачено» все население любой страны. Разговор ведется в понятиях неопределимых и о явлениях неизмеримых. Какое убожество в уровне рассуждений!

Вот еще открытие: «Оказывается, что многодетные семьи в русской деревне — это миф. В течение XIX в. фактический прирост населения происходил только за счет миграции. Численность коренного населения снижалась за счет того, что при огромной рождаемости детская смертность была еще большей, а также за счет массовых психопатий». Как можно всерьез принимать такие вещи? И это слушают, «развесив уши», культурологи и социологи. Вот где маразм, а не в «русской деревне».

Докладчик делает экскурс в этнологию: «…в XVII в., когда весь великорусский этнос сменился полностью. Он не исчез биологически, но культурное наследие прервалось». Что значит «этнос сменился полностью»? Это утверждение просто нелепо. Что значит «культурное наследие прервалось»? Великорусский этнос

забыл русский язык? Русские люди забыли, как креститься и куда совать ложку?

Дальше следует социальный срез русской культуры: «Когда кора не работает физиологически, то работает подкорка [у крестьян]. Когда вербальные конструкции не действуют, начинается эмоциональное детерминирование. Почему наша ученая молодежь, студенчество, в особенности физики, так восприимчивы к сектантству? Потому что у них нормальный человеческий функционирующий мозг. … Поэтому здесь прямая аналогия: ученые и наши крестьяне».

Не будем придираться к смыслу, взглянем на логику. У крестьян «кора не работает физиологически». Допустим. У ученых («особенно физиков») — «нормальный человеческий функционирующий мозг». Допустим. Но как получается «поэтому здесь прямая аналогия: ученые и наши крестьяне»?

Кому-то все это покажется постмодернистской клоунадой кружка «играющих в бисер». Но в действительности А.С. Ахиезер с его «теорией России» в течение нескольких лет задавал тон в элитарном гуманитарном сообществе, а члены его «кружка» и до сих пор ведут семинары на «цивилизационные» темы.

Мысль об изуверской сущности российской цивилизации и сейчас устойчиво воспроизводится в значительной части гуманитарной элиты (и, следовательно, благосклонно воспринимается остальной ее частью). Поскольку в открытой форме она высказывается уже более двадцати лет, ее надо считать выношенной, продуманной установкой — перестройка и реформа лишь дали ей трибуну. Эта мысль развивается — она теперь прямо основывается на концепции прирожденных (примордиальных) дефектов национального сознания русских, которые не устраняются ни при каких социальных и политических изменениях. Это почти биологическое свойство русского народа.

В прениях по этому докладу И.Г. Яковенко (профессор Российского государственного гуманитарного университета) дает такое определение России как цивилизации: «Мы имеем дело с архаической, периферийной цивилизацией, в которой имеет место языческо-христианский синкрезис, причем языческое, как оказывается, доминирует, а христианское является лишь оформ-

лением… Катастрофа не является чисто негативным явлением. Она оказывается фактором мобилизующим, она мобилизует общество и на какие-то мутации, и на какие-то осмысленные изменения, и, кроме того, катастрофа позволяет поднять энергетический порог и перейти потенциальный барьер, который закрывает системообразующие структуры общества от случайных изменений. Чем мощнее катастрофа, тем больше шансов на изменение глубинных, традиционных оснований культуры и общества».

Странно, что идеологи катастрофы СССР с таким пафосом обсуждают проблему цивилизационных процессов в России с XII в. Хотят забыть, что натворили вчера? И эта их активность не прекращается поныне.

Вот, с надрывом выступает А.М. Ципко: «Результаты интернет-выборов главного имени России заставляют еще раз и всерьез задуматься о состоянии духа и ценностей современной, во многом новой российской нации и, прежде всего, о состоянии духа тех, кого до 1917 г. называли *великороссами*. Вопреки всем прекраснодушным ожиданиям перестройки свобода от коммунизма не дала ни углубления моральных чувств, ни воскрешения духовных сил народа. … В новой России, как и в старой, дореволюционной, дает о себе знать традиционное для нас равнодушие, безразличие к моральным качествам личности. … И здесь я задаю себе самый главный, страшный вопрос, на который уже долгие годы сам ищу ответ. Почему мы, русские, такие, почему нам своих не жалко?. Если бы у нас было по-другому, если бы мы любили друг друга, то у нас никогда бы не победили большевики с их идеей классовой ненависти. Это уже писал Антон Деникин… Очевидно, что у русских как у самого многочисленного народа РФ нет до сих пор даже чего-то сравнимого с еврейской заботой о сохранении своего народа… Традиция обожествлять вождей идет от старых, царистских настроений, от чувства раба. Кстати, в моей родной Одессе сталинисты даже во времена Сталина были редкостью, ибо одесситы от рождения ощущают себя свободными людьми» [83].

Как мучает одессита, уже в роддоме ощущавшего себя свободным человеком, «самый главный, страшный вопрос». Ну что это за народ — русские: какую им свободу не давай, нет «ни

углубления моральных чувств, ни воскрешения духовных сил». И в «новой России», и в советской, и в «старой дореволюционной» одна и та же традиционная патология. Все это «от старых, царистских настроений, от чувства раба» [83].

Все это — не импульсивные всплески эмоций обиженных на Россию «просветителей». Это нормальная регулярная идеологическая работа весьма уже уставших людей на жалованье. Цель ее — размыть у читающей публики и телезрителей уверенность в праве России на существование как самобытной цивилизации.

Их печалит, что за последние тридцать лет не произошло слома тех устоев русской культуры, для которых пробным камнем был Запад как иная цивилизация, относительно которой люди осознают свою культурную идентичность. В декабре 2006 г. Аналитический центр Ю. Левады провел большой опрос на тему «Россия и Запад». На вопрос «Является ли Россия частью западной цивилизации?» положительно ответили 15%. Большинство, 70% опрошенных, выбрали ответ «Россия принадлежит особой (“евразийской” или “православно-славянской”) цивилизации, и поэтому западный путь развития ей не подходит». Затруднились ответить 15%.

Таким образом, приписать Россию к западной цивилизации и поныне невозможно, потому что подавляющее большинство ее населения считает себя принадлежащим к особой цивилизации и не подавало заявления на «вступление в Запад». Но нет надежды, что наши «западники» смирятся с такой позицией большинства. Они считают эту позицию комплексом неполноценности. Определенно высказался на Российско-немецком форуме (Москва, 3 декабря 2008 г.) социолог Л. Гудков (директор «Левада-центра», бывшего ВЦИОМа): «Тютчев очень точно сформулировал один из центральных комплексов российской идентичности, реально работающих и сегодня. Смысловым фоном для такого суждения оказывается ясное и одновременно крайне болезненное сознание не просто отсталости России или ее варварской, с точки зрения европейцев, патриархально-самодержавной государственной и общественной конституции, но и неосновательность каких-либо надежд на процессы ее цивилизации в обозримом будущем».

Пока у «западников» сила, деньги и машина пропаганды — конфликт будет тлеть.

8. Подрыв советского хозяйства

Считается, что центр тяжести начатых в конце 1980-х годов реформ — реформа экономики России. Точно оценить вес каждого среза система реформ трудно, но во всяком случае преобразование экономики привлекло наибольшее внимание общества. Это понятно — любое изменение в экономике сразу отражается в социальной плоскости, а затем и в этнической. Соответственно, на экономику были направлены и основные усилия идеологической команды. На время кумирами публики стали экономисты.

Писатель В. Лакшин, тогда главный редактор журнала «Иностранная литература», пишет об этой поддержке как о важном и редкостном явлении культуры: «Вторая сторона [первая сторона этого необычного состояния — «журнальный бум». — *С. К.-М.*] состояла в поразительном успехе экономистов. На заре перестройки читали ученых-социологов, аграрников и т. п., начиная со Шмелева, Лисичкина, Селюнина и т.д… Была иллюзия, что ученые не ошибутся и не соврут, потому что экономика — точная наука, подобно математике. Экономисты были популярны, как эстрадные «звезды», как Валерий Леонтьев или Алла Пугачева. Помню, как Н. Шмелева приветствовал на читательской конференции зал: чуть ли не вставали, засыпали цветами» [86].

Кого граждане засыпали цветами? Экономистов, которые оказались несостоятельны в своей миссии изучения и объяснения народного хозяйства своей страны! На втором этапе перестройки они, пренебрегая своей обязанностью предупредить общество о грядущих последствиях, повели себя как соблазнители.

Первое направление в подготовке к главным действиям реформы (разделение общего достояния СССР, приватизация промышленности, ликвидация колхозно-совхозного строя на селе) заключалось в дискредитации советского типа хозяйства посредством теоретических, весьма туманных рассуждений. Началось с обвинения советского хозяйства в огосударствлении.

В.В. Радаев и О.И. Шкаратан писали: «Этакратизм не обязательно следует за капитализмом и не стоит выше него на лестнице общественного процесса. В самом деле, этот строй не дал более развитых по сравнению с капитализмом производительных сил, не обеспечил населению более высокого уровня материального благосостояния, не ликвидировал наемного характера рабочей силы, не поднял человека на действительно новую духовную высоту. В нем есть свои эксплуататоры и эксплуатируемые, своя система норм и ценностей, свои представления о социальной справедливости свои экономические законы. Мы выбрали в качестве общего образца Советский Союз, ибо его можно признать классическим вариантом…

Даже при неглубоком рассмотрении экономических отношений этакратизма сразу бросается в глаза их нерациональность. Экономическая деятельность практически на всех уровнях предстает как цепь неэффективных решений: навязываются заранее несбалансированные планы и подавляются проблески живой инициативы работников, растрачиваются дорогие, чрезвычайно дефицитные ресурсы и возводятся гигантские, никому не нужные объекты, ведется всеобщая битва за урожай, после которой готовому продукту позволяют преспокойно догнивать на складах» [29].

Сейчас, сравнивая советское хозяйство с той экономикой, что экономисты-реформаторы сконструировали «выше него на лестнице общественного процесса», эти тирады выглядят как наглая ложь или несусветная глупость. Как будто история издевается над этими интеллектуалами.

Скажем прямо, вся эта рать ставших вдруг антисоветскими экономистов и социологов выполняла позорную роль дымовой завесы реальных сил, которых нисколько не интересовали теории и всякие капитализмы-социализмы с этакратизмами. Их конкретная и ограниченная цель заключалась в захвате огромных богатств, созданных за 70 лет советским народом. Но здесь мы останавливаемся именно на дымовой завесе, поскольку «сознание определяет бытие». Надо туман хоть немного развеять, а то разденут до нитки.

Реальные силы (альянс коррумпированной части номенклатуры и преступного мира с «иностранными военными советни-

ками») начали процесс дискредитации советского хозяйства уже в 1986–1987 гг., просто орудуя цензурой[30].

Началась большая кампания по мифотворчеству относительно частной собственности. Представление о ней было поднято на небывалую в мире, религиозную высоту. Академик-экономист (!) А.Н. Яковлев писал в 1996 г.: «Нужно было бы давно узаконить неприкосновенность и священность частной собственности».

Известно, что частная собственность — это не зубная щетка, не дача и не «мерседес». Это — *средства производства*. Единственный смысл частной собственности — извлечение дохода из людей («Из людей добывают деньги, как из скота сало», — гласит американская пословица, приведенная М. Вебером). Где же и когда средство извлечения дохода приобретало статус святыни? Этот вопрос поднимался во всех мировых религиях, и все они, включая иудаизм, наложили запрет на поклонение этому идолу (золотому тельцу). В период возникновения рыночной экономики лишь среди кальвинистов были радикальные секты, которые ставили вопрос о том, что частная собственность священна. Но их преследовали даже в Англии. Когда же этот вопрос снова встал в США, то даже отцы-основатели США, многие сами из квакеров, не пошли на создание идола, а утвердили: частная собственность — *предмет общественного договора*. Она не священна, а *рациональна*. О ней надо договариваться и ограничивать человеческим законом.

Между тем философы стали доказывать, что лишь частная собственность является *правовым* феноменом. Надо, мол, коллективную, общенародную и государственную собственность немедленно как-то раздать, чтобы смыть с себя клеймо разбойника.

Выступая в 1992 г. в Германии, М.С. Горбачев так оправдывает свою деятельность по ликвидации советского строя: «Отличи-

---

[30] Заместитель главного редактора журнала «Социологические исследования» Г.С. Батыгин писал позже: «В 1987 г. Главлит потребовал снять из статьи, предназначенной для опубликования в журнале “Социологические исследования”, тезис о неэффективности свободного рынка в высокоорганизованной экономике. Это означало, что идея централизованного социалистического планирования уже не соответствовала цензурным требованиям» [3, с. 89].

тельной особенностью советской тоталитарной системы было то, что в СССР фактически была полностью ликвидирована частная собственность. Тем самым человек был поставлен в полную материальную зависимость от государства, которое превратилось в монопольного экономического монстра» [90, с. 187–188].

Откуда вытащил эту мысль функционер КПСС, всю жизнь после МГУ карабкавшийся по номенклатурной лестнице? Из советского обществоведения для элиты без опоры на К. Маркса его проклятья «советской тоталитарной системе» были бы просто ругательствами, не имеющими смысла. Надо сделать это неприятное отступление.

Ясно, что при создании в СССР общества, основанного на началах социальной справедливости и обобществленного хозяйства, представления К. Маркса о таком строительстве имели принципиальное значение. А как видел Маркс преодоление капиталистического способа производства? На этот вопрос он отвечает в «Капитале» таким образом:

«Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют.

Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а *индивидуальную собственность* на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства. … Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов» [87] (выделено мною. — *С. К.-М.*).

Итак, не национализация и не восстановление общины, а *индивидуальная собственность* — что-то вроде «ваучерной приватизации» по Чубайсу. Затем эти индивидуальные собственники вступают в отношения кооперации с образованием *ассоциаций свободных производителей*.

Во время дискуссии о политэкономии социализма это положение «Капитала» вызвало недоумение. Почему надо восстанавливать «индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры»? Почему не строить сразу общенародную собственность на основе общинной культуры и достижений некапиталистической индустриализации? Разве это значит «повернуть назад колесо истории»?

В СССР Э.В. Ильенков так интерпретировал это положение К. Маркса, отталкиваясь от реальной практики русской революции и национализации промышленности: «Дело, на мой взгляд, заключается в том, что после осуществления коммунистическим движением первой своей акции — революционного превращения "частной собственности" в собственность *всего общества*, т. е. в общегосударственную и общенародную собственность, перед этим обществом как раз и встает вторая половина задачи. А именно — задача превращения уже учрежденной общественной собственности в действительную собственность "человека", т. е., выражаясь языком уже не "раннего", а "зрелого" Маркса, в личную собственность *каждого индивида*.

Ибо лишь этим путем *формальное* превращение частной собственности в общественную (общенародную) собственность может и должно перерасти в реальную, в действительную собственность "всего общества", т. е. *каждого из индивидов*, составляющих данное общество» [88].

Но это — вольная трактовка умозрительных идей К. Маркса. У него действительно не предусмотрено, что «экспроприация экспроприаторов» приводит к переходному состоянию государственной и общенародной собственности, которую лишь впоследствии надо делить, превращая «в личную собственность *каждого индивида*». Да и никак это не вяжется с реальным ходом событий в СССР. Практически все национальное богатство в СССР было создано уже в рамках общественной собственности, и «экспроприация экспроприаторов» осталась в истории, основные фонды советского хозяйства 1991 г. никакой генетической связи с ней не имели. В СССР во времена Горбачева готовилась именно *приватизация плодов общего труда*.

Эта идея К. Маркса, которая была припрятана в советском обществоведении, все время «работала» в сознании гуманитар-

ной элиты. Эта мина, заложенная под СССР, и была взорвана в конце перестройки.

Эксплуатируя миф о собственности, философы доходили до абсурда. Видный философ-правовед В.С. Нерсесянц писал: «Создаваться и утверждаться социалистическая собственность может лишь внеэкономическими и внеправовыми средствами — экспроприацией, национализацией, конфискацией, общеобязательным планом, принудительным режимом труда и т. д.» [89].

Вдумаемся в это тоталитарное утверждение: философ отрицает всякую возможность создать социалистическую собственность экономическими и правовыми способами. В.С. Нерсесянц, видимо, имеет в виду национализацию 1918–1920 гг., но почему же национализация — неправовой акт? А приватизация — правовой? Какие можно придумать правовые основания, чтобы отдать комсомольскому работнику Кахе Бендукидзе машиностроительный суперкомбинат «Уралмаш» за смехотворную цену — одну тысячную не стоимости завода, а стоимости его годовой продукции?

И теперь говорят, что все это строительство, восстановление, модернизация противоречат праву! Какая дикость! На каком основании считает философ внеправовыми и внеэкономическими явлениями, например, строительство «Уралмаша», ВАЗа или московского метрополитена? Самые благожелательные попытки додумать разумные аргументы за В.С. Нерсесянца к успеху не приводят. А ведь он как юрист оправдывал *грабительскую* приватизацию советской промышленности.

Многие под идеологическим давлением перестройки и реформы как будто забыли колоссальный факт: то, что сохранилось после 7 лет войны 1914–1921 гг. и было национализировано, составляло около трети промышленного потенциала 1913 г. В 1913 г. промышленность Российской империи (без Польши и Финляндии) произвела 0,5% от объема производства промышленности СССР 1990 г. Таким образом, после 1991 г. была приватизирована промышленность, *полностью (на 99,85%) созданная советским народом* — в основном, поколениями, родившимися после 1920 г.[31] Приватизация промышленности была наглой

[31] Большого числа отраслей, приватизированных в 1990-е годы, вообще не существовало в 1913 г.

и жестокой акцией по присвоению этой собственности горсткой хищников. Присвоив ее, они вовсе не отнеслись к этой собственности с «чувством хозяина» — они ее разграбили, надолго парализовав производительные силы страны. Те, кто теоретизировал, чтобы оправдать эту приватизацию, своего не добились: она не получила легитимности у подавляющего большинства граждан, но обрела эпитет *грабительской*.

Какие только метафоры не придумывали, чтобы подавить в людях сомнения и вопросы. Вот сентенция доктора наук, зав. сектором ИМЭМО РАН В.А. Красильщикова: «Перед Россией стоит историческая задача: сточить грани своего квадратного колеса и перейти к органичному развитию… В процессе модернизаций ряду стран второго эшелона капитализма удалось стесать грани своих квадратных колес… Сегодня, пожалуй, единственной страной из числа тех, которые принадлежали ко второму эшелону развития капитализма, и где колесо по-прежнему является квадратным, осталась Россия, точнее территория бывшей Российской империи (Советского Союза)». И эта претенциозная муть в элитарном журнале Академии наук «Вопросы философии» [91].

Доктрина реформ противоречила знанию, накопленному даже в рамках *либерализма*! В 1991 г. к М.С. Горбачеву обратилась с «Открытым письмом» группа из 30 американских экономистов (включая трех лауреатов Нобелевской премии по экономике: Ф. Модильяни, Дж. Тобина и Р. Солоу; еще один, У. Викри, стал нобелевским лауреатом в 1995 г.). Они предупреждали, что для успеха реформ надо сохранить землю и другие природные ресурсы в общественной собственности. Виднейшие западные экономисты видели разрушительный характер доктрины российских реформ и пытались предотвратить тяжелые последствия. Однако на их письмо просто не обратили внимания.

Власти России из политических соображений приняли программу МВФ. Приглашенный правительством России как советник известный американский экономист Мануэль Кастельс писал: «К тяжелым последствиям привел тот факт, что в России МВФ применил свою старую тактику, хорошо известную в третьем мире: “оздоровить” экономику и подготовить ее

для иностранных капиталовложений даже ценой разрушения общества».

Профессора и академики из экономистов утверждали, что после приватизации в России возникнет экономика западного типа. Но на Западе нет того, что устроили в России наши реформаторы. Дж. Гэлбрейт побывал в Москве и беседовал с этими экономистами, а затем сказал об их планах: «Говорящие — а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь — о возвращении к свободному рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить» [92].

Психическое отклонение клинического характера — вот как воспринимался замысел реформы в России видными западными специалистами, не имеющими причин молчать! Разве может ученый игнорировать такие предупреждения и никак не ответить иностранным коллегам такого ранга! И может ли он не сообщить об этих сомнениях обществу — ведь открытость знания есть фундаментальная норма научности, никакого военного секрета в словах всех этих иностранных ученых не было.

Реально приватизация 1990-х годов сопровождалась *замалчиванием* важного знания об этом процессе, включая знание о свежем опыте приватизации в Польше и Венгрии. Более того, имела место и *дезинформация* о важных сторонах проблемы. В 1992 г. группа ведущих иностранных экспертов (социологов и экономистов) под руководством М. Кастельса посетила Москву. Они провели интенсивные дискуссии с членами Правительства Российской Федерации, в качестве экспертов с российской стороны выступали профессора Ю.А. Левада, Л.Ф. Шевцова, О.И. Шкаратан и В.А. Ядов. После отъезда группа составила доклад Правительству России, который недавно был опубликован [93].

В докладе эти эксперты критикуют доктрину приватизации и, изложив свои аргументы, напоминают хорошо известные вещи: «Рыночная экономика не существует вне институционального контекста. Основной задачей реформаторского движения в России сегодня является в первую очередь создание институциональной среды, т. е. необходимых условий, при которых ры-

ночная экономика сможет функционировать. Без подобных преобразований рыночная экономика не сможет развиваться, не создавая при этом почвы для спекуляций и воровства. То есть создание эффективной рыночной экономики принципиально отличается от простой задачи передачи прав собственности от государства и старой номенклатуры к успешным частным управляющим… Культура куда важнее масштабов приватизации».

Они так характеризуют общности, которым в ходе приватизации предполагалось передать основную массу промышленной собственности: «В настоящий момент все они так или иначе демонстрируют паразитическое поведение, их действия носят не инвестиционный, а спекулятивный характер, свойственный в большей мере странам “третьего мира”… Такая ситуация характерна скорее не для зарождающегося, а для вырождающегося капитализма. Фактически идет процесс передела накопленной собственности, а не создание нового богатства. В этих условиях исключительно либеральная экономическая политика, основанная на непродуманной и неконтролируемой распродаже государственной собственности, обречена на провал, что приведет лишь к усилению власти спекулятивных групп в российской экономике».

И вот общий вывод: «Резюмируя все сказанное, мы утверждаем, что существующая концепция массовой приватизации является главной ошибкой, которую Россия может совершить в ближайший год реформ» [93].

Несомненно, М. Кастельс, А. Турен и их коллеги-эксперты высказали принципиальные, очень важные суждения о начавшейся в России приватизации, которые быстро получили эмпирические подтверждения. Ведущие российские социологи были ознакомлены с этими суждениями в ходе прямой дискуссии. Политическое руководство и его советники-экономисты также знали и выводы, и аргументы комиссии экспертов, а от общества это знание было скрыто. Ведущие российские обществоведы проигнорировали выводы самых квалифицированных мировых ученых, погрузили страну в кризис и даже сегодня не сказали ни слова о причинах своего поведения и своих огромных ошибок. Какие же это ученые!

Параллельно с планами приватизации велась странная пропаганда распродажи национального достояния иностранным покупателям, возможно, для отвлечения внимания. Идею «распродать государство» пропагандировали популярные партийные интеллектуалы, которых с энтузиазмом встречали на многочисленных собраниях интеллигенции. Например, Н.П. Шмелев сказал в беседе с корреспондентом «Известий» (30.10.1989): «Страна в тяжелейшем положении, и сегодня, пожалуй, не время обсуждать, почему мы в нем оказались… Продаваться должно все, что покупается. Не только потребительские изделия и строительные материалы, но и металл, грузовики, жилье, постройки и фермы — на селе, земля — в городе, в том числе иностранцам… Пора дать возможность купить клочок земли в городе каждому желающему»[32].

Действовала и тяжелая артиллерия: А.Н. Яковлев сразу поддержал идею, что хозяйство надо отдать в управление иностранному капиталу: «Без того, чтобы иностранному капиталу дать гарантии свободных действий, ничего не получится. И надо, чтобы на рынок были немедленно брошены капиталы, земля, средства производства, жилье» [94].

Экономисты настойчиво советовали совершить поворот СССР и России к «жизни в долг». Н.П. Шмелев, тогда депутат и советник ЦК КПСС, предлагал сделать большие внешние заимствования, а отдавать долги государственной собственностью. Он писал в 1988 г.: «По-видимому, мы могли бы занять на мировых кредитных рынках в ближайшие годы несколько десятков миллиардов долларов… Эти долгосрочные кредиты могли бы быть (при должных усилиях с нашей стороны) в будущем превращены в акции и облигации совместных предприятий» [95].

Через год, когда страна уже втягивалась в кризис, он говорит в интервью: «Не исключено, что частный банковский мир переведет нас в категорию политически ненадежных заемщиков, так что на солидные займы рассчитывать нам не придется… [Можно взять] под залог нашего золотого запаса… Зачем мы его храним?

---

[32] Поразительно то, что ученый-экономист, обращаясь прежде к интеллигенции, предлагает отказаться от едва ли не главного инструмента рационального мышления — рефлексии и выявления причинно-следственных связей. Не надо обсуждать, почему мы оказались в тяжелом положении!

На случай войны? Но если разразится ядерная война, нам уже ничего не нужно будет».

Вот мудрость номенклатурного интеллектуала. Зачем мы, в натуре, что-то храним? А если война? Нам уже ничего не нужно будет!

В 1987 г. еще в туманных выражениях был дан сигнал о свертывании плановой системы. Г.Х. Попов писал в 1989 г.: «В документах июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС “Основные положения коренной перестройки управления экономикой” и принятом седьмой сессией Верховного Совета СССР Законе СССР «О государственном предприятии (объединении)» есть слова, которые можно без преувеличения назвать историческими: “Контрольные цифры… не носят директивного характера”. В этом положении — один из важнейших узлов перестройки».

В законе есть *исторические слова*! Значит, речь идет о чем-то самом важном. Так растолкуйте это людям, декан советских экономистов! Как это скажется на нашей жизни? Нет, только пропаганда.

К нашему несчастью, советская идеология и образование не объяснили внятно, чем советское хозяйство отличалось от капитализма (рыночной экономики). Определение этим двум принципиально разным типам народного хозяйства дал еще Аристотель: он разделял хозяйство для *обеспечения жизни* (дома, города, страны) и хозяйство *ради прибыли*, накопления богатства. В XX в. эту тему развил М. Вебер в книге «Протестантская этика и дух капитализма» (он писал ее, специально изучив русский язык и следя за ходом революции). Исторически в России господствовал уклад хозяйства *ради обеспечения жизни* (по образу *семьи*), поэтому вторжение западного капитализма и привело к советской революции. В СССР основания «хозяйства ради жизни» укрепились, но в послевоенный период, в ходе культурного кризиса, вызванного быстрой урбанизацией и сменой образа жизни, победили силы, поставившие целью переделать советское хозяйство в рыночную экономику. Скорее всего, это было средством решить геополитическую сверхзадачу — разрушить советское хозяйство и СССР, превратить Россию в слаборазвитую зависимую страну.

Наши ведущие экономисты и социологи, изучавшие и Аристотеля, и Вебера, понимали смысл этой реформы и скрыли его

от общества, став идеологами разрушительной операции. И до сих пор ими остаются. Большинство населения не поддалось их пропаганде и следовало сочетанию ценностей предпринимательства (неважно, частного или государственного) и социальной справедливости с солидарностью. Все 20 лет реформы регулярно проводились социологические замеры, которые подтверждали устойчивость этих интуитивных установок. Важные выводы были приведены в докладе, сделанном в ГУ Высшей школы экономики 6 апреля 2011 г. зав. кафедрой социально-экономических исследований Н.Н. Тихоновой. Она сказала:

«Данные исследований позволяют говорить об устойчивом тяготении граждан России к смешанной экономике с доминирующей ролью государства и государственной собственности. По их мнению, все стратегические отрасли экономики и отрасли социальной сферы, гарантирующие здоровье и благополучие нации, должны находиться под безусловным контролем государства…

В то же время … число сторонников более современной организации экономики России постепенно растет (рис. 1).

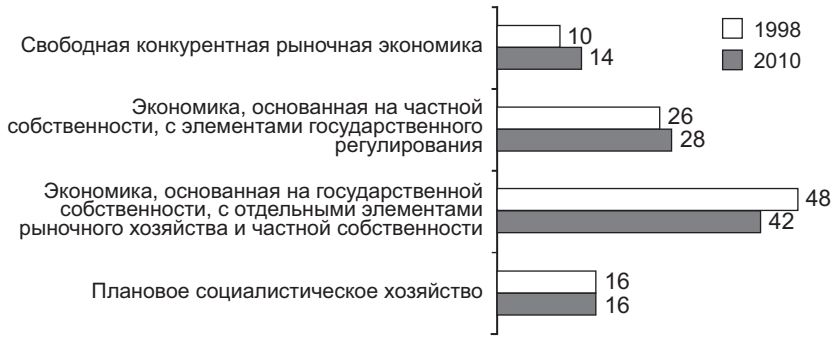

Рис. 1. Каким должен быть, по мнению населения, экономический строй в России (1998/2010 гг.,% от численности россиян до 65 лет)

Тем не менее восприятие государства как ключевого экономического агента с вытекающим отсюда запросом на усиление его роли в экономике и расширение сферы государственной собственности остается ключевым отличием россиян от населения стран западной культуры (рис. 2).

Рис. 2. Отношение к целесообразности расширения государственного и частного секторов у граждан разных стран мира (% от ответивших)

Совсем иной, чем для представителей западной культуры, смысл имеет для россиян и институт частного предпринимательства. Предпринимателей они воспринимают весьма толерантно, и в глазах большинства из них частный бизнес имеет право не только на существование, но и на защиту со стороны государства в условиях России. Однако такое восприятие распространяется лишь на законопослушный и экономически эффективный малый и средний бизнес. Что же касается бизнеса крупного, то ему места в нормативной модели наших сограждан практически нет. Кроме того, в системе смыслов российской культуры именно государство является реальным (а желательно, и рачительным) “хозяином” всего национального богатства, частью которого оно временно дает “попользоваться” при определенных условиях их формальным собственникам. … В данном

контексте понятно, почему, несмотря на рост толерантности к частному бизнесу, основная масса россиян убеждена, что предприятия, которые наносят ущерб интересам государства, следует без всякой компенсации национализировать…

Существенно при этом, что россияне выступают сторонниками абсолютной легитимности только такой собственности, в основе которой изначально лежит труд самого собственника или тех, от кого он получил ее по наследству. В тех же случаях, когда связь собственности и лежащего в ее основе труда размыта и ускользает от непосредственного восприятия, россияне не склонны уважать ее формально-правовой статус» [103].

Е.Г. Ясин на это сделал такую реплику: «Я исхожу из того, что тип культуры нам придется менять. При той архаичной системе ценностей, которая в России остается доминирующей, нам в XXI в. делать нечего. Если, как я читаю в докладе, только 14% россиян выступают за утверждение в стране свободной конкурентной рыночной экономики, а 76% — за расширение доли государства в бизнесе и промышленности (при 14% в США и 35% в Германии), то это значит, что ценности и установки подавляющего большинства наших сограждан к модернизации не приспособлены и сами нуждаются в модернизации» [103].

Но, видимо, за время, отпущенное историей Е.Г. Ясину и его соратникам, изменить мировоззрение большого народа они не успеют. Поэтому и надо менять «общественный договор» относительно народного хозяйства России. Блицкриг не удался. Но как наши элитарные экономисты объясняют происходящее, не обращая внимание на мировоззрение населения?

Вот что сказал академик А.Г. Аганбегян, выступая в Новосибирском государственном университете 1 декабря 2003 г.: «Рынок — это система, где производится то, что может быть оплачено со стороны потребителей. В плановом хозяйстве производилось много продукции, которая не была востребована. Например, мы производили в 7 раз больше тракторов, чем США… Когда перешли к рынку, цена на тракторы резко выросла,.. в результате производство тракторов сократилось примерно в 20 раз. Такие примеры можно привести и по грузовикам, и по бульдозерам, и по железнодорожным вагонам, и по станкам, и по многому другому. Если столько продукции не нужно, то и выплавлять

146 млн т стали бессмысленно — с падением платежеспособного спроса производство стали сократилось в 3 раза.

Сказанное относится и к зерну. Наша страна производила 120 млн т зерна и еще докупала. Этого не хватало, считалось, что для скота надо больше кормов… С переходом к рынку, когда за зерно стали спрашивать реальные деньги, выяснилось, что его столько не нужно. В прошлом году урожай был 84,5 млн т зерна. Это бедствие — на него резко упала цена, вывезено на экспорт 17 млн т и еще 10 млн т остались невостребованными.

Поэтому переход к рынку — крайне болезненная вещь, связанная с огромным сокращением производства».

Здесь разумные привычные понятия вывернуты наизнанку, так что все рассуждение перемещается в какое-то зазеркалье. Почему же тракторы, вагоны, грузовики и зерно были в СССР «не востребованы»? Ведь ими пользовались, их не хватало, экономику требовали перестроить именно для того, чтобы всех этих вещей производить больше: вспомните хотя бы вопли о зерне. Что значит «считалось, что для скота надо больше кормов»? Не надо кормить скот? А потом перестали кормить и детей. Не сказал академик, что в той «экономике ради прибыли», за которую он ратует, «отмечается **вынужденная ломка сложившегося в прежние годы рациона питания**, уменьшается потребление белковых продуктов и ценных углеводов, что неизбежно сказывается на здоровье населения России и в первую очередь беременных, кормящих матерей и детей. В 1992 г. более половины обследованных женщин потребляли белка менее 0,75 г на кг массы тела — ниже безопасного уровня потребления для взрослого населения, принятого ВОЗ», — это сказано в «Государственном докладе о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1992 г.».

Как понимать академика? Так, что понятие *потребность* у него означает *платежеспособный спрос*. А если на производство зерна дается дотация, значит, это зерно не нужно. Посудите сами, можно такое сказать в здравом уме? Вот, значит, к чему стремились наши просвещенные экономисты — организовать в стране «огромное сокращение производства»! А значит, и потребления для большинства населения: и пищи, и культуры, и образования. Хороший урожай у этих экономистов — бедствие!

О людях, которые в ходе реформы стали неплатежеспособными (а значит, «не имеют потребностей»), стараются вообще не упоминать. Академик Т.И. Заславская делает важный доклад (1995 г.): «Что касается экономических интересов и поведения массовых социальных групп, то проведенная приватизация пока не оказала на них существенного влияния… Прямую зависимость заработка от личных усилий видят лишь 7% работников, остальные считают главными путями к успеху использование родственных и социальных связей, спекуляцию, мошенничество и т. д.» [26].

Подумайте, 93% работников не могут жить так, как жили до приватизации, — за счет честного труда. Они теперь вынуждены искать сомнительные, часто преступные источники дохода («спекуляцию, мошенничество и т. д.»), а главный социолог считает, что *приватизация не повлияла на экономическое поведение*.

Исключительно важной в дискурсе экономистов-реформаторов была концепция *деиндустриализации* России. А.Н. Яковлев предложил нашим реформаторам весьма занудливую доктрину — *Семь «Д»*. Это те семь магических действий, которые надо совершить, чтобы в РФ возникло благолепие на базе частной собственности. Четвертым «Д» у него стоит *деиндустриализация*. Он прибавил к обозначению этой цели бессмысленную оговорку — «экологическая». Мол, ликвидировать промышленность РФ надо из любви к природе.

Этот раздел заполнен бессвязными и не имеющими отношения к теме банальностями вроде такой: «Сегодня более чем очевидно, что материальный и духовный мир едины». Что это такое, при чем здесь это? Как из этой чепухи вытекает, что в РФ надо проводить деиндустриализацию? А главный вывод апокалиптичен и столь же нелеп. Если, мол, наши заводы будут продолжать шуметь и дымить, то: «Сначала “положим зубы на полку” из-за почвенного Чернобыля, начнем угасать от химических продуктов и других индустриальных отрав, в смоговых нечистотах. А потом что? Потом экологическая смерть». И подобное словоблудие привлекало нашу интеллигенцию!

Никакого экономического смысла в уничтожении отечественных промышленных предприятий быть не может — даже если они в данный момент неконкурентоспособны. Это операция

войны. Создать эти предприятия стоило стране огромных усилий, и решение в момент кризиса раскрыть страну для убийства ее промышленности иностранными конкурентами следует считать разновидностью государственной измены. Д.И. Менделеев ввиду подобной угрозы в конце XIX в. предупреждал о необходимости защитить промышленное развитие народов России «против экономического порабощения их теми, которые уже успели развиться в промышленном отношении». Почему же в конце XX в. верх взяли не мысли Менделеева, а Яковлева и Шмелева? Надо же отдать себе в этом отчет[33].

Хотя бы сегодня мы обязаны разобраться в этом моменте, ведь речь идет о глубоком болезненном срыве в мышлении значительной части высокообразованных людей. Заданная при этом срыве антирациональная структура мышления сохранилась, она воспроизводится как тяжелая болезнь. Ее надо изучать и лечить. Такое отношение к отечественной промышленности, к нашему национальному достоянию, поразило специалистов во всем мире. В докладе американских экспертов из группы Гэлбрейта, работавших в РФ в 1990-е годы, говорится: «Ни одна из революций не может похвастаться бережным и уважительным отношением к собственному прошлому, но самоотрицание, господствующее сейчас в России, не имеет исторических прецедентов. Равнодушно взирать на банкротство первоклассных предприятий и на упадок всемирно-известных лабораторий — значит, смириться с ужасным несчастьем» [98].

Возьмем простой показатель и увидим, какой тип экономики организовали за 20 лет реформаторы и называют его сегодня «правильным» и «эффективным».

В 1986 г. продукция промышленности в СССР составила 836 млрд руб., а экспорт 68,3 млрд руб., в том числе в капиталистические страны 13,1 млрд руб, т. е. экспорт на мировой рынок был равен в стоимостном выражении 1,6% от продукта промыш-

---

[33] Как раз когда в Москве в 1991 г. обсуждался закон о приватизации, в журнале «Форчун» был опубликован большой обзор о японской промышленной политике. Там сказано: «Японцы никогда не бросили бы нечто столь драгоценное, как их промышленная база, на произвол грубых рыночных сил. Чиновники и законодатели защищают промышленность, как наседка цыплят». Почувствуйте разницу.

ленности. Экономика СЭВ была кооперирована с СССР, и экспорт в его страны — другое дело. Но даже если суммировать, то весь экспорт составил 8,2% продукта промышленности.

В 2008 г. продукция промышленности РФ составила 24,8 трлн руб., а экспорт — 472 млрд долларов или примерно 14 трлн руб. Это 50% от продукции промышленности. При этом 70% экспорта — сырье. Это значит, что деиндустриализация реально произошла и страна живет, распродавая невозобновляемые ресурсы, добываемые на месторождениях, разведанных и обустроенных в СССР. Надолго ли еще хватит добычи?[34] Ясно, насколько теперь зависит России от внешнего рынка.

В этом плане Н.П. Шмелев в важной статье трактует экономические перспективы России так: «Наиболее важная экономическая проблема России — необходимость избавления от значительной части промышленного потенциала, которая, как оказалось, либо вообще не нужна стране, либо нежизнеспособна в нормальных, т. е. конкурентных, условиях. Большинство экспертов сходятся во мнении, что речь идет о необходимости закрытия или радикальной модернизации от 1/3 до 2/3 промышленных мощностей…

Если, по существующим оценкам, через 20 лет в наиболее развитой части мира в чисто материальном производстве будет занято не более 5% трудоспособного населения (2–3% в традиционной промышленности и 1–1,5% в сельском хозяйстве) — значит, это и наша перспектива» [79].

Давайте внимательно вчитаемся в каждое из этих утверждений. Во-первых, критерием «нормальности» экономики академик считает не степень удовлетворения жизненных потребностей населения и страны в целом, а наличие *конкуренции*. Это поразительная вещь, ибо даже один из основателей концепции гражданского общества Т. Гоббс признавал, что существуют два примерно равноценных принципа устройства хозяйства: на основе *конкуренции* и на основе *кооперации*, сотрудничества. Он пишет: «Хотя блага этой жизни могут быть увеличены благодаря

[34] Кстати, авторы доктрины этой реформы взяли на вооружение порочный метод объяснять провалы и неудачи реформы в России наследием советского прошлого, следствием инерции тех систем, которые были созданы при советском строе. Перенимая этот прием, власть делает важную ошибку.

взаимной помощи, они достигаются гораздо успешнее, подавляя других, чем объединяясь с ними». Т. Гоббс отдавал предпочтение конкуренции, но вовсе не считал этот принцип очевидно более эффективным. В своем выборе он исходил, скорее, из внеэкономических критериев.

На что же готов пойти Н.П. Шмелев ради приобретения такого блага, как «конкурентность»? На ликвидацию до 2/3 всей промышленной системы страны! Ну, можно ли считать это рациональным утверждением ученого? Можно ли после этого оправдываться, как В. Черномырдин, что, мол, «хотели как лучше»? Ведь черным по белому писали реформаторы, что *деиндустриализация* — их цель, «наиболее важная экономическая проблема России»[35]. Приняла ли элита роль пропагандиста этой цели по зрелом размышлении, сознательно ли она ее поддержала или поленилась вникнуть в замыслы своих кураторов?

Неосновательный, но все-таки не безумный довод в пользу деиндустриализации и ликвидации сельскохозяйственных предприятий (колхозов и совхозов) сводился к их якобы убыточности. А.Н. Яковлев, говоря о «тотальной люмпенизации общества», которое надо «*деперазитировать*», приводил такой довод: «Тьма убыточных предприятий, колхозов и совхозов, работники которых сами себя не кормят, следовательно, паразитируют на других»[36].

Вот мера академика-экономиста: убыточных предприятий, колхозов и совхозов в СССР — *тьма*. Притом, что было прекрасно известно и общее число предприятий и колхозов, и число убыточных, так что можно дать вполне определенное и абсолютное, и относительное число убыточных, а не прибегать к метафоре «тьма». Реальные величины таковы. В 1989 г. в СССР было 24 720 колхозов. Они дали 21 млрд руб. ***прибыли***. Убыточных колхозов было на всю страну 275 (1% от общего числа), и все их ***убытки*** в сумме составили 49 млн руб. — 0,2% от прибыли кол-

[35] Замечу, что к 1995 г. стало очевидно уже и из практического опыта, что ни о какой «радикальной модернизации» промышленности в реформе по программе МВФ и речи не идет — происходит именно ликвидация «от 1/3 до 2/3 промышленных мощностей». Напротив, в первую очередь ликвидируются самые современные производства.

[36] Отметим и здесь сбой логики: нелепо утверждать, что работники колхозов и совхозов — паразиты и «сами себя не кормят».

хозной системы. Величина убытков несоизмерима с размерами прибыли. Колхозы и совхозы вовсе не «висели камнем на шее государства» — напротив, в отличие от Запада наше село всегда субсидировало город.

Так же обстояло дело и с промышленными предприятиями. Когда в 1991 г. начали внушать мысль о благодатном смысле приватизации, говорилось: «Необходимо приватизировать промышленность, ибо государство не может содержать убыточные предприятия, из-за которых у нас огромный дефицит бюджета».

Реальность же такова: за весь 1990 г. убытки нерентабельных промышленных предприятий СССР составили в сумме 2,5 млрд руб., а валовой национальный продукт, произведенный всей совокупностью промышленных предприятий, — 320 млрд руб.! Убытки части системы составляют менее 1% произведенной ею добавленной стоимости — и такую систему предлагают приватизировать, аргументируя ее «нерентабельностью». Кстати, в 1991 г., когда был принят закон о приватизации, убыток от всех нерентабельных промышленных предприятий составил менее 1% от дефицита госбюджета, который взметнулся до 1000 млрд руб.

Надо также вспомнить миф, который раскручивали академики-экономисты о том, что советское хозяйство было истощено гонкой вооружений и по этой причине надо было разоружаться и идти с повинной головой к США — они нас простят и пригреют. Это — еще пункт в их черный послужной список.

Начиная с 1950 г. ЦРУ проделало огромную работу по определению реальной величины советских военных расходов. Согласно полученным таким образом оценкам, ЦРУ считало, что военные расходы СССР составляли 6–7% от ВНП. При этом доля военных расходов в ВНП СССР постоянно снижалась. Так, если в начале 1950-х годов СССР тратил на военные цели 15% ВНП, в 1960 г. — 10%, то в 1975 г. — всего 6%.

В 1976 г. военно-промышленное лобби США добилось пересмотра этих оценок в сторону увеличения. Была создана группа из 5 экспертов («Команда Б») под руководством Ричарда Пайпса. Она признала оценки ЦРУ заниженными минимум вдвое. Как пишет В.В. Шлыков, «“Команда Б” после трехмесячной работы представила в декабре 1976 г. свой доклад, положивший начало радикальному пересмотру американским руководством степени

советской военной угрозы. Результатом такого пересмотра стал новый, несравненно более крутой виток в гонке вооружений между Востоком и Западом».

Как же оценивает уже после краха СССР руководство американской разведки новые величины военных расходов СССР (12–13% ВНП), которые легли в основу политики США? Видный российский эксперт по проблеме военных расходов В.В. Шлыков пишет: «Выводы “Команды Б” об огромных масштабах и агрессивном характере советских военных приготовлений выглядят абсурдно преувеличенными. Не удивительно, что ЦРУ всячески стремится теперь откреститься от этих выводов, на основе которых строилась в основном вся военная политика США с середины 1970-х годов. В своем докладе на Принстонской конференции директор ЦРУ Дж. Тенет признает, в частности, что “все до одной Национальные разведывательные оценки (НРО), подготовленные с 1974 по 1986 гг., давали завышенные прогнозы темпов и масштабов модернизации Москвой своих стратегических сил”. Ричард Перл, бывший замминистра обороны США по международной безопасности, писал: “Остается загадкой, почему была допущена столь огромная ошибка, и почему она приобрела хронический характер. Возможно, мы так и не узнаем истину”» [99][37].

Здесь давайте зафиксируем факт: величина военных расходов СССР в размере 12–13% ВНП признана в США *абсурдно завышенной*. Можем считать ее за верхний предел той величины, точно установить которую мы не можем. Из структуры расходов на оборону следует, что собственно на закупки вооружений до перестройки расходовалось в пределах 5–10% от уровня конечного потребления населения СССР. Таким образом, утверждение, будто «*мы жили плохо из-за непосильной гонки вооружений*» является ложным.

В.В. Шлыков пишет об этом в 2001 г.: «Сейчас уже трудно поверить, что немногим более десяти лет назад и политики, и экономисты, и средства массовой информации СССР объясняли все беды нашего хозяйствования непомерным бременем милитаризации советской экономики. 1989–1991 гг. были периодом

[37] Сенатор Д. Мойнихен даже требовал роспуска ЦРУ за завышение советских военных расходов, в результате чего США выбросили на ветер через гонку вооружений триллионы долларов.

настоящего ажиотажа по поводу масштабов советских военных расходов. Печать и телевидение были переполнены высказываниями сотен экспертов, торопившихся дать свою количественную оценку реального, по их мнению, бремени советской экономики…

Министр иностранных дел Э. Шеварднадзе заявил в мае 1988 г., что военные расходы СССР составляют 19% от ВНП, в апреле 1990 г. Горбачев округлил эту цифру до 20%. В конце 1991 г. начальник Генерального штаба Лобов объявил, что военные расходы СССР составляют одну треть и даже более от ВНП (260 млрд руб. в ценах 1988 г., т. е. свыше 300 млрд долларов). Хотя ни один из авторов вышеприведенных оценок никак их не обосновывал, эти оценки охотно принимались на веру общественностью… Надо сказать, что, давая свои оценки военного бремени СССР, ни М. Горбачев, ни генерал В. Лобов, ни академики О. Богомолов и Ю. Рыжов никогда не приводили никаких доказательств и расчетов в подтверждение своих слов» [99].

Но разве кто-то пытался в это вникнуть? И разве кто-нибудь сегодня спросит с академиков О. Богомолова или Ю. Рыжова, из какого пальца они «высосали» свои данные о военных расходах СССР? А ведь стереотипное мнение, будто именно гонка вооружений разорила советскую экономику и сделала невыносимо низким уровень потребления граждан, стало в среде интеллигенции непререкаемым — и остается таким до сих пор!

В.В. Шлыков пишет, даже с некоторым удивлением: «Насколько изменилось отношение общества к проблеме военных расходов по сравнению с концом 80-х — началом 90-х годов. Если в те годы советские и российские политики и экономисты в своем стремлении показать неподъемное, по их мнению, бремя военных расходов апеллировали к мнению на сей счет прежде всего западных экспертов, то сейчас это мнение никого — ни власть, ни общество — не интересует».

Ничего тут нет удивительного: задача этой части «советских и российских политиков и экономистов» была подпилить еще одну опору государства СССР. Как только задача была решена, всякий интерес к проблеме военных расходов пропал, и деньги на эту кампанию никто не дает.

К мифу о том, что гонка вооружений оказалась непосильной ношей для советского хозяйства, примыкает более позднее и более общее утверждение, будто экономика СССР уже в начала 1980-х годов практически развалилась и находилась на пороге коллапса. А.Н. Яковлев в интервью утверждал: «Если взять статистику, какова была обстановка перед перестройкой, — мы же стояли перед катастрофой. Прежде всего экономической. Она непременно случилась бы через год-два» [100].

Но вспомним важный тезис перестройки, высказанный А.Н. Яковлевым в 1988 г.: «Нужен поистине тектонический сдвиг в сторону производства предметов потребления… Мы можем это сделать, **наша экономика, культура, образование, все общество давно уже вышли на необходимый исходный уровень**» (выделено мною. — *С. К.-М.*). Если он говорил это в тот момент, когда действительно Политбюро считало, что «мы стояли перед катастрофой. Прежде всего экономической», то он сознательный вредитель. Кризис на грани катастрофы — тяжелейшая болезнь экономики, и в этот момент устраивать в ней «тектонические сдвиги» значит сделать катастрофу неотвратимой. Это заявление, видимо, следует считать пропагандистской акцией академика от экономики.

Каждый может «взять статистику, какова была обстановка перед перестройкой». Никаких признаков экономического кризиса в статистике не обнаруживается вплоть до начала реформы, под ударами которой экономика пошатнулась в 1989 г. В 1990 г., когда был запущен миф о смертельном кризисе советской экономики, делались неоднократные попытки выяснить у экономистов в ранге от младшего научного сотрудника до академика, каковы *эмпирические индикаторы и критерии*, которые позволяют им сделать такой важный вывод. Эти вопросы задавались в профессиональной среде без всякой задней мысли. Ни разу не удалось услышать или прочитать разумный ответ на эти вопросы.

В табл. 1 показаны массивные, базовые показатели, определяющие устойчивость экономической основы страны. Никто в этих показателях не сомневался и не сомневается.

Таблица 1

Основные экономические показатели СССР за 1980–1990 гг. (данные ЦСУ СССР)

Показатель	1980 г.	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1990 г.
Валовой национальный продукт (в фактически действовавших ценах), млрд руб.	619	777	799	825	875	943
Производственные основные фонды всех отраслей народного хозяйства (в сопоставимых ценах 1973 г.), млрд руб.	1150	1569	1651	1731	1809	1902
Продукция промышленности (в сопоставимых ценах 1982 г.), млрд руб.	679	811	846	879	913	928
Продукция сельского хозяйства (в сопоставимых ценах 1983 г.), млрд руб.	188	209	220	219	222	225
Ввод в действие жилых домов, млн кв. м	105	113	120	131	132	129
Мощность электростанций, млн кВт	267	315	322	332	339	341

Но таблица дает грубую, разрозненную картину. Приведем ряд показателей в динамике: или *натуральных величин*, или *индексов* их роста и падения.

График на рис. 3 представляет динамику объема *капиталовложений* (инвестиций) в народное хозяйство СССР в сопоставимых ценах. При первых признаках кризиса форма кривой этого графика должна была бы резко измениться. Поскольку экономический эффект от инвестиций отложен на довольно длительный срок, при угрозе кризиса средства для его смягчения всегда изымаются именно из инвестиций. Они могут «потерпеть», а цепной процесс кризиса надо блокировать в ранней стадии (это наглядно продемонстрировал и кризис в РСФСР–РФ начиная с 1991 г.). Напротив, динамика инвестиций в СССР не обнаруживает никаких признаков кризиса, тем более катастрофы.

На рис. 4 показана динамика трех важных показателей с 1940 по 1990 г.: *индексов инвестиций, национального дохода и розничного товарооборота* (относительно уровня 1940 г.). Они вме-

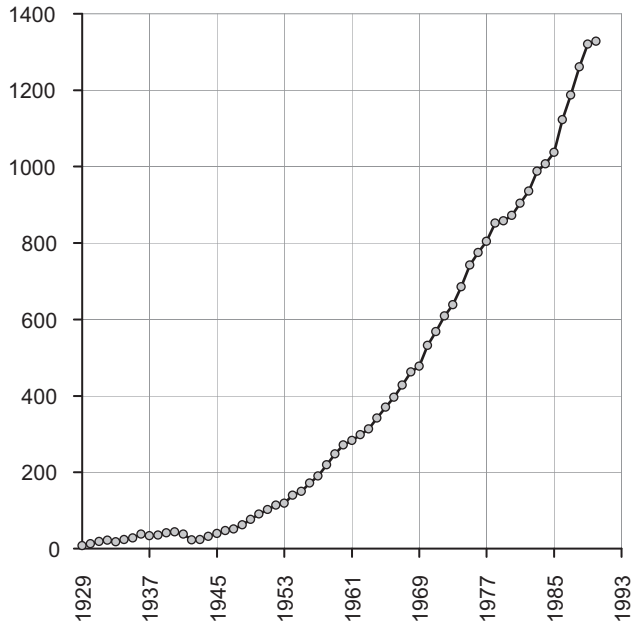

Рис. 3. Объем капитальных вложений по народному хозяйству СССР (в сопоставимых ценах на 1 июля 1955 г.)

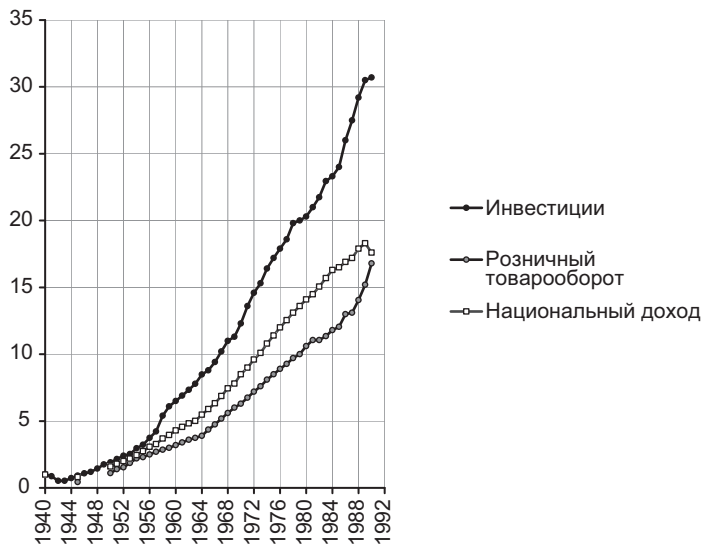

Рис. 4. Индексы инвестиций, национального дохода и розничного товарооборота в СССР (1940 = 1)

сте характеризуют процессы расширенного воспроизводства хозяйства, производства средств жизнеобеспечения и развития, а также динамику потребления домашних хозяйств (населения).

На рис. 5 показана динамика валового объема промышленного и сельскохозяйственного производства СССР начиная с 1950 г., а также произведенного национального дохода (показателя, который употреблялся в статистике СССР до 1988 г. по аналогии с ВВП). Мы видим неуклонное развитие промышленности без каких бы то ни было признаков кризиса вплоть до 1990 г.

Сельское хозяйство гораздо сложнее поддается интенсификации, но и здесь колебания показателя связаны с неустойчивостью природных условий, а не с гипотетическим кризисом — о катастрофе и речи нет. За 33 года объем сельскохозяйственного производства вырос **в три раза**. Это очень неплохо, если учесть, что только за 1990–1998 гг. объем сельскохозяйственного производства в РФ снизился **в два раза**, а за последующие 11 лет вышел только на уровень 1980 г. За двадцать лет реформ показатель упал на 25%.

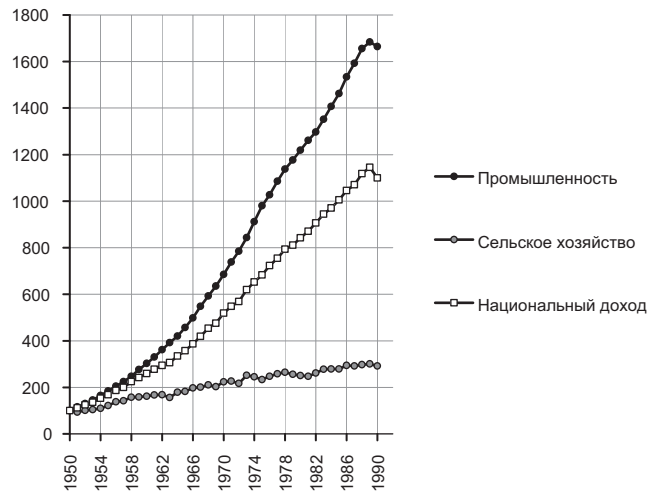

Рис. 5. Индексы производства национального дохода, валовой продукции промышленности и сельского хозяйства в СССР (1950 = 100)

Подробнее динамику примерно 300 показателей народного хозяйства и социальной сферы СССР можно посмотреть в [101].

Если академики — экономисты и социологи — обеспечивали интеллектуальную поддержку в высшем эшелоне власти и в СМИ, то обществоведы рангом ниже консультировали активистов прямо в гуще революционной деятельности. Вспомним, какой сильный удар по советской системе нанесли забастовки шахтеров 1989–1990 гг. Т. Авалиани, бывший в тот момент председателем стачкома Кузбасса, рассказывает, как экономисты из СО АН СССР срывали соглашение, достигнутое между комиссией Верховного Совета СССР и забастовщиками. Шахтеры требовали прибавки к зарплате в виде коэффициента и удовлетворялись его величиной 1,3. Это и было первым пунктом следующего соглашения о прекращении забастовки:

«1. Поясной коэффициент в связи с тяжелыми климатическими условиями, экологической обстановкой в регионе и резким увеличением поставки продуктов по договорным ценам установить временно 1,3 без ограничения и оговорок на всю заработную плату для всех трудящихся Кузбасса с 1 июля 1989 года. Постоянный коэффициент должен быть согласован сторонами на основании разработок Сибирского отделения Академии наук СССР до 1 октября 1989 года и введен Советом министров СССР с 01.01.90. Средства на увеличение поясного коэффициента выделяются централизованно правительством СССР немедленно».

Т. Авалиани пишет: «Еще днем, рассматривая пункты соглашения, мы столкнулись с тем, что во многих случаях нет расчетов, а пункты об экономической самостоятельности и региональном хозрасчете вообще носят декларативный характер. И непонятно кем они внесены, хотя настойчиво проталкиваются делегатами от города Березовский. Догадываясь, откуда дует ветер, я попросил первого секретаря обкома КПСС А.Г. Мельникова вызвать к утру д.э.н. Фридмана Юрия Абрамовича и его шефа Гранберга Александра Григорьевича — директора института экономики СО АН СССР — из Новосибирска с обоснованиями данных прожектов, по которым они выступали в областной прессе с трескучими статьями уже более года. Оба явились утром 18 июля, но на мою просьбу дать текст, что они предлагают для включения в правительственные документы, дружно ответили, что у них

ничего нет. В течение дня я видел их несколько раз в кругу членов Березовского забасткома М. Кислюка, В. Голикова и из Малиновки — А. Асланиди, которые протолкнули в конце концов два первых пункта протокола от 17–18 июля…

Вдруг появилось предложение: поясной коэффициент шахтерам поднять с 1,25 до 1,6! Все разом заговорили, а автора нет! Но коэффициент 1,6 был ранее проработан СО АН СССР и, видимо, подкинут моим товарищам А. Гранбергом. Вдруг кто-то подкинул предложение записать в протокол "предоставить экономическую свободу всем цехам и участкам заводов и шахт". И опять пошла буза» [106].

Хотелось бы узнать, на что рассчитывали экономисты Ю.А. Фридман и А.Г. Гранберг, советуя шахтерам добиться полной экономической независимости шахт от государства, притом, что все эти шахты находились на дотации и стать рентабельными в рыночной экономике долго бы не смогли.

Особая часть нашей недавней истории — дискредитация советской хозяйственной системы под *экологическими* лозунгами. Здесь активность элитарных гуманитариев достигла высшей степени накала, достойно пера Достоевского.

Говоря об экологической тематике, влиятельные гуманитарии отходили от норм рациональности дерзко и радикально. Вот, о строительстве дамбы в Ленинграде высказывается академик Д.С. Лихачев: «Для меня несомненно, что строительство дамбы было ошибкой и даже преступлением» [102].

Разве это рациональное утверждение? ***Несомненно,*** *что это* ***преступление!*** Без суда, без следствия, без специальных знаний. Вот какое противопоставление предлагает академик Д.С. Лихачев: «Нас долгие годы обманывали: дамба строится во имя Ленинграда, предохранения его от стихии, но сейчас становится все очевиднее: дамба ухудшает экологическую обстановку».

Откуда следует, что *«нас обманывали»?* Ведь чтобы как-то обосновать этот тезис, надо было бы сказать, для чего в действительности строили дамбу обманщики-инженеры. Две части утверждения находятся в разных плоскостях и не могут быть связаны понятием *обман* и частицей *но*. Логичным могло бы быть утверждение такого типа: *нам говорили, что дамбу строят как защиту от наводнений, а на самом деле целью строительства*

было ухудшение экологической обстановки. Кстати, когда строительство дамбы возобновилось (при участии международных финансовых организаций), поклонники академика Д.С. Лихачева что-то помалкивают.

Иррациональность усиливается привлечением нравственных обвинений, в принципе не поддающихся логике. Д.С. Лихачев пишет: «Рассказывают, что когда идет лед, то суда не могут войти в порт. В эти дни, по существу, закрывается “окно” в Европу. Понимаете, кроме экономического ущерба, я все больше задумываюсь над нравственным ущербом. Сейчас никто не знает, что с дамбой делать. Не знаю, право, и я. Есть предложение дамбу разобрать, но не повлечет ли это ухудшение экологической обстановки? Ведь грязь распространится по всему Финскому заливу, засорит Балтийское море» [102, с. 196–197].

Окно в Европу, нравственный ущерб… Одна тут разумная мысль — сам Д.С. Лихачев *не знает* проблемы. Разобрать дамбу? Как бы не напустить русской грязи в Балтийское море, не огорчить немцев… «я, право, не знаю». Знать не знает, но судить берется.

Как известно, после суеты с приватизацией и межклановыми конфликтами, построенную в советское время на 70% дамбу достроили и в 2011 г. сдали в эксплуатацию без особой шумихи — стыдно было за ту кампанию. В прессе было сказано: «Открытие комплекса — самого крупного гидротехнического сооружения в России — Путин назвал “историческим событием”. Он напомнил, что строительство началось в 1979 г. и велось “ни шатко, ни валко”. Построенный комплекс обезопасит Санкт-Петербург от разрушительных наводнений и, после 30 лет строительства, замкнет периметр Петербургской кольцевой автодороги… В итоге в 2011 г. вода в заливе перестала цвести, и петербуржцы предпочитают теперь купаться в морской воде, а не в бассейнах.

В проектировании и строительстве комплекса участвовали более 100 научно-исследовательских и проектных институтов, строительных и монтажных организаций, поставщиков материалов и оборудования».

Была дана и такая справка. КЗС (комплекс защитных сооружений) рассчитан на то, чтобы обеспечить защиту жителей Санкт-Петербурга, стратегических объектов и инфраструктуры

города от подъема воды до пяти метров. Подобные события в последние годы заметно участились: 25% всех невских наводнений за более чем 300-летнюю историю наблюдений пришлись на последние 15 лет. При этом многократно возросла частота зимних наводнений, крайне редких в предыдущие три века. По статистике в Санкт-Петербурге происходит, в среднем, до 100 подъемов воды в год, из них от одного до десяти — с подтоплением территорий города. По расчетам городских властей, ущерб от таких наводнений может составлять от 3 до 50 млрд руб.

Помимо своего основного предназначения — защиты города от наводнений, комплекс также замыкает периметр кольцевой автодороги, существенно улучшая транспортную обстановку в Санкт-Петербурге. Расчетная интенсивность движения автомобилей составляет до 30 тыс. единиц в сутки.

Приведем для примера небольшую, но красноречивую операцию, идеологическое обоснование было выработано группой видных обществоведов и деятелей культуры.

9. Операция «загрузка мусора». Case study: понятие «отчуждение»

Одним из следствий, а теперь и факторов углубления российского кризиса является деградация рациональной компоненты общественного сознания. Поскольку его самопроизвольного восстановления не происходит, требуется реконструкция «истории болезни». Надо обнаружить и распознать те «вирусы», которые вместе с мусором были загружены в программы рационального мышления. Большая операция была начата в конце 1980-х годов.

Непосредственной целью этой операции была дискредитация (подрыв легитимности) советского строя, но, видимо, произошла передозировка, и поражение общественного сознания приобрело характер цепного процесса. Агентом, который создавал «вирусы» и делал их инъекции в сознание «пациентов», была авторитетная часть профессионального сообщества специалистов в гуманитарных и социальных науках.

Здесь рассмотрим, в качестве учебной задачи, понятие *отчуждение*. В деформации мышления советской интеллигенции

оно сыграло очень важную роль. Один демократически настроенный гуманитарий с удивлением писал в 1992 г.: «Начиная с горбачевского призыва строить социализм “с человеческим лицом”, “отчуждение” стало входить в отечественный лексикон борьбы за лучшую советскую жизнь. Громом среди ясного неба прозвучали возгласы покончить с отчуждением, порожденным казарменным, тоталитарно-бюрократическим социализмом… Появились статьи, брошюрки, в которых с усердием, с обилием цитат разъяснялось, что бюрократия — враг народа, а разгадка ее тайны — в отчуждении власти от простых людей, от народа, что общественная собственность — ничейная, собственность без хозяина, т. е. не принадлежит народу. Были и научные дискуссии, и постоянные семинары, даже провели конкурс на лучшую работу по проблеме отчуждения, а победители получили премии. Короче, колесо попало в наезженую колею — интеллектуалы засучили рукава, философы — в первую очередь.

Оказывается, десятилетиями мы копили деформации и вот столкнулись лицом к лицу с отчуждением, когда, как оказалось, созданное усилиями поколений общественное здание вовсе не “наш” дом, а тюрьма, задавившая инициативу, творчество, семью, нацию, гражданскую жизнь, наконец, свободу человека. Обязательно нужно преодолеть отчуждение — перестроить здание, избавить его от последствий дегуманизации, деперсонализации. Многое нужно преодолеть — отчуждение людей от труда, от продукта труда, от власти, от управления, от культуры, духовности, друг от друга» [112].

Выскажу и я свои впечатления. В 1968 г. я ушел из родной лаборатории в «гуманитарную науку». Там встретил много умных образованных людей. И время от времени, но регулярно, слышал от них, что самое главное открытие К. Маркса — «отчуждение». Это говорилось без всякого повода, как какой-то опознавательный крик типа: «Слушай!». В университете мы касались этой темы, но ничего внятного преподаватели нам не сказали, туманно намекнули, что это, мол, очень сложная тема, рано вам. Мне лично это было неприятно и тревожно, наука — открытое знание, там этого совершенно не было, даже в самых малоизученных областях. Когда я пытался выяснить у моих умных и образованных коллег, в чем смысл этого открытия К. Маркса,

мне отвечали, что это очень сложная категория, плохо понятая. Становилось еще неприятнее…

Идол отчуждения не удалился и после ликвидации советского строя. Он дышит из текстов и выступлений множества обществоведов, включая «просвещенных левых». Представление отчуждения как таинственной сущности (и даже субстанции), объясняющей природу советского строя, опирается на раннего Маркса, который выводил из этой сущности свою концепцию грубого (уравнительного, «казарменного») коммунизма. Возможно также, что непосредственно идею использовать это понятие как средство подрыва легитимности СССР подал Л. Троцкий.

В статье «Троцкий» в новейшем философском словаре «Академик» сказано: «Осуществленный Т. анализ ряда существенных тенденций в эволюции советского общества… предвосхитил появление достаточно заметной обновленческой традиции в идеологии социалистического и коммунистического толка. Проблема отчуждения людей при социализме от продуктов собственного труда и от политической власти была не только легитимизирована для международной радикальной интеллигенции левой ориентации, но и приобрела статус атрибутивно сопряженной с процедурами социально-философского и социологического планирования последствий революционно-утопических экспериментов» [113].

Во всяком случае, сам М. Горбачев, нагнетая ненависть к советскому государству, использовал старый троцкистский тезис об «отчуждении» советского работника от собственности: «Массы народа, отчужденные от собственности, от власти, от самодеятельности и творчества, превращались в пассивных исполнителей приказов сверху… Человеку отводилась роль пассивного винтика в этой страшной машине» [90].

Прежде чем перейти к исходным рассуждениям К. Маркса, обратимся к здравому смыслу и сначала вникнем в буквальное значение слова *отчуждение*. Профессиональный жаргон, конечно, далеко уходит от буквальных значений слов, но все же обычно не порывает с ними. В русском толковом словаре слово *отчуждение* означает *отделение, удаление, разрыв, отбирание*. В этом же смысле оно перешло из латыни (*alienatio*) в европейские языки, правда, с добавлением значения *беспамятство, психическое*

расстройство. Не вдаваясь в психиатрию, заметим, что явление отделения и удаления — необходимая часть бытия и в неживой, и в живой природе, а тем более в обществе.

Само слово *особь* указывает на тот факт, что на определенной стадии эволюции живые организмы существуют в состоянии фундаментального отчуждения от себе подобных (в отличие от лишайников, полипов и кораллов). Биологическое отчуждение неизбежно сопровождается и *социальным*. Даже рой пчел или колония муравьев нуждаются в развитых системах коммуникации, чтобы особи могли собраться в *общество*. В человеческих общностях типы и механизмы социального отчуждения менялись в ходе развития, но без него невозможно было помыслить никакое общество. Например, Новое время на Западе ознаменовалось самоосознанием человека как индивида — атома, неделимой частицы. Это — радикальное отчуждение, которому М. Вебер посвятил свой главный труд «Протестантская этика и дух капитализма».

Еще в 1960-е годы, когда проблему отчуждения пытались поставить в повестку дня «шестидесятники», И. Кон предупреждал:

«Уже в “Экономическо-философских рукописях 1844 г.” и в позднейших работах Маркс связывает возникновение отчуждения с частной собственностью и антагонистическим разделением труда. Почему получается, что общественные силы людей становятся господствующими над ними? — спрашивает Маркс. И отвечает: причина этого — разделение труда… Разделение труда, дающее людям возможность проявить и развить свои индивидуальные способности, было предпосылкой становления индивидуальности и культуры… Таким образом, отчуждение — это объективное историческое явление, и третье значение понятия (отчужденность как психологический феномен) — лишь выражение этого основного факта» [114].

А когда во время перестройки начал нарастать поток откровений о том, что и советское общество основано на отчуждении, было подано несколько слабых голосов, которые пытались воззвать к здравому смыслу. Культурологи, например, писали (1990 г.): «Каждый конкретный этап человеческой истории имеет свою форму социально-экономического и духовного отчужде-

ния. Особая форма отчуждения культуры присуща и социализму. Мы исходим из того, что отчуждение при социализме так же естественно, как и при капитализме, и, впрочем, при первобытно-общинном строе. Это не аномалия, а нормальный, естественный процесс, свойственный развитию каждого общества и охватывает он не только сферу экономики, но и сферу духовности, культуры» [115].

На эти голоса внимания не обратили, да они и были слишком неуверенными — действовала тяжелая артиллерия, и противостоять ей не решались. Как говорилось ранее, академик Т.И. Заславская в марте 1990 г. сделала жесткое заявление: «Сотни миллионов обездоленных, полностью зависимых от государства [трудящихся] пролетаризированы, десятки миллионов — люмпенизированы, т. е. отчуждены не только от средств производства, но и от собственной истории, культуры, национальных и общечеловеческих ценностей» [24].

Такие суждения тогда заполнили общественное пространство. Вот примеры из гуманитарных трактатов: «При “реальном социализме” мы имели… эксплуатацию и отчуждение, по интенсивности и тотальности не уступавшие эксплуатации и отчуждению в капиталистических странах. … Требование, которое Маркс предъявлял к общественной собственности, — чтобы она одновременно была и индивидуальной. Без этого, по Марксу, невозможно преодоление отчуждения, не произойдет диалектического снятия частной собственности» [116].

Вот еще: «Распад СССР, крушение экономической и социальной систем в бывших социалистических странах Европы наряду с ярко выраженными субъективными причинами были обусловлены и объективными причинами, в первую очередь —экономическими. Важнейшей экономической причиной указанного распада является (как это ни странно может показаться) имевшее место в условиях социализма отчуждение непосредственных производителей (как и других членов социалистического общества) от собственности на средства производства и на продукты труда» [117].

Эти примеры можно множить.

Обратимся к источнику, из которого российские гуманитарии — от левых коммунистов до неолибералов — черпают идеи

и вдохновение, чтобы превратить в пугало советскую реальность. Философ (тогда ведущий научный сотрудник Института социологии АН СССР, а позже профессор социологического факультета МГУ) А.И. Кравченко опубликовал в 1990 г. большую статью «Мир наизнанку» — так он квалифицировал советское общество. Он начинает статью так:

«Безо всякого преувеличения категория “социальная превращенная форма” обладает столь же мощным эвристическим потенциалом, как, например, категория “идеальный тип”, сформулированная и впервые широко апробированная в социологии Максом Вебером. Между тем история распорядилась иначе: “идеальный тип”, который до Вебера использовался Марксом, прочно вошел в арсенал социологической науки. Этого, к сожалению, нельзя сказать о “социальной превращенной форме”. Видимо, причиной служит трудность понимания данной категории, окончательного разъяснения которой ее автор не оставил.

Насколько нам известно. Маркс употребил этот термин только один раз в жизни — во втором черновом варианте “Капитала”, т. е. в окончании экономической рукописи, созданной в период с августа 1861 по июль 1863 г…

Обращает на себя внимание тот факт, что понятия “социальная превращенная форма” и “отчуждение” используются Марксом как рядоположенные, но не обязательно как синонимы. Их парное употребление свидетельствует скорее о том, что оба понятия стоят среди важнейших, принципиальных по своей значимости экономико-социологических категорий… Категория “превращенная форма” относится не только к числу самых важных, но и самых ранних в учении Маркса» [118].

Итак, все упомянутые ранее сущности, которыми объясняется природа советского общества, выводятся из категории, которая «относится к числу самых важных в учении Маркса». Но, к сожалению, К. Маркс употребил термин, обозначающий эту категорию, «только один раз в жизни — во втором черновом варианте “Капитала”…». Отсюда «трудность понимания данной категории, окончательного разъяснения которой ее автор не оставил». Такое обращение с «самыми важными» категориями немыслимо ни в какой упорядоченной системе рационального знания. И это называют общественной *наукой*!

Можно даже предположить, что и сам Маркс в этой категории не разобрался, потому и упомянул ее один раз в жизни во «втором черновике». Но советские философы за нее уцепились, вот что поразительно. И зачем? Чтобы доказать необходимость ликвидации СССР!

Мы категорию «социальная превращенная форма» упомянули здесь потому, что Маркс использует ее как рядоположенную с «отчуждением» или даже как его синоним («хотя и не обязательно»). Странно, впрочем, как может Маркс использовать эту категорию и так, и эдак, «употребив этот термин только один раз в жизни». Скорее всего, все это примыслили за Маркса уже философы нашего времени.

А.И. Кравченко признает, что и советское обществоведение слабо разобралось в этой категории. Он пишет: «В советской литературе одно из самых ранних — и до сих пор, пожалуй, самых обстоятельных — исследований превращенной формы принадлежит М. Мамардашвили. Согласно его предположению, подобная форма, являясь результатом искажения внутренних связей социальной системы, скрывает их фактический характер, подменяет видимыми, или косвенными. Искаженные связи обретают настолько прочную самостоятельность, что начинают вести себя как отдельное, качественно новое и самостоятельное образование. В этом и состоит проблема превращенной формы: искаженные связи (черты, свойства, качества) настолько очевидны, что их можно фиксировать эмпирическим путем, напротив, о скрытых за ними реальных чертах приходится только догадываться. Превращенная форма выступает своеобразной субстанцией, носителем этой видимости» [118].

Рассмотрим эту конструкцию через призму здравого смысла. Итак, «превращенная форма есть своеобразная субстанция», т. е., сущность, вещество. Но какова познавательная ценность придания форме статуса субстанции, *сущности*? Все-таки форма и содержание обычно различаются. Далее. Если превращенная форма «является результатом искажения внутренних связей социальной системы», то почему «искаженные связи очевидны, а о скрытых за ними реальных чертах приходится только догадываться»? Разве «искаженные связи» не стали именно реальными, а «бывшие» реальные связи, существовавшие до искажения, раз-

ве не превратились в воспоминание? В чем же иначе «результат искажения» как не в изменении реальности, пусть неприятном? Это рассуждение о мутации субстанции — откат к логике алхимиков.

Что же вытекает из этой конструкции? Допустим, работал человек инженером на заводе, но началась реформа, и произошло «искажение внутренних связей социальной системы». В результате инженер стал челноком, а потом бомжем. Его превращенная форма как «результат искажения» — бомж? А «о реальных чертах [инженера?] приходится только догадываться»? Или, наоборот, превращенной формой была именно ипостась советского инженера, а его освобождение от тоталитаризма обнаружило его истинную сущность бомжа? Какого, однако, тумана напустили…

А.И. Кравченко далее цитирует М. Мамардашвили: «Особенность превращенной формы, отличающая ее от классического отношения формы и содержания, состоит в объективной устраненности здесь содержательных определений: форма проявления получает самостоятельное “сущностное” значение, обособляется, и содержание заменяется в явлении иным отношением, которое сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы (например, в случаях символизма) и становится на место действительного отношения. Эта видимая форма действительных отношений, отличная от их внутренней связи, играет вместе с тем… роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами на поверхности системы… Прямое отображение содержания в форме здесь исключается».

Вряд ли кто-нибудь смог бы это пересказать, не сверяя каждое слово с текстом. Да и трудно согласиться с этими мыслями. Ведь если «видимая форма действительных отношений играет роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами» и даже «становится на место действительного отношения», то она и должна изучаться как реальное социальное явление, без эпитета «видимое». Вводя подобные понятия и эпитеты, исследователь лишь создает себе возможность играть ими, ничего не объясняя.

Своими словами мысли К. Маркса и М. Мамардашвили А.И. Кравченко излагает так: «Маркс описывает важнейшие признаки, отражающие суть явления и его теоретическую матри-

цу. Первый признак — замещение реальных отношений (между людьми или вещами) символическими (деньгами); второй — замещение явных отношений, которые эмпирически фиксируются либо переживаются, символическими, невидимыми, скрытыми; третий — доминирование символических и скрытых отношений; четвертый — отрыв такого рода иллюзорных (ненастоящих) отношений от нормальных (реальных) и превращение их в самостоятельную сущность, господствующую над людьми. Символические отношения, затаившиеся при нормальном ходе вещей на втором плане и вдруг выступившие на первый, — это, по существу, абстрактные отношения. Нормальное отношение — это обмен товаров между людьми. Даже вторжение денег в качестве посредника еще не переворачивает первоначального отношения. Но вот когда деньги, символизирующие стоимость (которая и есть абстрактное отношение), начинают подчинять себе обычные человеческие отношения, т. е. когда человек становится рабом денег, тогда и только тогда можно говорить о превращенной форме. В качестве посредника могут выступать не только деньги, но и, например, документы» [118].

Ничего себе, теоретическая матрица… Нормальное отношение — это обмен товаров между людьми, а если вторгаются деньги, человек становится их рабом… Что за мистика!

А.И. Кравченко делает многозначительное заявление: «Определение превращенной формы, данное Марксом в “Экономическо-философских рукописях 1844 г.” [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42], важно для нас во многих отношениях. Оно завершает начатый ранее анализ, доводит его до логического конца, до совершенной ясности».

В поисках «логического конца и совершенной ясности» я несколько раз провел поиск слов «*превращен*» и «*форма*» в машиночитаемом тексте «Экономическо-философских рукописей 1844 г.», но словосочетания «превращенная форма» найти не удалось. Наверное, оно и вправду только один раз появилось, в другом черновике. Ничего, зато половина этих рукописей посвящена рядоположенной сущности — отчуждению. А.И. Кравченко тоже признает, что это «похожие категории»: «В отчуждении какое-то качество человека, черта межиндивидуальных или общественных (коллективных) отношений отрывается от носителя (субъ-

екта) этих качеств или черт и становится чем-то самостоятельным, а затем и господствующим над субъектом. Для Маркса было неважно, переживает как-то индивид состояние отчуждения или нет. Для него отчуждение — объективно существующее отношение коллективного бытия людей, независимое от их воли и сознания».

Тут, на мой взгляд, нет «совершенной ясности». Что значит, что «какое-то качество человека отрывается от него и становится чем-то самостоятельным»? Это уже в стиле Кафки.

А.И. Кравченко с уважением пишет о методологии К. Маркса: «Как правило, у Маркса не прослеживается одна-единственная трактовка проблемы, напротив, в его работах встречаются самые разные, едва ли не отрицающие друг друга оценки: отчуждение то разрастается у него до метафизического знака, под которым проходит развитие современной цивилизации, то сводится чуть ли не к технической операции, например, отделению (отчуждению) работников от управления. Нет единства у Маркса и в понимании превращенной формы. В одном случае она выражает результат технико-экономического по своей сути процесса обращения капитала, в другом разрастается до вселенских масштабов раздвоения мира. Маркс понимает превращение то как всецело позитивный процесс, то как однозначно негативный. Какой-то устоявшейся трактовки он не дал и, видимо, подобной цели не преследовал вовсе» [118].

Ну, не дал К. Маркс «какой-то устоявшейся трактовки», так зачем вы пристегиваете его к своим собственным трактовкам, тем более таким сырым и неубедительным? Если «Маркс понимает превращение то как всецело позитивный процесс, то как однозначно негативный», то какое у вас право ссылаться на Маркса, проклиная советский строй за его «превращенные формы»?

И уж совершенно нелогичным является довод, что для Маркса неважно, «переживает как-то индивид состояние отчуждения или нет». Представьте: жили себе люди, радовались жизни, работали на родном заводе, никакого отчуждения не переживали. Явились философы с социологами и начали убеждать, что этот завод и эта работа — фикция, превращенная форма, отчуждение. Людям стало стыдно, и они отдали завод Абрамовичу, перестали рожать детей и спились. А если кто-то из них просил философов

объяснить, что это за отчуждение такое и как они его узрели, то его заставляли выучить пару абзацев из Мамардашвили. Результат — волна суицидов.

А что если не искать невидимые субстанции, о которых «приходится только догадываться», а принимать за реальность именно то, что мы можем наблюдать эмпирически? Иными словами, принимать за социальные отношения то, что люди «субъективно переживают». Не даст ли нам такой подход более достоверное знание? Возьмем родственное отчуждению явление — *неравенство*. Ведь социальный характер этому явлению придают именно субъективные переживания, представляющие собой исторически обусловленный продукт культуры.

Л.Г. Ионин пишет (1996 г.): «Неравенство людей является эмпирическим фактом… О социальном неравенстве можно говорить только тогда, когда важность различий людей по какому-то из… параметров закреплена институционально и сделана базисным принципом классификации. Несмотря на наличие *объективного* неравенства, … *социальное* неравенство не возникает, пока оно не осознано и не интерпретировано как таковое.

Обратимся к *традиционному* обществу. Здесь социальное неравенство не выглядит и не является проблемой, ибо объективное неравенство в этих обществах воспринимается как часть *божественного порядка*. Принцип вертикальной классификации интерпретируется как частное проявление идеи мирового порядка — божественной иерархии, воплотившейся в иерархии сословий и каст. Такая (или подобная) теория характерна для всех традиционных обществ, где бы они ни существовали, в частности же, она ярко проявилась в европейском средневековье.

Наиболее выразительные последствия социальная дифференциация имела в индийской кастовой системе, где объективно выражавшееся неравенство достигло максимума возможного. Но, парадоксальным образом, это неравенство не только не способствовало стремлению к социальному равенству, но даже затрудняло его: божественное происхождение неравенства затрудняло истолкование кастовой системы как выражения социального неравенства…

Переопределение ситуации произошло в XVIII в. с подъемом буржуазного класса. Вообще-то дело выглядело так, будто в этот

период социальное неравенство было открыто, обнаружено, так сказать, *как реальность*, до того успешно скрывавшаяся от пытливого человеческого ума» [119].

Напрашивается аналогия: пока отчуждение не переживается индивидами, «пока оно не осознано и не интерпретировано как таковое», его не существует как социального. В советском обществе оно не таилось под маской превращенной формы, а было изобретено усилиями философов и социологов, которые прочитали о нем у Маркса, а как поняли — до сих пор неизвестно. Возможно, они вообще не задумывались о смысле, а просто подыскивали идеологический инструмент для задуманной в 1960-е годы перестройки. Во всяком случае, они успешно налили яду в ухо задремавшему советскому человеку.

Обратимся к тем положениям К. Маркса, из которых сварили этот яд элитарные советские философы. Вот эти положения из «Экономическо-философских рукописей 1844 г.»:

«В чем же заключается отчуждение труда? Во-первых, в том, что труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает; а когда он работает, он уже не у себя. В силу этого труд его не добровольный, а вынужденный; это — принудительный труд…

Отчужденность труда ясно сказывается в том, что, как только прекращается физическое или иное принуждение к труду, от труда бегут, как от чумы. Внешний труд, труд, в процессе которого человек себя отчуждает, есть принесение себя в жертву, самоистязание. И, наконец, внешний характер труда проявляется для рабочего в том, что этот труд принадлежит не ему, а другому, и сам он в процессе труда принадлежит не себе, а другому… Деятельность рабочего не есть его самодеятельность. Она принадлежит другому, она есть утрата рабочим самого себя.

В результате получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выпол-

нении своих животных функций — при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще расположась у себя в жилище, украшая себя и т. д., — а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным. То, что присуще животному, становится уделом человека, а человеческое превращается в то, что присуще животному» [120, с. 90–91].

Прошу прощения у товарищей марксистов, но все это мне кажется плодом воображения молодого К. Маркса (а может, даже превращенной формой его воображения) . И эти фантазии он принимал за реальную сущность, а реального рабочего — за «превращенную форму». Ну можно ли всерьез принимать утверждения, что когда рабочий, «расположась у себя в жилище», садится с семьей за стол или обнимает любимую («совершает половой акт»), он «выполняет свои животные функции»? Неужели советские философы и социологи действительно включили этот гениальный бред в свою когнитивную матрицу — или они просто были ландскнехтами идеологической войны против СССР?

Парадоксальны и политэкономические обоснования деградации рабочего, которую К. Маркс провидел под маской превращенных форм:

«Согласно законам политической экономии, отчуждение рабочего в его предмете выражается в том, что чем больше рабочий производит, тем меньше он может потреблять; чем больше ценностей он создает, тем больше сам он обесценивается и лишается достоинства; чем лучше оформлен его продукт, тем более изуродован рабочий; чем культурнее созданная им вещь, тем более похож на варвара он сам; чем могущественнее труд, тем немощнее рабочий; чем замысловатее выполняемая им работа, тем большему умственному опустошению и тем большему закабалению природой подвергается сам рабочий» [120, с. 89].

Интересно, что на это сказал бы М. Мамардашвили? И что на это говорит А.И. Кравченко своим студентам в МГУ? Ведь надо разъяснять положения, которые кладутся в основу современной концепции.

К. Маркс подчеркивает, что отчуждение возникает не только в процессе производства, оно тотально, вплоть до *самоотчуждения*: «Мы рассмотрели акт отчуждения практической человеческой деятельности, труда, с двух сторон. Во-первых, отноше-

ние рабочего к продукту труда, как к предмету чуждому и над ним властвующему. Это отношение есть вместе с тем отношение к чувственному внешнему миру, к предметам природы, как к миру чуждому, ему враждебно противостоящему. Во-вторых, отношение труда к акту производства в самом процессе труда. Это отношение есть отношение рабочего к его собственной деятельности, как к чему-то чуждому, ему не принадлежащему. Деятельность выступает здесь как страдание, сила — как бессилие, зачатие — как оскопление, собственная физическая и духовная энергия рабочего, его личная жизнь (ибо что такое жизнь, если она не есть деятельность?) — как повернутая против него самого, от него не зависящая, ему не принадлежащая деятельность. Это есть самоотчуждение, тогда как выше речь шла об отчуждении вещи» [120, с. 93].

Деятельность выступает как страдание, сила — как бессилие, зачатие — как оскопление! И на этой схоластике строится доктрина разрушения жизнеустройства огромной страны!

Надо вспомнить и представление К. Маркса об истоках отчуждения. Он пишет:

«*Разделение труда* есть экономическое выражение *общественного характера труда* в рамках отчуждения. Иначе говоря, так как *труд* есть лишь выражение человеческой деятельности в рамках отчуждения, проявление жизни как ее отчуждение, то и *разделение труда* есть не что иное, как *отчужденное*, полагание человеческой деятельности в качестве *реальной родовой деятельности*, или в качестве *деятельности человека как родового существа*» [120, с. 137].

А когда же возникло, по Марксу, разделение труда, а за ним частная собственность и отчуждение? Читаем в «Немецкой идеологии»:

«…Развивается и разделение труда, которое вначале было лишь разделением труда в половом акте… Следовательно, дана и собственность, зародыш и первоначальная форма которой имеется уже в семье, где жена и дети — рабы мужчины. Рабство в семье — правда, еще очень примитивное и скрытое — есть первая собственность, которая, впрочем, уже и в этой форме вполне соответствует определению современных экономистов, согласно которому собственность есть распоряжение чужой рабочей си-

лой. Впрочем, разделение труда и частная собственность, это — тождественные выражения» [121].

Но ведь это — модернистская версия ветхозаветной идеи первородного греха! Как можно было в конце XX в. включать ее в методологическое основание рациональной социологии?

Как же видит К. Маркс светлое будущее, в котором будет устранено отчуждение? Вот как: «Упразднение всякого отчуждения, т. е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему человеческому, т. е. общественному бытию» [120, с. 117].

Выходит, жить человеку в лоне семьи и государства (страны) — это отчуждение, превращенная форма, а «вернуться» к истинно человеческому бытию — значит сбросить эти оковы. А что значит «вернуться»? Когда раньше человек был таким свободным — без семьи, без религии? Только до грехопадения. Обо всем этом во время перестройки наши философы разумно умалчивали. Видимо, понимали, что даже самые восторженные демократы от них отшатнутся.

Представление Маркса о будущем без отчуждения — это вывернутый наизнанку кальвинистский идеал индивида, который надеется быть причисленным к числу избранных. М. Вебер пишет: «Общение кальвиниста с его Богом происходило в атмосфере полного духовного одиночества… Каждый, кто хочет ощутить специфическое воздействие этой своеобразной атмосферы, может обратиться к книге Беньяна “Pilgrim’s progress” [“Путешествие пилигрима”], получившей едва ли не самое широкое распространение из всех произведений пуританской литературы. В ней описывается, как некий “христианин”, осознав, что он находится в “городе, осужденном на гибель”, услышал голос, призывающий его немедля совершить паломничество в град небесный. Жена и дети цеплялись за него, но он мчался, зажав уши, не разбирая дороги и восклицая: “Life, eternal life!” [“Жизнь! Вечная жизнь!”]… И только после того, как паломник почувствовал себя в безопасности, у него возникла мысль, что неплохо бы соединиться со своей семьей» [122].

Посмотрим, как понятие «отчуждения» применялось в подрыве легитимности советского строя. Вот уж, действительно, всесильное учение: самые туманные высказывания К. Маркса

можно было трактовать совершенно произвольно, наши демократические гуманитарии и впрямь сумели сломать «механизмы торможения» в интеллектуальной сфере.

А.И. Кравченко даже дефицит представил как превращенную форму (видимо, он считает, что дефицит маскирует изобилие, о котором надо догадываться). Он пишет: «Трудовая деятельность человека, лишенная своей действительной общественной связи, выражаясь словами молодого Маркса, оказывается мукой, а “его собственное творение — чуждой ему силой, его богатство — его бедностью, сущностная связь, соединяющая его с другим человеком, — несущественной связью… его производство — производством его небытия, его власть над предметом оказывается властью предмета над ним”.

К примеру, постоянный дефицит товаров не только парализует социальную активность, создает напряженность в отношениях между людьми и открывает широкие каналы для спекуляции и хищений. Выражаясь языком социологической теории, товарный дефицит при социализме — это такое положение дел, когда производство общественного богатства становится производством общественного небытия» [118].

Как это понять, товарищи марксисты? Как и почему при социализме «производство общественного богатства [например, колбасы или колготок] становится производством общественного небытия»? Что это за «социологическая теория», на языке которой написаны подобные законы общественного развития?!

Смысл всех этих парадоксов — представить советскую производственную систему «производством общественного небытия», а богатство советского человека — его бедностью… Ну, внушили людям эти фантомы — и что они видят? Витрины магазинов ломятся от «товарного изобилия», а веет общественным небытием. *За ночным окном — туман…*

В статье А.И. Кравченко после теоретического введения, со ссылками на К. Маркса, М. Вебера и М. Мамардашвили, следуют почти 20 страниц текста (по 1800 знаков) с перечнем дефектов советского бытия, якобы порожденных отчуждением. Начинается на высокой ноте — горнее, дольнее…

Вот, для примера: «Признак социального паралича — глубоко зашедший процесс отчуждения. Отчужденная форма, которой

подчиняются социальные отношения, переворачивает их “таким образом, что человек именно потому, что он есть существо сознательное, превращает свою жизнедеятельность, свою сущность только лишь в средство для поддержания своего существования” [Маркс]…

Превратить свою сущность в средство своего существования — значит принести горнее в жертву дольнему, возвышенное — низменному. Унижая свое достоинство, человек дает администратору взятку (хотя это крайне противно ему делать) ради того, чтобы устроить в вуз сына, получить квартиру, продвинуться по службе, т. е. облегчить себе жизнь. Сущность (этические и нравственные принципы, за которые иной готов отдать жизнь) превращается в средство существования… Проводник выдает пассажиру несвежее, судя по всем признакам, использованное белье, провозит за определенную мзду безбилетника. Государственный вагон, доверенный ему в соответствии со служебными обязанностями, превращается в частную лавочку. Иной становится частным кондуктором на государственной дороге, кладет считанную только им выручку себе в карман… Человек привлечен к уголовной ответственности, а в суд идет положительная характеристика, принятая на общем собрании завода или цеха» [118].

Круто, ничего не скажешь. «Государственный вагон превращается в лавочку» — поистине превращенная форма. А «несвежее, судя по всем признакам, использованное белье» — это и есть «мир наизнанку»!

Здесь мы не можем даже перечислить плотно упакованные в 20 страниц описания ужасов отчуждения в СССР, остановимся на одном. Это нарастающие жалобы демократической интеллигенции на то, что рабочие в СССР слишком мало работают. Выходят после смены с завода, как огурчики: шутят, смеются. Да это «признак социального паралича — глубоко зашедший процесс отчуждения»! С 1960-х годов плакали над этим на кухнях, а при М. Горбачеве — на страницах журналов «Коммунист» и «СОЦИС».

А.И. Кравченко пишет: «Будучи реальными потребителями (ибо получают всамделишную зарплату), они не являются никакими реальными производителями. Но не будучи производите-

лями материальной продукции, как они могут получать деньги в качестве рабочих? Символические работники выполняют символический труд, но получают несимволические деньги» [80].

Это уже нечто, в учебниках не описанное. Бывало, что некультурный человек упрекнет философа в очках и шляпе, что он «не является реальным производителем материальной продукции», но такого человека окружающие мягко пожурят, и ему самому будет стыдно. Но чтобы философ бросил такое обвинение *рабочим* — это прямо-таки новое мышление!

Никаких эмпирических признаков того, что СССР заполонили «символические работники», социолог не называет. Объем продукции промышленности рос непрерывно по 1989 г. и в этот последний год советского хозяйства превысил уровень 1950 г. в 16,8 раз. Замечу, что промышленность производит именно *материальную продукцию*. За те же 40 лет число промышленных рабочих выросло в СССР в 2,63 раза. Значит, один рабочий в среднем стал производить материальных ценностей в 6,4 раза больше. Завод (и даже цех) — сложная система, вычленить вклад каждого рабочего в создание любого изделия невозможно, да такой нелепой задачи никто и не ставил. Почему же в головах советских социологов стал бродить этот странный призрак «дяди Васи, который ничего не производит, но получает всамделишную зарплату»? Ведь это — загадка нашей культуры. Мне кажется, просто дядя Вася им стал несимпатичен как антропологический тип. Ах, этот *homo sovieticus*!

В обоснование своего вывода А.И. Кравченко выдвигает целую концепцию: «Как известно, человеческий труд выступает, с одной стороны, как преобразование вещества природы по заранее составленному плану, а с другой — как затраты физических и умственных сил человека, напряжение тех органов, с помощью которых осуществляется трудовая деятельность. Можно ли представить себе такой труд, в котором присутствовала бы только одна его сторона, допустим, усилия затрачиваются, а никакого выпуска продукции не происходит?

Если судить с точки зрения здравого смысла, то, конечно, нет. Труд потому и называют производительным, что он добавляет нечто новое: новые автомобили, жилые здания, радиоприемники или инженерные разработки. Но представить себе затраты

физических и умственных усилий, ничем не завершающиеся, как-то сложно. Тем не менее такой “труд” существует и его можно назвать непроизводительным. Как и производительный, он имеет множество конкретных форм и разновидностей» [118].

Примечательно предупреждение, что эта концепция противоречит здравому смыслу. Казалось бы, нормы рациональности должны были заставить автора выявить и разрешить это противоречие, примирить свою концепцию с реальностью. Но нет, пренебрежение здравым смыслом в 1990 г. считалось признаком элитарности.

А.И. Кравченко пишет: «Нет ничего удивительного в том, что в одной плоскости социализма существуют реальные достижения (пусть весьма скромные) и явные извращения… Сюда же следует отнести отчуждение труда, которое якобы совсем не характерно для социализма, скрытую эксплуатацию труда со стороны государства, содержащего раздутый бюрократический аппарат именно на вычеты, изъятия прибавочной (и в значительной мере основной) СТОИМОСТИ продукта труда рабочих. В том же ряду условий, порождающих превращенные формы, т. е. двойной мир ценностей, стоят и такие категории, как товарный характер рабочей силы и наемный труд, безработица и принудительный характер труда — и все это как реальные, а не мнимые “достижения социализма”…

Другой показатель превращенной формы социальной организации — “работа с прохладцей”, но не на индивидуальном, а на коллективном уровне… Рабочие, объединенные в бригаду, стремятся сделать не больше, а как можно меньше за день. С этой целью они приостанавливают работу еще до окончания смены. Нормальная же организация труда побуждает индивида давать максимум, а не минимум продукции» [118].

Это — умозрительная конструкция с нарушением меры. И люди, и коллективы переживают неудачи, моменты недомогания, даже болезни, лечатся, ищут новые формы. Так везде. Другое дело, что сильные мира сего решили уничтожить советский строй как тип жизнеустройства, и для этого надо было заполнить разум и чувства людей философской схоластикой.

Вдумайтесь в логику аргументов А.И. Кравченко: «Превращенной формой безработицы на полном основании надо счи-

тать дефицит рабочей силы… Уничтожив безработицу, … социализм породил совсем иное явление — “превращенную безработицу в форме избытка рабочих мест”… Рабочей силы не хватает именно потому, что на большинстве предприятий раздутые штаты, а это, в свою очередь, вызвано недостаточной квалификацией их труда. Там, где на зарубежном предприятии трудятся двое, у нас — пятеро (официальный уровень производительности труда в советской промышленности ниже американской в 2,5 раза)» [118].

Ну как можно *дефицит рабочей силы* назвать *формой безработицы*, причем «на полном основании»? Ведь в следующей строке сам автор пишет, что рабочей силы не хватает, потому что «там, где на зарубежном предприятии трудятся двое, у нас — пятеро». А это, в свою очередь, вызвано недостаточной квалификацией наших рабочих (точнее сказать, *отставанием в технологии*). Подумайте, можно ли компенсировать это отставание, просто уволив трех рабочих из пяти? Так, чтобы в США было два рабочих — и у нас два. Догнали США по производительности труда! Собственно, реформаторы так и поступили: выбросили из промышленности России половину рабочих и инженеров, продали станки на металлолом и накупили яхт. Теперь у нас нет превращенной формы безработицы, она стала истинной (глядишь, философы назовут ее *горней*).

А дальше рассуждения об отчуждении и впрямь идут уже в стиле Кафки:

«Зависимость от безличной рыночной стихии психологически переносится легче, чем зависимость от вполне реальной личности бюрократа, узурпировавшего право распоряжаться общественной собственностью. Если с превращенной формой оперируют как с реальной, это очевидный признак того, что она приобрела черты какой-то квазисубстанциональности — самостоятельной, хотя и ложной первоосновы вещей. Превращенная безработица увеличивалась как раз в те годы (60-е), когда в стране был пик экстенсивного развития экономики. Пустые рабочие места создавались путем строительства новых предприятий… Появление “мертвых душ” — не просто возникновение несуществующих людей, а как бы недееспособных» [118].

Пустые рабочие места, несуществующие люди, квазисубстанциональность… И это о 1960–1970-х годах, когда было создано 80% промышленного потенциала страны, распродавая и проедая который мы еще худо-бедно существуем.

С момента публикации той статьи прошло 23 года. Конечно, было бы гораздо лучше, если бы видные идеологи перестройки сами подвергли рефлексии собственные заявления и объяснили читателям методологические установки, которые привели их к тем выводам. Но это у нас не принято, и мы так и не знаем, как получилось, что влиятельная часть нашей гуманитарной элиты помогла толкнуть общество на тропу, которая привела его к бедствию и массовым страданиям. Если же идеологи такого поворота и сегодня считают те свои установки верными, результаты их рефлексии были бы вдвойне важными и интересными.

10. Ликвидация системы ирригации и мелиорации

В 2010 г. лето принесло нам природное бедствие — жару и засуху. Это тяжелое испытание регулярно (примерно каждые 25 лет) посещает Россию. Жара и засуха — неотъемлемая часть той природной среды, в которой судьба определила нам жить. Мы обязаны к этой беде быть готовы и переживать ее сообща. Для этого мы имеем разум, опыт, науку и народное хозяйство. Уже 25 лет во всех этих защитных средствах происходят изменения.

Примерно пять поколений нашего народа, жившие в советское время, выстроили для России *национальную систему* защиты от засухи. Это строительство было большим делом, ради которого те поколения отказывались от большой доли личного потребления. Они создали большую техническую и социальную систему, соответствующую природным и ресурсным условиям России, и эта система была эффективной.

В последние четверть века эту систему осмеяли, оклеветали — и *разрушили*. И вот, когда это дело практически завершено, в Россию приходят жара и засуха. И оказывается, что систему защиты, которую наши нынешние поколения получили в наследство и уничтожили, *ничем не заменили*.

Разум, опыт и наука уже в XIX в. определили, что жару и засуху как фактор нашего климата можно смягчить лишь изменяя

«микроклимат» в зонах, где дуют суховеи и случаются засушливые годы. Для этого надо принимать лесо — и водоохранные меры, а также более крупные программы строительства каналов, водохранилищ и оросительных систем, мелиорации земель.

Крупномасштабная программа была начата в 1948 г. (это называлось «Сталинский план преобразования природы»). Ее концепция вытекала из трудов почвоведов и аграриев: В.В. Докучаева, П.А. Костычева и др. Первая лесополоса (более тысячи километров) пролегла от Урала до Каспийского моря. Общая протяженность крупных государственных полезащитных полос превышала 5300 км, в них было посажено 2,3 млн га леса. Позже в РСФСР только за 1965–1980 гг. было посажено 12,4 млн га леса.

Одновременно начали строить оросительные системы. В СССР было создано около 4 тыс. водохранилищ, вмещающих 1200 куб. км воды. Они позволили улучшить окружающую среду, создать большую систему водных путей, урегулировать сток множества рек, получать большое количество дешевой электроэнергии, использовать накопленную воду для орошения полей и садов. В 1960 г. площадь орошаемых земель составляла в РСФСР 1,3 млн га, к 1980 г. выросла до 5 млн га, а в 1990 г. — 6,2 млн га орошаемых земель. При этом степень использования оборудованных для орошения земель в 1980-е годы составляла 95%.

Как эта программа оценивалась той авторитетной группой обществоведов, которая стала доминировать в годы перестройки? Эта программа была представлена как коллективный враг народа. Началась идеологическая подготовка к *ликвидации ирригационной системы* России. Многие академики и профессора утверждали, что строительство в СССР водохранилищ и стоящих на них ГЭС было следствием абсурдности плановой экономики и нанесло огромный ущерб России. Само слово «мелиорация» было превращено в 1980-е годы в пугало[38].

---

[38] Отставание России от мирового уровня в использовании водохозяйственного потенциала было колоссально, но общество легко приняло ложь о том, что водное хозяйство приобрело у нас безумные масштабы — ну как не поверить слову ученых! Когда велась кампания против водохранилищ, в США было 702 больших водохранилища, а в России 104. А больших плотин (высотой более 15 м) было в 2000 г. в Китае 24 119, в США 6389, в Канаде 820, в Турции 427 и в России 62 [107].

Н.П. Шмелев, депутат Верховного Совета, ответственный работник ЦК КПСС, ныне академик, пишет в программной книге «На переломе: перестройка экономики в СССР» (1989 г.): «Рукотворные моря, возникшие на месте прежних поселений, полей и пастбищ, поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель».

Н. Шмелеву рукоплескали, хотя, чтобы увидеть нелепость этого утверждения, достаточно было протянуть руку и взять справочник. При строительстве водохранилищ в СССР было затоплено 0,8 млн га пашни из имевшихся 227 млн га — 0,35% всей пашни. Водохранилища позволили оросить 7 млн га засушливых земель.

Во время реформы лесовосстановительные работы были свернуты, гибель лесонасаждений стала намного превышать объем посадок (в 2005 г. в пять раз). Лесополосы стали интенсивно вырубаться под коттеджную застройку или с целью получения древесины. Ввод в действие орошаемых земель прекратился, прекратились также работы по ремонту и реконструкции имевшихся ирригационных сооружений. Система стала разрушаться и выводиться из строя. Что мы потеряли, бросив эти системы на произвол судьбы, видно на примере наводнений и гибели людей на Северном Кавказе в 2002 и 2012 гг.

В 1984 г. российские села получили для орошения и хозяйственных нужд 27 куб. км воды. С 2004 г. снабжение сельского хозяйства водой колеблется на уровне около 8 куб. км. После 1997 г. Росстат перестал публиковать данные о площади орошаемых земель. Другим показателем деградации ирригационного хозяйства России служит динамика парка поливных и дождевальных машин. Парк этих машин за годы реформы сократился почти в 15 раз и продолжает неуклонно сокращаться. В 2009 г. на всю РФ было приобретено 55 дождевальных машин и установок (а списано 305). Российские поля оказались беззащитными перед засухой.

Кампания 1980–1990-х годов против мелиорации и ирригации, против строительства водохранилищ, ГЭС и каналов — большая культурная программа, основанная на мифотворчестве. В ней приняли участие видные обществоведы и гуманитарии. Они подрядились как идеологические кадры для дискредитации

всей водохозяйственной политики СССР под экологическими лозунгами.

Сейчас, когда результат их усилий налицо, дали они хоть какое-нибудь объяснение своей позиции коллегам? Никакого! Как же они могут продолжать носить свои научные титулы? Как им можно и дальше верить и поручать писать всякие «стратегии»? Ведь диверсант, уйдя на пенсию, должен тихо сидеть в своем коттедже, выращивать розы и не высовываться.

Летом 2010 г. в засушливых областях России стали служить молебны. 7 июля «Известия» сообщали: «В Нижегородской области, где установилась аномальная жара, в храмах прихожане и священнослужители молятся о ниспослании дождя. В пресс-службе Нижегородской православной епархии сегодня сообщили, что молебны о дожде проходят ежедневно во всех приходах области».

И власти, и их идеологическая рать, видимо, довольны — конфликт исчерпан, люди не думают о восстановлении ирригационных систем, о производстве и поставках дождевальных машин и доступности электрической энергии. Они молятся о ниспослании дождя.

11. Почему антисоветская революция перерастает в перманентную?

Опыт антисоветского проекта начиная с конца 1950-х годов наводит на такой вопрос. Почему значительная часть советских гуманитариев, начав свою миссию с экзальтированного марксизма, плавно сдвинулись к антисоветизму, затем антикоммунизму, проникнутому революционной страстью, а одержав победу, не увлеклись строительством буржуазного общества, а направили революционный пыл на их же собственную «либеральную» власть? Напрашивается два объяснения. Первое: это особая субкультура, которая отвергает любую совместимую с размеренной жизнью политическую систему — бунтари с мессианскими заскоками. Второе: эта их революционная ненависть направлена не на какой-то социальный строй или политическую систему, а именно на Россию и ее государственность как имманентное зло. Как бы ни утряслась жизнь в России, хотя бы для передыш-

ки людей, ее надо сломать, даже если никакого внятного положительного проекта у них нет. Если они кого-то и уважают (или даже любят), то только Б. Ельцина, как явно деструктивного лидера.

В любом случае очень странно, что подобные люди сумели собраться в сообщество и, подталкивая друг друга, подняться в элиту и даже получить очень заманчивые титулы. Сейчас, после тяжелейших тридцати лет, можно предположить, что организованное сообщество таких людей, влияющее на государственную власть, весьма опасно для страны и нации. Лучше бы им давать привилегированные позиции, но подальше от власти. Что-то подобное пережил после революции Наполеон Бонапарт. Во Франции «властители дум» образовали сплоченное сообщество, в нем довольно быстро возникло самосознание, и началась теоретическая работа. Здесь впервые появилось слово *идеология* и была создана влиятельная организация — *Институт*, в котором заправляли идеологи [108][39]. Они создавали «науку о мыслях людей», хотя в категорию мысли они включали также чувства, желания и воспоминания.

В декабре 1797 г. идеологи приняли в члены своего очень узкого кружка («Института») поднимающегося к власти Наполеона. В свою очередь, и он правильно оценивал важность этого союза, так что, даже будучи уже членом Директории, подписывался «генерал Наполеон Бонапарт, главнокомандующий, член Института». Позже, когда Наполеон стал Первым консулом, а идеологи продолжали претендовать на слишком большое участие во власти, он велел поставить их на место, дав необычно большое жалованье (он сказал о директоре Института и одном из основателей клуба якобинцев Э.Ж. Сьейесе: «Что касается денег, он реагирует очень положительно. За достаточно большую сумму забывает о своих конституционных мечтаниях»). Кое-кто из Института оказался, однако, строптивым: жалованье взял, но воду продолжал мутить. Тогда Наполеон опубликовал в газете блестящую, великолепную статью против идеологов — тех, кто «дурит людям голову». Опубликовал анонимно, но так, что все знали, кто действительный автор. Звезда тех идеологов закатилась, но дело продолжало жить, и место идеологов во власти определи-

[39] Впрочем, сами себя они называли «идеологисты», а идеологами их потом стал презрительно называть Наполеон.

лось четко: получать большое жалованье, но быть в тени. Кстати, унеся ноги из России, 20 декабря 1812 г. на заседании Государственного Совета Наполеон возложил вину за поражение именно на идеологов, которые, мол, навязывали народу свои туманные хитроумные концепции, вместо того чтобы изучать уроки истории. Жаль, что наши идеологи не читают Наполеона.

Классическим примером перманентного революционера можно считать А.И. Солженицына. Он отверг и советский строй, и совершенно антисоветский режим Б. Ельцина — начал его порицать сразу, явившись в Россию. Из этого сообщества выпадает А.А. Зиновьев: он хоть и готовил покушение на Сталина и писал едкие антиутопии на советский строй, но, повидав постсоветскую Россию, стал искренним приверженцем СССР и назвал Сталина самым великим политиком. Иными словами, он разумно искал *положительный* идеал и после сравнения альтернатив рационально остановился на возможной и осуществленной системе, пусть и после ее гибели.

Но пройдем по следам академика А.Н. Яковлева. Ранее были приведены его квалификации советскому строю, высказанные публично, когда это стало возможным. Но что дальше? Вроде все прекрасно, можно сеять доброе, вечное. Но как будто морда зверя или беса глядит на него из каждого куста: «Опрокинута система ленинско-сталинского фашизма, положено начало построению гражданского общества социального либерализма. Но только начало. Социалистическая номенклатура, дождавшись своего часа, снова пытается вернуть общество в стадо с его привычной рабской психологией» [39, с. 632].

Но это пока что мягкий упрек тем, кто увлекся «построением гражданского общества социального либерализма» и утратил бдительность. Приходится прямо указать на логово зла и воззвать «К оружию, граждане!»: «Форсированная бюрократизация демократии может привести к ее падению без всяких мятежей и бунтов. И решающую роль в переходе к масштабному авторитаризму сыграет чиновничья номенклатура. Если народы России хотят быть свободными гражданами и хозяевами, они должны начать настоящую освободительную борьбу против диктатуры чиновничества и воровского бизнеса, которые намертво связаны между собой» [39, с. 654].

Его поддерживает молодая смена — еще не академик, но опытный практик и директор Института (почти как якобинец Э.Ж. Сьейес) — Е.Т. Гайдар. Он представляет всю историю России как сплошное «красное колесо»: «В центре этого круга всегда был громадный магнит бюрократического государства. Именно оно определяло траекторию российской истории… Необходимо вынуть из живого тела страны стальной осколок старой системы. Эта система называлась по-разному: самодержавие, интернационал-коммунизм, национал-большевизм, сегодня примеривает название «державность». Но сущность всегда была одна — корыстный хищнический произвол бюрократии, прикрытый демагогией» [109].

И это пишет премьер-министр, только-только покинувший свой кабинет (1994 г.)!

А.Н. Яковлеву и Е.Т. Гайдару в их ненависти к чиновникам вторит Е.Г. Ясин. Для него бюрократы и государственники — враги, антиподы либералов. Их укрепление он трактует как «полицейское государство» (а кое-кто из этой «партии» прямо говорит о «фашистском государстве»). Е.Г. Ясин заявил в обращении к «демократам»: «События вокруг ЮКОСа — это шаг к победе бюрократии над бизнесом… Это шаг от управляемой демократии к полицейскому государству… До недавнего времени казалось, что президент стоит над схваткой, что ему для равновесия нужны две стороны: либералы и государственники. Теперь стало ясно, что это не так, по крайней мере, в данный момент. И выбор его очевиден» [104].

Е.Г. Ясин угрожает В.В. Путину мобилизацией всего «класса» новых собственников и экономическим саботажем: «Владельцы компаний всех размеров формируют единый фронт для защиты своих интересов… Итак, позиция президента ясна и менять ее он не собирается. Получается, на события могут повлиять только бизнесмены: замедление экономического роста, сопровождаемое бегством капиталов…» [104].

Экономист рангом пониже, хоть и член-корреспондент АН СССР, П. Бунич тоже подал слабый клич: «Мы одной крови, вы и я!». Сразу после разгрома ГКЧП он признался: «Моя позиция была известна всей сознательной жизнью, непрерывной борьбой с государственным монстром» (как говорится, сохраняем стиль

автора). Человек выучился на экономиста и нанялся к «государственному монстру» работать ради улучшения его экономики. Получал хорошую зарплату, премии и ласки — а оказывается, все это время неустанно стремился нанести своему работодателю вред, тайно боролся с ним!

После «Норд-Оста» и Беслана число граждан, которые сомневались в способности правительства защитить их от терроризма, увеличилось в полтора раза: с 50 до 75%. А.Н. Яковлева спрашивают: «Не жалеете, что в свое время с Горбачевым силовиков не разогнали?» И он подливает масла в огонь: «Я думаю, это наша ошибка. Что касается монстра, я бы его ликвидировал… Кстати, по моей записке КГБ был разделен на несколько частей» [110].

Сколько крови и слез стоили нашим людям эти его дела! Но под дудочку этих «архитекторов» еще долго будут доламывать и так уже израненные структуры государства — эта субкультура живуча.

Но все же главный враг А.Н. Яковлева — госаппарат как явление. В одном из своих последних интервью («Независимая газета», 19 апреля 2005 г.) он просто из себя выходит: «Меня тревожит наше чиновничество. Оно жадное, ленивое и лживое, не хочет ничего знать, кроме служения собственным интересам. Ненавидящее людей. Оно, как ненасытный крокодил, проглатывает любые законы, любые инициативы людей, оно ненавидит свободу человека… Я уверен: если у нас и произойдет поворот к тоталитаризму, произволу, то локомотивом будет чиновничество. Распустившееся донельзя, жадное, наглое, некомпетентное, безграмотное сборище хамов, ненавидящих людей» [110].

Казалось бы, это заявление слишком общо. Где же тут конкретный враг народа? Ведь нельзя же совсем без чиновников. Поэтому чуть ниже, вскользь, даются более определенные ориентиры цели: «“Единая Россия” — это некая секта, искусственно созданная чиновничья организация. Я не знаю, сколько у них там рядовых членов, но знаю, что на 90% она состоит из чиновников”» [110].

«Единая Россия», разумеется, сама по себе не может быть никому ни врагом, ни другом. Суть в том, что в тот момент это была *партия В.В. Путина.*

А.Н. Яковлев в унисон с американской прессой бросает В.В. Путину едва ли не главное обвинение: «Создается впечатление, что в то время, как уголовщина ленинско-сталинского режима уходит в прошлое, вой мотора корабля власти остается старым, советским». Вскользь он бросает и «черную метку» фашизма: «Россия больна вождизмом. Это традиционно. Царистское государство, князья, генеральные секретари, председатели колхозов и т. д. Мы боимся свободы и не знаем, что с ней делать. Я понимаю, что тысячу лет жить в нищенстве и бесправии — другого менталитета не создашь. Отсюда и появляются у нас фашистские группировки. "Идущие вместе"… Завтрашние штурмовики» [110].

Так же вскользь затрагивает и другой больной вопрос, в точности повторяя обвинение Запада: «Или чеченцы… Кто мы такие, чтобы судить-то их? Это они должны нас судить, а не мы. Это перевернутое имперское сознание! И виновата в этом власть. Власть как система, как феномен» [110].

Вот это и есть суть перманентной революции Л. Троцкого: враг — «власть как система, как феномен». Идеал — хаос, который может контролировать только глобальная элита.

Г.Х. Попов в 2005 г. накануне юбилея Победы «объясняет» гражданам мотивы, по которым власть стала отмечать этот праздник: «Я понимаю, что все это не случайно. Оказавшись почти что у разбитых корыт в Чечне и Беслане, в обещаниях увеличить ВВП и прочих начинаниях, не имея за душой ничего такого, что могло бы вдохновить всех нас, наши лидеры однопартийного разлива собираются ухватиться за шинель Сталина и даже влезть в его сапоги» [111].

И этот человек обучает российских студентов! Ведь он полон ненависти и к государству, и к населению. Таковы и недавние заявления Г.Х. Попова.

Он пишет: «Обозначу сугубо тезисно главные проблемы. Их мы обсуждали в Международном союзе экономистов, и они, надеюсь, будут полезны всем, в том числе участникам встречи двадцати ведущих стран мира…

Необходимо изъять из национальной компетенции и передать под международный контроль ядерное оружие, ядерную энергетику и всю ракетно-космическую технику. Нужна передача

под глобальный контроль всего человечества всех богатств недр нашей планеты. Прежде всего — запасы углеводородного сырья» [55].

Главное для хозяев мира, по его мнению, — срочно очистить генофонд человечества посредством массовой выбраковки неплатежеспособных зародышей, запретить плодиться нищим, а число бюллетеней при выборах в Госдуму выдавать в одни руки согласно доходу избирателя. Ну и, на всякий случай, изъять у России ядерное оружие (намек на неполное доверие российским правителям).

Вся эта гвардия стареющих шестидесятников, занимая в течение 30–40 лет командные высоты в образовании и учреждениях общественных наук, имела возможность отобрать и воспитать в духе своей парадигмы когорту молодых обществоведов и гуманитариев. В основном они и сидят за рычагами нынешней идеологической машины. Это делает наш кризис почти неизбывным.

12. Уход от рефлексии: постсоветские аксиомы о социологии

В середине 2012 г. директор Института социологии РАН академики М.К. Горшков опубликовал важную статью о том, каким должен быть статус российской социологии в системе государственной политики и управления [125].

Он не высказал свои предположения и пожелания, не выдвинул тезисы, которые можно было бы обосновать или аргументированно отвергнуть. Он сформулировал восемь *аксиом*, которые, по его мнению, «не нуждаются в доказательствах». Это, безусловно, настоящая инновация! Но мы все-таки, рассмотрим некоторые аксиомы скептически.

Вторая аксиома гласит: ***«В постоянно меняющемся современном обществе социолог все в большей степени превращается в эксперта, участвующего в оценке и прогнозировании возможных социальных результатов политико-управленческих решений, в экспертизе законопроектов, призванных регулировать социогуманитарные процессы на основе учета национального менталитета россиян и тенденций общекультурного развития мирового сообщества».***

Она важна тем, что предлагает законодательно присвоить социологам статус участников *«разработки и принятия ключевых для жизни общества управленческих решений»*. Очевидно, это кардинально изменило бы нынешние представления о социологии. В социологе видели бы исследователя научного типа, который ориентирован на *истину* и добывает достоверное знание о структуре общества и происходящих в нем процессах. Но достоверное знание — это знание объективное, *беспристрастное*, оно говорит *«что есть»*, а не *«что должно быть»*. Напротив, разработка и принятие ключевых для жизни общества решений — это *политика*. Она ориентирована на *цель*, отвечающую определенным ценностям, которые говорят, *«что должно быть»*.

Эксперт, разрабатывающий политическое решение для власти, выполняет задание партии власти, а эксперт оппозиции — задание партии оппозиции. Их функции совершенно иные, чем у социолога. Когда академик Т.И. Заславская в 1990 г. говорила о необходимости «демонтажа тоталитарной государственно-монополитической системы [СССР] в целях ее замены более эффективной системой “социального капитализма”, сочетающего частную собственность с демократической формой политического правления и надежными социальными гарантиями для трудящихся», она выступала не как социолог, а как начальник идеологического отдела генерального штаба антисоветской революции. О поиске истины тут и речи не было: при «демонтаже» Россия потеряла половину экономического потенциала — вот «социальные результаты социогуманитарных процессов», которые были запущены элитарными социологами с помощью идеологической машины КПСС.

И после этого М.К. Горшков пишет, что *«назрела практически-политическая необходимость в принятии специального законоположения, обязывающего (!) органы власти проводить предварительную социологическую экспертизу в процессе разработки и принятия ключевых для жизни общества управленческих решений»*. Так Россия и второй половины хозяйства лишится.

И как странно! Он сам же пишет: *«Специфика социологии заключается в том, что от стратегии исследователя во многом зависят выбираемые им объекты и предметы анализа, задействованные методики*. Можно найти среди них те, которые

действительно помогают “определять” и “понимать” социальный мир с целью его дальнейшего научного познания. А можно и наоборот, использовать технологии, ставящие социологию на службу “управления существующим порядком”… И здесь, естественно, возникает вопрос: *кем и в чьих интересах используются эти ресурсы?*».

Ну как же можно верить такому сообществу? Ведь ясно, на чью мельницу будут лить воду прикормленные властью и «элитой» социологи. Нет, пусть уж лучше занимаются поиском истины подальше от соблазнов.

Аксиома четвертая гласит: ***«Будучи наукой об обществе, социология неизбежно испытывает на себе влияние окружающей социальной среды, властных институтов. А это означает: какое общество, такая и власть, какая власть, такая и социология, ее роль в системе социального управления»***.

Но ведь это полностью противоречит второй аксиоме! Если «*какая власть, такая и социология*», то зачем вообще эта социология? Все истины и указы нам сообщат герольды под барабанный бой.

Подчеркнем важнейшее обстоятельство: состояние «*какая власть, такая и социология*» возникло именно тогда, когда власть ликвидировала СССР и его социальную систему, сложившееся в СССР межэтническое общежитие, основанное на взаимопомощи и солидарности народов, провела приватизацию промышленности и земли и ввергла в бедность большую часть населения. А в советском государстве, безусловно социальном, социологи были, в большинстве своем, латентными врагами этого строя и этого государства [126]. Как вспоминал В.В. Шубкин, социологи, преодолевшие искушение сотрудничеством с обманувшей их надежды властью, теперь рассматривают социологическое исследование как «*сопротивление системе, но с помощью научного знания*» (см. [126]). Более того, социологию считалось «*вполне оправданно рассматривать как общественное движение — латентное общественное движение, обладающее … устойчивыми воспроизводимыми практиками коллективных действий, не только собственно исследовательских, но и гражданских, в том числе протестных, осуществляемых в условиях скрытого, а иногда и явного социального конфликта*» (см. [126]).

Не слишком убедительным кажется и такое объяснение недооценки социологии властью: «С другой стороны, нельзя отрицать и того, что научная социология оказалась “избыточной” для целей реформирования общества, с очевидностью предпочитающего опираться на “простые решения”, чаще всего продиктованные прагматической целесообразностью текущего момента». Из всего сказанного выше видно, что властные команды и Горбачева, и Ельцина следовали идеологам реформы, видную часть из которых составляли социологи. Проблема как раз заключалась в том, что их социология не была *научной*, они выступали как *идеологи*.

Это ведь признает и сам М.К. Горшков. Он так характеризует «следующие черты деятельности отечественных социологов, все отчетливее проявляющие себя в последнее время:

– *социологический сервилизм*: в сложившейся системе взаимодействия с властными структурами социологи, чаще всего, исполняют гувернерские, обслуживающие функции. … Их задача сводится не к выявлению и пониманию социальной реальности, а к предугадыванию ожидания властей предержащих;

– *доминирование в социологической науке таких тем, которые связаны с оправданием сложившегося в России социального уклада*».

Ну так о чем тогда говорить! Сервилизм — свойство слуги, а не ученого. А обществу и государству требуются именно ученые, добывающие достоверное знание, как врач, ставящий диагноз.

Именно о становлении такой социологии, по-моему, и говорится, иносказательно, в этой печальной статье академика М.К. Горшкова.

Раздел III. Постсоветское обществоведение: изъяны школьного учебника

13. О школьном учебнике обществознания

14 февраля 2014 г. я участвовал в семинаре, на котором обсуждалась картина глубокого и продолжительного кризиса российского обществоведения. Выдвигались гипотезы о причинах этого кризиса, делались попытки найти какие-то средства, чтобы если не парализовать, то хоть затормозить деградацию. Конструктивных предложений было мало, и были они очень неуверенными. Нет еще надежного диагноза.

Но кто-то заметил, что стоило бы подвергнуть критическому анализу школьные учебники «Обществознания». Они пишутся более понятно и просто, чем труды академиков, их читает множество учителей и учеников, возникает, пусть неявно, какая-то дискуссия. Для начала это — хороший учебный материал.

Я внимательно изучил один учебник, и, кажется, могу начать этот экспериментальный проект. Очень не хочу обидеть авторов учебника — критиковать несравненно легче, чем самому писать такую книгу. Постараюсь выразиться ясно — и не сорваться в болото занудливых придирок.

В общем, сформулирую замечания к учебнику «Обществознание» (8 класс общеобразовательных учреждений). Выпущен изданием «Просвещение» в 2012 г. (3-е издание) под грифом «Российская академия наук и Российская академия образования» в серии «Академический школьный учебник». Он рекомендован Министерством образования и науки Российской Федерации. Руководитель авторского коллектива Л.Н. Боголюбов, акад. РАО.

У меня много замечаний, из них выберу иллюстративные. Не все из них главные — главные требуют большой работы и объема, а сейчас важно понять, как надо (или, скорее, как не надо) делать новый учебник. Начинаю выкладывать замечания, не тратя слишком много времени на шлифовку стиля и политкорректность.

1. Прежде всего, разумеется, учебник старается дать главный признак, который выделял бы *человека* из всех других сущностей. Вот первая фраза учебника: «**Как известно, в человеке сочетаются природное (биологическое) и социальное (общественное) начала**».

Но это определение не годится!

Даже очень многие школьники заметят, что сочетание *природного* и *социального* вовсе не является уникальной особенностью человека. Летом дети много раз за день наблюдают жизнь *социальных животных* самых разных классов. Один сунет палку в муравейник, другой забежит на пасеку, понаблюдают стаю грачей, которая готовится к отлету, удивятся порядку, который соблюдают на собрании кошки, почитают об организации волчьей стаи, посмотрят по телевизору на антилоп и обезьян и т. д.

Сочетание природного и социального в животном мире — не редкость, а присущее ему качество.

Почему не указать ученику на главное — человек выделяется из природы тем, что он, *и только он*, обладает *разумом, языком и нравственностью*? А дальше уж можно пояснить, что человеческое общество связано в основном *культурой*, порожденной этими приобретениями человека, а не *инстинктами*, как у муравьев или волков.

2. Дальше идет концептуальное (даже идеологическое) определение человека: «**Человек как один из людей — индивид (от лат. *individuum* — отдельный человек)**. Индивид — это самая общая характеристика человека».

Это определение неверно уже потому, что учебник исходит из неверного перевода слова «*индивид*». Новое представление о человеке — *индивид* — возникло в ходе Реформации и буржуазных революций. *Ин-дивид* — это буквальный перевод на латынь греческого слова ***а-том***, что по-русски означает ***неделимый***. Понятие индивид было нагружено огромным философским и идеологическим смыслом, и перевести его в учебнике обществоведения как «отдельный» — грубейшая ошибка. Ведь это не учебник биологии, но и там отдельного кролика называют не индивидом, а *особью*.

Возрождение атомизма объясняется культурно-идеологическими потребностями, тенденцией к «атомизации» общества в Западной Европе XVII–XVIII вв. Тот индивидуализм, на котором основано в рыночной экономике свободное предпринимательство, не мог возникнуть без ощущения человеком себя как *свободного атома* человечества.

Становление механистической картины мира и представление человека как атом решали задачи идеологии восходящего буржуазного общества. Важное значение имели для этого *атомистические* представления о строении материи. Они, находившиеся много веков в «дремлющем» состоянии, были выведены на авансцену именно идеологами — прежде всего, философом XVII в. Пьера Гассенди, «великим реставратором атомизма». Уже затем атомистика была развита естествоиспытателями — Бойлем, Гюйгенсом и Ньютоном.

Человек стал атомом человечества — свободным, неделимым, в непрерывном движении и соударениях. При этом каждый имел в частной собственности свое *тело*. Оно стало исходным элементом *частной собственности*. Каждый человек является неделимой целостной частицей, т. е., разрываются все человеческие связи, в которые раньше он был включен. Происходит разделение прежнего общества на пыль свободных индивидов.

В России сам смысл понятия «индивидуум» широкой публике даже до сих пор неизвестен — это слово воспринимается как синоним слова «личность», что имеет совершенно иной смысл. В России альтернативная антропологическая модель (человек как *соборная личность*) оформилась в конце XIX века в трудах философов-немарксистов (П. Хомяков, К. Леонтьев, Вл. Соловьев). В России человек представлял средоточие множества человеческих связей. Он был «разделен» в других и вбирал других в себя. Человек всегда включен в солидарные структуры (патриархальной семьи, деревенской и церковной общины, трудового коллектива, пусть даже шайки воров). Здесь отсутствовал сам дуализм индивид-общество.

Индивидуализм и механистическая картина мира глубоко и надолго укоренились в общественном сознании Запада. В начале XX в. английский философ Э. Карпентер пишет: «Примечательно, что в течение этой механистической эры последнего сто-

летия мы не только стали рассматривать общество через призму механистического мышления, как множество индивидуумов, изолированных и соединенных простым политэкономическим отношением, но и распространили эту идею на всю Вселенную в целом, видя в ней множество изолированных атомов, соединенных гравитацией или, может быть, взаимными столкновениями».

Излагая концепцию «освободительного дарвинизма» Кропоткина, испанский историк науки А. Гутьеррес Мартинес замечает: «Самоутверждение индивидуума было восславлено и стало подсознательной частью культурного наследия Запада. Напротив, идея взаимопомощи была забыта и отвергнута». А. Тойнби сказал об антропологическом выборе рыночного общества: «Идолатрия самодовлеющего человеческого индивидуума приводит к репрессированию Со-Страдания и Любви к страждущему — этих естественных для Человека как общественного животного черт».

Индивидуализм — трагедия западной культуры. М. Вебер пишет о духовных причинах сдвига к индивидуализму: «Верой, во имя которой в XVI и XVII вв. в наиболее развитых капиталистических странах — в Нидерландах, Англии, Франции — велась ожесточенная политическая и идеологическая борьба и которой мы именно поэтому в первую очередь уделяем наше внимание, был *кальвинизм*. Наиболее важным для этого учения догматом считалось обычно (и считается, в общем, по сей день) учение об *избранности* к *спасению*. … Это учение в своей патетической бесчеловечности должно было иметь для поколений, покорившихся его грандиозной последовательности, прежде всего один результат: ощущение неслыханного дотоле внутреннего *одиночества отдельного индивида*. В решающей для человека эпохи Реформации жизненной проблеме — вечном блаженстве — он был обречен одиноко брести своим путем навстречу от века предначертанной ему судьбе».

Можно ли было скрывать в учебнике «Обществознание» столь важные смыслы банальной подменой термина! Ведь российское общество тем и отличается от западного, что в нашем господствуют иные антропологические представления — мы не осознаем себя как индивиды.

А ведь это — общий недостаток всего учебника. Термины и понятия берутся из западной литературы и используются, не предупреждая учеников и учителей о том, что в разных культурах им придаются разные смыслы. Что же касается России, в том числе постсоветской, применение чужих понятий без тщательного «перевода» на русский язык делает очень большое число утверждений учебника ложными.

3. Далее рассуждения об индивидах и личностях становятся бессвязными, и смысл их включения в первую главу учебника непонятен.

Сначала более подробно раскрывается смысл понятия *индивид*:

«Среди признаков человека есть и те, которые свойственны конкретному человеку, одному-единственному (отпечатки пальцев, тембр голоса и т. д.). Эти признаки относятся к индивидуальным. Они отличают одного человека от других, по этим признакам человека нельзя перепутать с другими. Если в своих проявлениях человек самобытен, неповторим, его легко отличить от всех иных, о нем говорят: “Это яркая индивидуальность”.

Особенно дорожат этой характеристикой люди творческого труда — писатели, поэты, художники, актеры, музыканты. Для художника-творца важно индивидуальное начало… Следовательно, индивидуальность — характеристика человека в обществе».

О чем это, зачем здесь? Тембр голоса, нельзя перепутать с другими, яркая индивидуальность… При чем здесь актеры и музыканты — это особый класс индивидов? Что такое «характеристика человека в обществе» по отпечаткам пальцев и «самобытности в своих проявлениях»?

Дальше — переход на личности. Недоумение нарастает. Сказано: «Еще один признак, присущий только человеку, — быть личностью… Понятие “личность” непременно связывают с существованием общества. **Личность** несет в себе определенные ценности, качества, которые общество признает значимыми, важными, необходимыми».

Что значит «быть личностью — еще один признак человека»? А какой первый признак — быть индивидом или иметь тембр

голоса? Получилось так, что *индивид* и *личность* — как будто разные подвиды людей. Для художника-творца важно индивидуальное начало, иные даже получают титул «яркая индивидуальность». А зато «личность несет в себе определенные ценности». Какая мешанина! При этом слово *личность* ассоциируется с *добром*! Ценности которые «несет личность», — всегда хорошие, «которые общество признает значимыми, важными, необходимыми». А если кто пришел на Болотную площадь или на Майдан, то их из списка личностей вычеркивают?

И в конце — контрольный вопрос на усвоение: «Какие признаки человека характеризуют его как индивидуальность, а какие — как личность?»

Лучше бы школьникам в их усталые мозги этот туман не нагнетать!

4. § 2 начинается вопросом **«Что мы называем обществом»**.

«Научный» ответ учебника таков: «В науке обществом называют часть мира, отличающуюся от природы».

Это определение вызывает недоумение. В какой науке «обществом называют часть мира, отличающуюся от природы»? Да может ли быть такая наука, противоречащая здравому смыслу?

Во-первых, человеческое общество — часть природы, поскольку люди являются *биологическим видом*. Посмотрите на врача — объект его усилий есть биологическая система, хотя и специфическая.

Во-вторых, мы живем в особом искусственном мире, который не является обществом — *техносфере*. Вот, мой компьютер есть «часть мира, отличающаяся от природы» — разве наука назовет его *обществом*? Думаю, даже если бы компьютеры всего мира собрались в одно место, их бы не назвали обществом (во всяком случае в контексте учебника «Обществознание»). А кирпич, о который я споткнулся — общество? Это какая-то странная импровизация в сфере понятий.

Дальше идет такое пояснение: «В широком смысле слова [общество] это все человечество. В него входят не только все ныне живущие люди».

На мой взгляд, это очень странная идея. Всегда считалось и считается, что общество и человечество — разные категории.

Человечество — глобальная совокупность всех людей, даже если для простоты охватить мысленно лишь «всех ныне живущих людей». Это большая сложная система, образованная множеством разных обществ, как организм, образованный множеством клеток, существенно различающихся между собой. Но ведь нельзя же сказать, что клетка — это весь организм, даже в самом широком смысле слова.

Еще больше усложняет дело расширение образа общества во времени: «Общество — это все человечество в его истории, современности и перспективе». Зачем здесь такое усложнение? Школьники (да и студенты, не говоря уж о генсеке КПСС Ю.В. Андропове) плохо представляют себе даже то общество, в котором живут «здесь и сейчас».

Почему было, не мудрствуя, не представить абстрактное общество как *систему*, обладающую структурой средней сложности, с социокультурными общностями как *элементами* и с информационными потоками и общественными отношениями как *связями*? С такой моделью можно было наглядно объяснить и динамику общества, и главные противоречия, и типы трансформации.

Недоумение вызывает такое утверждение: «Объединение людей в общество не зависит от чьего-то желания. Вступление в него происходит не по заявлению — каждый родившийся человек естественно включается в жизнь общества».

Как это «вступление людей в общество не зависит от чьего-то желания»? Как это «каждый родившийся человек *естественно* включается в жизнь общества»? Что это за утопия? В какое общество «естественно» включался ребенок, родившийся у рабов? А кто такие отщепенцы, маргиналы, изгои и изверги? Что такое «социальное дно»? Может ли человек, отбывающий пожизненное заключение, вступить в общество «не завися от чьего-то желания»? Изучение судьбы «выброшенных из общества» — одна из важных областей социологии. Вот, например, диссертация «Социальная эксклюзия семей, имеющих детей-инвалидов» (2010) — что означает ее название? А поток публикаций о социальной эксклюзии пенсионеров временами становится бурным — здесь и сейчас.

На мой взгляд, неудачно проведено структурирование общества по «сферам деятельности». Грубое расчленение систем чре-

вато ошибками «divisio» (разделения). При этом возникают воображаемые сущности, которые на деле являются понятиями, служащими для анализа. Это следовало бы объяснить ученикам, чтобы предупредить ошибки гипостазирования (типичные для нашего обществоведения).

В учебнике представляют структуру общества как деятельности таким образом:

«*Экономическая сфера* является во многом определяющей по отношению к другим сферам. В нее входят промышленное и сельскохозяйственное производство, отношения людей в процессе производства, обмен продуктами производственной деятельности, их распределение.

Социальная сфера включает в себя слои и классы, классовые отношения, нации и национальные отношения, семью, семейно-бытовые отношения, учреждения воспитания, медицинского обслуживания, досуга.

Политическая сфера жизни общества включает в себя государственную власть, политические партии, отношения людей, связанные с использованием власти для реализации интересов тех или иных социальных групп.

Духовная сфера охватывает науку, нравственность, религию, искусство, научные учреждения, религиозные организации, учреждения культуры, соответствующую деятельность людей».

Наполнение этих разделов показывает, что такое расчленение целостности не дает хорошего подхода к анализу. Так, образ экономической сферы скорее представляет социальные отношения и политику, а критически важные составляющие общественного производства в выбранном «срезе» почти не видны. Лучше было бы провести такое структурирование общества позже, когда ученики будут лучше ознакомлены с «анатомией» общества на содержательном материале.

5. Очень важен, особенно для России, общество которой быстро трансформируется, раздел **«Ступени развития общества»**. На мой взгляд, эта тема раскрыта совершенно неудовлетворительно, с грубыми ошибками.

Вот главный тезис: «Общество прошло длительный путь, на котором наука выделяет несколько ступеней. Если рас-

сматривать в первую очередь средства, с помощью которых люди производят необходимые им материальные блага, а также опыт, накопленный в таком производстве, то можно увидеть три ступени в развитии общества: *традиционное* (аграрное), *индустриальное* и *постиндустриальное* общество».

Классификация обществ по формационному признаку ***ошибочно***, она — продукт евроцентризма, который в XIX веке был мета-идеологией Запада. Суть ее — утверждение, будто лишь Запад нашел «столбовую дорогу» развития цивилизации, а остальные страны и культуры отстали от него, но рано или поздно вернутся на эту дорогу и пройдут тот же путь, что и Запад, поднимая со ступеньки на ступеньку.

Влияния этого евроцентризма не избежали ни Спенсер и Дюркгейм с Теннисом, ни Маркс, который описывал общество Индии, исходя из докладов Ост-Индской компании. Все эти авторы обладали скудным знанием о традиционных обществах, и привлекать их как авторитетных ученых по этому вопросу нельзя. Тем более, мало изучены первобытные общества, в которых материальные блага в большей мере *добывались*, а не *производились* (общества охотников и собирателей). Но главное, *традиционное* и *индустриальное* общества уже в XIX веке различались не средствами производства, а культурой (мировоззрением и антропологией).

К концу XIX века Япония была развитой индустриальной страной (что показала и русско-японская война), но ее общество было типичным традиционным обществом. Широкое исследование традиционных обществ началось в 1940–50-е годы, когда прошла мировая волна революций («не по Марксу») именно в этих обществах — в крестьянских странах от России и Китая до Мексики. А за ними поднялась волна антиколониальных национальных движений. Тогда и кинулись антропологи изучать традиционные общества.

Но почему для учебников берут устаревшие представления через 60–70 лет после классических исследований и продолжают игнорировать эти исследования?

Вот что написано в учебнике «Обществознание» издания 2012 г. о традиционных обществах:

«Для первой ступени — *традиционного (аграрного) общества* — характерно господство сельского натурального хозяйства, сословной иерархии, решающая роль в жизни общества принадлежит хранителям культа — жрецам либо церкви и армии».

Это совершенно ошибочное мнение, даже очень странное в наше время. Традиционное общество вовсе не является *косным*, застойным. В особых условиях (прежде всего, при достаточной независимости от Запада) оно выполняет проекты быстрого и мощного развития с высоким уровнем инновационной активности (это видно на примере России, Японии, сегодня — Китая, многих стран). Как можно назвать косным российское общество в XIX–XX веках — политологи забыли о русской революции, которая «потрясла мир»?

Далее говорится: «На следующей ступени — в *индустриальном обществе* — происходят значительные перемены… Это общество основано на развитии крупного машинного производства (вспомните из курса истории, как и когда оно возникло), для него характерно использование научных достижений в качестве основного фактора производства».

Это — предрассудок XIX века! Вовсе не во всех промышленно развитых странах сложилось современное общество, это очевидно. Индия, Корея — развитые промышленные страны — сохранили главные черты традиционного общества, сумев своей культурой «закрыться» от Запада. Степень индустриализации не служит критерием для отнесения общества к тому или иному типу.

О *постиндустриальном обществе* в учебнике сказано: «Наиболее экономически развитые страны мира (США, Япония и др.), по мнению многих ученых, переходят на третью ступень развития — вступают в *постиндустриальное общество*. Такое общество в отличие от индустриального не рассматривает природу как «склад сырья», из которого можно бесконечно брать, поддерживая расширяющуюся экономику; производство постиндустриального общества ориентировано не на объемы, а на качество продукции, на потребителя…

В постиндустриальном обществе ведущими становятся производство научных знаний, научные исследования и разработки,

опирающиеся на университетское (всестороннее) образование. В экономике сфера услуг начинает преобладать над производством товаров».

Это представление о *постиндустриальном обществе* неадекватно. Оно навеяно оптимистической футурологией 1970-х годов (типа «Третьей волны» А. Тоффлера). В действительности постиндустриальное общество — это *гипериндустриальное* общество. Неважно, что ТНК вывозят предприятия массового промышленного производства и сборочные предприятия в Азию, Бразилию, Мексику — эти производства создают материальную базу для создания новых производств в метрополии капитализма. Нет никаких признаков, что «в экономике сфера услуг начинает преобладать над производством товаров», — достаточно посмотреть межотраслевые балансы США.

«Попытки рассчитать взаимосвязь между ростом производительности и насыщенностью информационными технологиями не принесли никаких статистически значимых результатов», — сказано в солидном исследовании американской аудиторско-консалтинговой компании McKinsey «Рост производительности труда в США в 1995–2000».

В 2004 г. корпоративная прибыль предприятий на территории США составила 1,037 трлн долл., еще 316,4 млрд поступило от иностранных филиалов и дочерних компаний. Прибыль от производства «постиндустриальных» товаров такова: «компьютеры и продукты электроники» принесли убыток в 4,9 млрд долларов, «информация» дала прибыль 43,9 млрд долл. «Основным источником» это никак не назовешь. Рынок «постиндустриальных» товаров и услуг очень невелик и в экономическом смысле они убыточны — огромные капиталовложения в их производство приходится списывать.

Ценность постиндустриального производства — вовсе не прибыль, позволяющая увеличить «личное потребление». Это *источник силы*, дающий группе постиндустриальных стран возможность занять в мире привилегированное положение и получать от него большие выгоды.

6. Утверждение, что для различения типов общества следует «рассматривать в первую очередь средства, с помощью которых

люди производят необходимые им материальные блага, а также опыт, накопленный в таком производстве», за последнее столетие стало уже совсем ложным. Классификация обществ по ступеням (формациям) утратила различительную силу, как только множество незападных обществ осуществили индустриализацию и модернизацию. Исламский Иран или буддийский Таиланд отличались и отличаются от Англии или Франции и в прошлом, когда были аграрными обществами, и сегодня, когда они стали индустриальными странами.

Чтобы их различать, надо обратиться к *духовной сфере*, которая вскользь упомянута в предыдущем параграфе и которая «охватывает, нравственность, религию, искусство» — в общем, культуру. Здесь-то и надо было развить тему различий культур, которые и предопределяют различия обществ и государств — при их схожести по многим признакам. Ведь знать их очень важно для подростков — в этом возрасте вырабатывается сознательное отношение к своей стране и ее культуре.

Вот, например, виднейший французский знаток России А. Безансон пишет: «Европа как целое — постепенно вызревший плод уникального исторического опыта. Но можно ли в таком случае сказать, что Россия — часть Европы? Пройдемся по списку главных признаков “европейскости”: средневековая церковь и империя? нет, ничего подобного Россия не знала. Феодализм и рыцарство? нет. Возрождение и Реформация? нет. Таким образом, нет никаких оснований считать Россию частью Европы».

Кажется, это убогий перечень элементов для сравнения. Но важна суть подхода. Прочитав этот перечень, человек задумается. Разве в России не было «средневековой церкви и империи»? Да, в западном понимании не было, потому что и Церковь, и империя России были настолько *иными*, чем на Западе, что вся конструкция оказывалась иной. Мы вспомним, какую роль сыграли в судьбе Европы религиозные ордены — тамплиеры и госпитальеры, францисканцы и иезуиты. Они создавали финансовую систему Запада, всепроникающую инквизицию и всемирную тайную политическую сеть.

Не было этого в России, как не было и многолетних внутриимперских войн европейского типа. Столетняя война, Тридцатилетняя война, война Алой и Белой розы — можно себе представить

такое в России? Не было походов Карла Великого, превративших Европу в «кладбище народов», не было и Крестовых походов.

Поэтому России и не требовалось «Возрождения» от темного Средневековья, не надо было искать образцов в греческой античности. И такого «национального несчастья», как Реформация, у нас не случилось — православие не породило в России религиозных войн, уносящих до двух третей населения. Не было и костров, на которых в Европе сожгли около миллиона «ведьм». Не было варфоломеевских ночей, не было алхимии, «огораживаний», превративших большинство населения в пролетариев и бродяг. Не было очистки целых континентов от местного населения. Не было работорговли, которая опустошила западную Африку, опиумных войн, поставивших на грань вымирания Китай. Не было русского Наполеона, не было и русского фашизма — колоссального по мощности «припадка» Запада.

А ведь все это — конституирующие элементы становления современного Запада. Много чего *не было* в России, и совокупность всего этого очень весома. И так — на всех «ступенях».

7. Далее идет параграф **«Развитие общества»**.

По-моему, внятного изложения смысла самого понятия «развитие» не дано, его заменило предельно странное противопоставление двух разных и одинаково важных механизмов развития — эволюционного и скачкообразного.

В учебнике сказано: «Многие философы, социологи, историки поддерживали идею *эволюционного* развития… Отрицать постепенный, эволюционный характер многих изменений в обществе не приходится… Иной взгляд на проблему отстаивали последователи марксизма. Согласно этому учению решающую роль в обновлении общества играют *социальные революции*».

Это — сумбур, противоречащий и фактам и логике. Что значит, что «многие социологи и пр. поддерживали идею эволюционного развития»? Они что, поддерживают одну из альтернативных политических программ? Процесс эволюционного развития давно признан фактом, и эту «идею» не требуется поддерживать в светской школе. Тем более странна фраза в конце раздела: «В современной науке эволюционная теория развития общества и теория качественных скачков не противоречат, а дополняют

друг друга». Что здесь понимается под «современной наукой»? XIX век? И почему из нее исключается марксизм?

Но продолжение этой темы вдруг ведет к необычному утверждению: «Отрицать постепенный, эволюционный характер многих изменений в обществе не приходится… Иной взгляд на проблему отстаивали последователи марксизма».

Это утверждение на грани абсурда. Никакой психически здоровый человек и не думает отрицать «постепенный, эволюционный характер *многих изменений* в обществе» — на кого рассчитана эта фраза? Но, оказывается, есть на земле такие безумцы — это «последователи марксизма»! У них «иной взгляд на проблему»! Откуда это вылезло? Кто из этих «последователей» отрицал «постепенный, характер многих изменений в обществе»? В каких выражениях?

Очевидно, что даже если считать, что «решающую роль в обновлении общества играют *социальные революции*, это вовсе не значит, что Маркс и его последователи отрицали «постепенные изменения». Зачем в школьном учебнике выставлять их идиотами? Кстати, я почти уверен, что многие авторы этого учебника еще сравнительно недавно были пылкими «последователями марксизма».

Есть еще пара замечаний, небольших.

Во-первых, Маркс вовсе не всегда считал, что «решающую роль в обновлении общества играют *социальные революции*». Он считал, что такую роль играют лишь те революции, которые открывают возможности для развития производительных сил. При его жизни таковыми были *буржуазные* революции. А, например, революцию союза рабочих и крестьян, которая имела целью предотвратить развитие капитализма в России, он квалифицировал как реакционную, мешающую прогрессу — хотя она была *социальной*.

Во-вторых, основная масса «последователей марксизма» в XIX и XX вв. избрала как раз именно *эволюционный* путь развития общества. Это были социал-демократы (наверняка знакомое авторам учебника понятие). Они отказались от социальных революций, за что ранние коммунисты называли их ревизионистами. А потом и коммунисты за ними потянулись. Так что этот раздел учебника содержит поклеп на большинство «последователей марксизма».

А вот серьезное замечание, хотя, конечно, в учебнике 8 класса его разбирать было бы рано. Вот в чем суть: антрополог К. Леви-Стросс предупреждал, что «эволюционная теория общества» таит в себе ловушку. Эту теорию надо воспринимать как *метафору*.

Он писал в книге «Структурная антропология: Миф, общество, человечество»: «Биологический эволюционизм и псевдоэволюционизм, который мы рассматриваем — совершенно разные доктрины. Первая возникла как широкая рабочая гипотеза, основанная на наблюдениях, в которых удельный вес интерпретации исключительно мал… Но когда от фактов биологии переходят к фактам культуры, все резко усложняется. Можно извлечь из земли материальные объекты и убедиться, что, согласно глубине геологических слоев, форма или способ изготовления определенных объектов изменяется. И, тем не менее, один топор не рождает физически другой топор, как это происходит с животными. Сказать в этом случае, что один топор эволюционировал из другого, представляет из себя метафорическую формулу, не обладающую научной строгостью, которую имеет аналогичное выражение в отношении биологических явлений. И то, что верно для материальных объектов, физическое существование которых доказывается раскопками, еще более справедливо по отношению к общественным институтам, верованиям, вкусам, прошлое которых нам обычно неизвестно.

Концепция биологической эволюции сопряжена с гипотезой, имеющей самый высокий коэффициент вероятности, который достижим в сфере естественных наук; напротив, концепция социальной и культурной эволюции дает, в самом лучшем случае, лишь соблазнительную и опасно удобную процедуру представить действительность» [81].

8. В завершение раздела высказано утверждение совершенно нелепое: «Оглянитесь вокруг себя — подавляющее большинство вещей, с которыми вы имеете дело в повседневной жизни, создано не ранее середины прошлого века».

Господа авторы учебника, *оглянитесь вокруг себя*! Неужели вы всерьез верите, что хлеб и водка с огурцом, тарелка и скатерть, ботинки и штаны, книги и скрипка, — «созданы не ранее середины прошлого века»? В начале XX века на Западе был болезненный

всплеск фетишизма по отношению к новой технике. Но ведь там это быстро прошло! К. Леви-Стросс это объяснил, учителя прочитали и задумались, а потом растолковали школьникам. Разум победил довольно легко — это мелкий эпизод в истории культуры. А что у нас?

Уважаемый автор «Независимой газеты» А. Фридберг пишет: «Через западные границы пришло в Россию все, что и по сей день является основанием могущества и национальной гордости России… — все виды транспорта, одежды, большинства продуктов питания и сельскохозяйственного производства — можно ли сегодня представить Россию, лишенной этого?» [127].

Действительно, невозможно себе представить Россию, вдруг лишенной всех видов одежды — а можно ли представить себе взрослого интеллигента, всерьез озабоченного такой перспективой? И как это, интересно, Запад предполагает отнять все, что он так щедро пропустил через свои границы в Россию? Но если серьезно, то это евроцентризм в маниакальной стадии. И даже если встать на уровень рассуждений Фридберга — неужели он всерьез считает, что «большинство видов сельскохозяйственного производства» созданы Западом?

Леви-Стросс пишет: «Вся научная и промышленная революция Запада умещается в период, равный половине тысячной доли жизни, прожитой человечеством. Это надо помнить, прежде чем утверждать, что эта революция полностью перевернула нашу жизнь».

А дальше он ставит под сомнение сам критерий, по которому оценивается культурный вклад того или иного народа: «Два-три века тому назад западная цивилизация посвятила себя тому, чтобы снабдить человека все более мощными механическими орудиями. Если принять это за критерий, то индикатором уровня развития человеческого общества станут затраты энергии на душу населения. Западная цивилизация в ее американском воплощении будет во главе…

Если за критерий взять способность преодолеть экстремальные географические условия, то, без сомнения, пальму первенства получат эскимосы и бедуины. Лучше любой другой цивилизации Индия сумела разработать философско-религиозную систему, а Китай — стиль жизни, способный компенсировать

психологические последствия демографического стресса. Уже три столетия назад Ислам сформулировал теорию солидарности для всех форм человеческой жизни — технической, экономической, социальной и духовной — какой Запад не мог найти до недавнего времени и элементы которой появились лишь в некоторых аспектах марксистской мысли и в современной этнологии.

Запад, хозяин машин, обнаруживает очень элементарные познания об использовании и возможностях той высшей машины, которой является человеческое тело. Напротив, в этой области и в связанной с ней области отношений между телесным и моральным Восток и Дальний Восток обогнали Запад на несколько тысячелетий — там созданы такие обширные теоретические и практические системы, как йога Индии, китайские методы дыхания или гимнастика внутренних органов у древних маори…

Что касается организации семьи и гармонизации взаимоотношений семьи и социальной группы, то австралийцы, отставшие в экономическом плане, настолько обогнали остальное человечество, что для понимания сознательно и продуманно выработанной ими системы правил приходится прибегать к методам современной математики… Австралийцы разработали, нередко в блестящей манере, теорию этого механизма и описали основные методы, позволяющие его реализовать с указанием достоинств и недостатков каждого метода. Они ушли далеко вперед от эмпирического наблюдения и поднялись до уровня познания некоторых законов, которым подчиняется система. Не будет преувеличением приветствовать их не только как родоначальников всей социологии семьи, но и как истинных основоположников, придавших строгость абстрактного мышления изучению социальных явлений».

В этом перечислении Леви-Стросс приводит крупные и даже великие достижения культуры. Вероятно, автор учебника, «оглянувшись вокруг себя» просто их не заметил. Учитывая эту возможность, Леви-Стросс привел и примеры вещей «для повседневной жизни» — причем вещей, которые создали потомки наших сибирских народов, предшественников якутов. Он считает это редким случаем кумулятивного, не прерываемого (вплоть до вторжения европейцев) технологического развития в истории:

«За этот период [15–20 тыс. лет после перехода через Берингов пролив в Америку] эти люди продемонстрировали один из самых немыслимых случаев кумулятивной истории в мире: исследовав от северной до южной оконечности ресурсы новой природной среды, одомашнив и окультурив целый ряд самых разнообразных видов животных и растений для своего питания, лекарств и ядов и даже — факт, который не наблюдался нигде больше — превращая ядовитые вещества, как маниока, в основной продукт питания, а другие — в стимуляторы или средства анестезии; систематизируя яды и снотворные соединения в зависимости от видов животных, на которых они оказывают селективное действие, и, наконец, доведя некоторые технологии, как ткачество, керамика и обработка драгоценных металлов до уровня совершенства.

Чтобы оценить этот колоссальный труд, достаточно определить вклад Америки в цивилизации Старого Мира. Во-первых, картофель, каучук, табак и кокаин (основа современной анестезии), которые, хотя и в разных смыслах, составляют четыре опоры западной цивилизации; кукуруза и арахис, которые революционизировали африканскую экономику даже до того, как были широко включены в систему питания Европы; какао, ваниль, помидоры, ананас, красный перец, разные виды бобовых, овощей и хлопка.

Наконец, понятие нуля, основа арифметики и, косвенно, современной математики, было известно и использовалось у майя как минимум за пятьсот лет до его открытия индийскими мудрецами, от которых Европа научилась ему через арабов. Поэтому, видимо, календарь той эпохи у майя был точнее, чем в Старом Мире. Чтобы определить, был ли политический режим инков социалистическим или тоталитарным, было исписано море чернил. В любом случае, этот режим выражался через самые современные формулы и на несколько веков опередил европейские феномены того же типа».

Этот раздел очень слабый.

9. В учебнике коснулись проблемы кризиса. Понятно, что это — исключительно сложная проблема для учителя и школьника. Методология трактовки не разработана, подросток на готов к тому, чтобы рационально и хладнокровно освоить эту проб-

лему. Большинство подростков тяжело переживают эту беду, которая обрушилась на их семью и часто на них самих лично. Но мне кажется глубоко ошибочной попытка учителя дать ложную трактовку этим переживаниям ученика, лишить эту беду статуса экзистенциальной драмы, тем более фальсифицируя образ реальности, с которой ученик уже столкнулся. Эта фальсификация и это принижение беды может вызвать лишь возмущение и добавит подростку страданий.

Учебник так говорит о кризисе, вызванном реформами 1990-х годов: «Часто на первом этапе реформы приводят не к улучшению, а к ухудшению условий жизни значительной части населения. Сказывается элемент дезорганизации (прежние связи нарушены, новые еще не налажены), непоследовательность действий реформаторов, необходимость “затягивания поясов” для того, чтобы высвободить необходимые для преобразований средства. Кроме того, приспосабливаться к новым условиям жизни очень непросто, особенно для людей старшего поколения.

Видимо, поэтому, хотя история различных государств хранит имена своих крупных реформаторов, они редко бывают любимы современниками».

Авторы учебника «Обществознание» должны знать выводы социологов о восприятии кризиса школьниками. Так, в 1994 г. социологи исследовали состояние сознания школьников двух возрастных категорий: 8–12 и 13–16 лет. Выводы авторов таковы: «Наше исследование показало, что ребята остро чувствуют социальную подоплеку всего происходящего. Так, среди причин, вызвавших появление нищих и бездомных людей в современных больших городах, они называют массовое сокращение на производстве, невозможность найти работу, высокий уровень цен… Дети школьного возраста полагают, что жизнь современного россиянина наполнена страхами за свое будущее: люди боятся быть убитыми на улице или в подъезде, боятся быть ограбленными. Среди страхов взрослых людей называют и угрозу увольнения, страх перед повышением цен…

Сами дети также погружены в атмосферу страха. На первом месте у них стоит страх смерти: “Боюсь, что не доживу 20 лет”, “Мне кажется, что я никогда не стану взрослым — меня убьют”… Российские дети живут в атмосфере повышенной тревожности

и испытывают недостаток добра… Матерятся в школах все: и девочки и мальчики… Как говорят сами дети, мат незаменим в повседневной жизни. В социуме, заполненном страхами, дети находят в мате некий защитный механизм, сдерживающий агрессию извне» [128].

В исследовании 2003 г. сделан такой вывод: «Ощущение нестабильности и незащищенности знакомо 60,1% молодых россиян. Видимо, социально-правовой фактор риска и впредь останется ведущим в социальном развитии подрастающего поколения» [129].

Эта атмосфера страха перед бытием в подростковом и молодом возрасте наносит тяжелую травму. Социальное бедствие, в которое страну погрузила реформа, ударило по обеим защитам ребенка — по семье и по школе. Социологи пишут в 2003 г.: «Для социологов и психологов важны специфические особенности социальной политики в России 90-х годов, которые повлияли на судьбы детей и подростков. Подрастающее поколение лишилось ориентиров в условиях культурного вакуума. Точнее говоря, провозглашение "частнособственнических" норм поведения, осуждавшихся прежде, привело к сосуществованию взаимоисключающих ценностных ориентиров, одновременно действующих в обществе. Это самым непосредственным образом повлияло на усложнение социализации подростков, рожденных во второй половине 70-х — начале 80-х гг. …

Подводя итог нашему анализу, можно сказать, что в целом все эти подростки — жертвы социальных трансформаций, оставленные в условиях культурного вакуума без какой-либо поддержки со стороны и общества, и семьи, и государства. В условиях сосуществования взаимно исключающих друг друга ценностных ориентации тяжело сделать правильный выбор» [130].

И совершенно неприемлемы такие «объяснения» обрушившегося на население социального бедствия как «непоследовательность действий реформаторов» или «необходимость "затягивания поясов" для того, чтобы высвободить необходимые для преобразований средства».

В чем же видится непоследовательность действий реформаторов? Они как раз шли напролом и отвергали всякие социальные компромиссы. Довод о «необходимости "затягивания поясов" для того, чтобы высвободить необходимые для преоб-

разований средства» просто смехотворен, он ставит учителя в нелепое положение. Всем известно, что созданные реформой богатые и даже средние слои вовсе не собрали «необходимые для преобразований средства». Они кинулись в небывалое потребительство, изымая для него средства из основных фондов, из невозобновляемых природных ресурсов страны и из карманов половины населения.

Такой скупки недвижимости целыми поселками в курортных зонах Запада история не знала. О яхтах и говорить нечего. Вот сообщение из Нью-Йорка: «Гигантская яхта Eclipse Романа Абрамовича шокировала американцев. Размеры яхты поразили местных жителей. … Длина яхты Абрамовича составляет почти 170 метров. Судно снабжено небольшой подводной лодкой и системой противоракетной обороны… Ранее Eclipse видели на Лазурном берегу, тогда яхта не поместилась в самой большой гавани Европы» [131].

А заключение этого параграфа — то ли лицемерие, то ли сарказм: «Видимо, поэтому, хотя история различных государств хранит имена своих крупных реформаторов, они редко бывают любимы современниками». Сказали бы прямо, каких конкретно «крупных реформаторов» в России 1990-х годов не любят их неблагодарные современники! И какие все же есть причины не любить их — именно в современной России?

10. Перейдем к разделу **Развитие человечества в XXI в**.

Начинается он оптимистично: «Одну из особенностей современного общественного развития — заметное ускорение его темпов — мы уже отмечали».

Но эта уверенность в том, что первая по важности особенность нынешнего времени — ускорение темпов общественного развития, ни на чем не основана. Более того, она находится в вопиющем противоречии с реальностью. Большинство людей на земле гнетет страх перед будущим, и страх этот порожден именно тем, что общественное развитие сменилось *деградацией*. Неужели авторы учебника не знают симптомов этого опасного кризиса? Нельзя же делать в учебнике такие легковесные заявления, не приведя суждения ведущих современных социологов и социальных философов.

Виднейший представитель западной социологии, тогда Президент всемирной социологической ассоциации А. Турен писал в 2002 г. об этом кризисе: «Мир становился все более капиталистическим, все большая часть населения втягивалась в рыночную экономику, где главная забота — отказ от любого регулирования или экономического, политического и социального контроля экономической деятельности. Это привело к дезинтеграции всех форм социальной организации, особенно в случае городов. Распространился индивидуализм. Дело идет к исчезновению социальных норм, заменой которых выступают экономические механизмы и стремление к прибыли.

В завершение можно утверждать, что главной проблемой социологического анализа становится изучение исчезновения социальных акторов, потерявших под собой почву… В последние десятилетия в Европе и других частях света самой влиятельной идеей была *смерть субъекта*» [132].

Вывод, трагический для современной цивилизации: *смерть субъекта*. *Исчезновение социальных акторов*, т. е., коллективных субъектов общественных процессов! Это совершенно новое состояние социального бытия, мы к этому не готовы ни интеллектуально, ни духовно, а осваивать эту новую реальность надо срочно.

Где тут *ускорение общественного развития*? Можно утверждать, что одна из главных причин продолжительности и глубины кризиса в России заключается именно в том, что произошла глубокая *дезинтеграция* общества.

Как пишет английский философ З. Бауман, именно постиндустриализм порождает новый тип бытия личности, от наступления которого невозможно укрыться никому: «Самые страшные бедствия приходят нынче неожиданно, выбирая жертвы по странной логике либо вовсе без нее, удары сыплются словно по чьему-то неведомому капризу, так что невозможно узнать, кто обречен, а кто спасается. Неопределенность наших дней является могущественной индивидуализирующей силой. Она разделяет, вместо того, чтобы объединять, и поскольку невозможно сказать, кто может выйти вперед в этой ситуации, идея «общности интересов» оказывается все более туманной, а в конце концов — даже непостижимой. Сегодняшние страхи, беспокойства и печали

устроены так, что страдать приходится в одиночку. Они не добавляются к другим, не аккумулируются в «общее дело», не имеют «естественного адреса». Это лишает позицию солидарности ее прежнего статуса рациональной тактики» [133].

Установки типа «Все хорошо, прекрасная маркиза» неприемлемы в учебнике «Обществознание» для 8 класса российской школы. Подросток доложен получить в школе знание, которое поможет ему вызвать вызов реальности и стать гражданином, способным противостоять дезинтеграции общества и деградации культуры.

11. Авторы учебника считают, что «другой важнейшей чертой развития современного общества является его *глобализация*». Это спорное утверждение хотя бы потому, что глобализация — частная программа доктрины установления Нового мирового порядка, ставшая возможной после поражения советского блока в холодной войне. Но для учебника важнее излагаемые в нем конкретные суждения о глобализации.

Первым делом о глобализации сказано: «Сам этот термин в значении усиления связей и взаимозависимостей людей, народов, государств стал использоваться в науке сравнительно недавно». Совсем наоборот! Даже странно приписывать конкретной «нынешней» глобализации такие эффекты. Надо же исходить не из своих иллюзий, а из тех концептуальных трудов, в которых была изложена эти доктрина. Она тесно связана с неолиберальной волной и представлениями американских неоконсерваторов о мироустройстве.

В 1990 г. Жак Аттали написал книгу «Тысячелетие». Он видит результаты глобализации так: «В грядущем новом мировом порядке будут побежденные и победители. Число побежденных, конечно, превысит число победителей. Они будут стремиться получить шанс на достойную жизнь, но им, скорее всего, такого шанса не предоставят. Они окажутся в загоне, будут задыхаться от отравленной атмосферы, а на них никто не станет обращать внимания из-за простого безразличия. Все ужасы XX столетия поблекнут по сравнению с такой картиной» [134].

Чем беднее страна, тем разительнее будет разрыв между укладами анклавов «модерна» и периферии — до такой степени, что

в мире возникнут обширные зоны, где проживают «общности, которых нет смысла эксплуатировать». Структуры натурального хозяйства на периферии ликвидируются, но капиталистического производства не возникает — вот чем «новые глобальные кочевники» отличаются от промышленников. Глобализация — это *посткапиталистический* этап, капитал отказывается даже *эксплуатировать* большую часть населения Земли. Но этому населению не оставят его лесов, степей и недр. Доступ к этим ресурсам будет определять лишь *платежеспособный спрос*.

Уже в первых докладах Римскому клубу, где и вырабатывалась идея глобализации, наблюдается отход от принципа суверенитета народов и национальных государств над их территорией и ресурсами — право распоряжения ресурсами всего мира переходило к глобальному рынку. Как было сказано, Запад стремится «избежать риска “разбазаривания” сырья по национальным “квартирам”».

В докладе Римскому клубу «Первая глобальная революция» (1991) прогноз на среднесрочную перспективу (к середине XXI века) таков: «К середине следующего столетия в сегодняшних промышленно развитых странах будет проживать менее 20% всего населения Земного шара. Способны ли мы представить мир будущего, в котором кучка богатых наций, имеющая новейшее вооружение, защищается от огромного количества голодных, необразованных, не имеющих работы и очень злых людей, живущих во всех остальных странах? Такой сценарий, вытекающий из современных тенденций развития, не предвещает ничего хорошего» [135].

Для западного капитала рабочая сила, «произведенная» обществом «Юга», становится почти бесплатным «природным ресурсом». По данным Всемирного экономического форума в Давосе, развитые страны капитализма обладали в 1994 г. 350 млн промышленных рабочих со средней зарплатой 18 долларов в час. Китай, Индия, Мексика и республики бывшего СССР вместе имели 1200 млн рабочих такой же квалификации со средней зарплатой 1–2 доллара в час [136].

Какое же здесь «усиление связей и *взаимозависимостей* людей, народов»! Как зависят США и ЕС от народов Ирака, Ливии или Сирии?

В своей новой книге «Краткая история будущего» (2006) Жак Аттали утверждает, что «силы рынка взяли планету в свои руки». Допустим, но что эти руки сделают с планетой? У него следует такой вывод: если «триумфальный марш денег» продолжится до его логического конца, то даже у США не останется шансов выжить — народы и государства исчезнут. Причина в том, что силы нынешней глобализации принципиально лишены связи с какой бы то ни было национальной культурой.

В пределе рынок придет к тому, что Аттали называет ***гиперимперией*** — планетарной, создающей огромные состояния и ужасающую нищету. «Природа там будет варварски эксплуатироваться; все будет частным, включая армию, полицию и правосудие. Человеческое бытие станет артефактом, предметом массового спроса, потребители которого также стали артефактами. Затем обезоруженный, бесполезный для своих собственных созданий человек исчезнет».

В уже упомянутом докладе Кинга и Шнайдера предсказывается такой ход событий глобализации: «Совсем нетрудно представить себе бесчисленное количество голодных и отчаявшихся иммигрантов, высаживающихся из лодок на северном побережье Средиземного моря… Приток мигрантов может вызвать резкое усиление “оборонительного” расизма в странах въезда и способствовать установлению в них на волне популизма диктаторских режимов». Технологический прогресс постиндустриализма, по мнению авторов, вызовет лишь углубление пропасти, ибо ухудшает положение бедных стран: «Розовые перспективы стран Севера не являются столь же радужными для стран Юга… Технологические нововведения дают преимущества передовым странам в **ущерб** тем, которые находятся на более ранней стадии экономического развития».

И вывод этого доклада потрясает: «Таким образом, нашим настоящим врагом является само человечество». В этом — смысл глобализации под эгидой США.

Как странно читать в учебнике для российской школы одобрительные слова в адрес глобализации в период тяжелого кризиса уже и на Западе. Сказано в учебнике: «Глобализация проявляется в различных сферах жизни, но более всего затрагивает экономику. Национальные компании объединяются в междуна-

родные транснациональные корпорации. Эти компании организуют производство своей продукции в тех регионах планеты, где это является наиболее выгодным».

Но ведь за этим стоит разрушение национальных экономик с неожиданным бедствием для населения даже больших западных стран (например, Испании). Поставив на первое место критерий выгоды, глобальный рынок становится разрушительной силой, и это происходит на наших глазах. Как можно буквально в разгар кризиса производства давать этому мировому процессу такие оценки, основанные на «двойном стандарте»:

«Глобализация, *несомненно, способствует развитию производства*, научно-техническому прогрессу. Однако плодами этого пользуются преимущественно экономически развитые страны. Именно там находятся штаб-квартиры многих транснациональных корпораций, центры по созданию новых технологий. В результате разрыв в уровнях экономического развития развитых и развивающихся стран только возрастает».

12. После глобализации в учебнике рассматривается «*сфера духовной жизни*». Вызывает недоумение тот факт, что этому сложному понятию не дано самого простого содержательного объяснения. Что же такое «*сфера духовной жизни*» человека? Можно было перечислить те проявления нервной системы человека, которые относятся к категории духовных?

Смысл понятия сужается, оно сводится к духовной культуре, но и здесь не понятно, по какому критерию перечисленные виды ценностей культуры относятся к духовной.

В учебнике сказано: «Созданием, сохранением, распространением ценностей духовной культуры непосредственно занято немало людей различных профессий. Это и учителя, и библиотекари, и музейные работники, и ученые в самых разных областях знания. Кроме того, в этой сфере трудятся писатели, художники, артисты, музыканты».

Это дезориентирует учеников — «созданием, сохранением, распространением ценностей духовной культуры» заняты не работники 7–8 профессий, а *все люди*, до одного. Это — *всеобщий* общественный труд. Крестьянин на пашне совершает интенсивную духовную работу — как говорится, его труд имеет *литурги-*

ческую компоненту. Есть латинская пословица: «*Пахать — значит молиться*» («*Arar es orar*», исп.).

А создавать язык — не духовная работа? Хлебников писал: «Словотворчество, опираясь на то, что в деревне, около рек и лесов до сих пор язык творится, каждое мгновение создавая слова, которые то умирают, то получают право бессмертия, переносит это право в жизнь писем. Новое слово не только должно быть названо, но и быть направленным к называемой вещи».

Дальше о культуре пошли совсем невразумительные рассуждения. Сказано, например: «Освобождение общества от господства одной идеологии привело к тому, что россияне получили широкий доступ ко всему многообразию достижений человечества без каких-либо ограничений».

Это утверждение — как раз идеология низкого качества. Жалко школьников.

Во-первых, убого само представление СССР: все должны быть счастливы — произошло «освобождение общества от господства одной идеологии…». Не может в гетерогенном обществе, причем с таким сложным национальным составом, как в СССР, быть «господства одной идеологии». Это наивный миф. Структура идеологической основы любой социокультурной группы и любого поколения всегда отличалась от основы других групп, хотя они перекрывались и имели комплекс общих идей. Но к концу 1950-х годов в ходе развития советского общества сложилось несколько идеологических направлений, которые уже сильно различались и конфликтовали между собой — потому и произошла перестройка. Именно сейчас, за 25 лет реформ, спектр идеологических концепций в российском обществе резко обеднел и хаотизировался, он представляет собой ризому — бесструктурную внутренне противоречивую кашу.

Во-вторых, утверждение, будто россияне, освободившись от советской идеологии, «получили широкий доступ ко всему многообразию достижений человечества без каких-либо ограничений», просто нелепо. Доступ ко всему многообразию достижений человечества ограничен множеством барьеров, гораздо более существенных, нежели идеология исторического материализма. Не будем даже перечислять эти внешние и внутренние барьеры —

без них мы бы не были сами собой (и вообще были бы не людьми, а монстрами).

Дальше начинаются стенания. Оказывается, в потоке достижений человечества без каких-либо ограничений, «захлестнувшем Россию, встречаются не только шедевры и безусловные культурные ценности. При невысоком уровне художественных запросов некоторой части общества немало низкопробных и малохудожественных поделок заполнили культурное пространство».

Оказывается, в глубоком культурном кризисе, в который погрузилась Россия в результате культурной травмы, разрушения ценностной матрицы общества и развала всей инфраструктуры воспитательной деятельности, виновата «некоторая часть общества», имеющая невысокий уровень художественных запросов. Не стыдно ли сваливать вину с больной головы реформаторов на контуженную ими голову населения!

Деградация культуры, в том числе массовой, учебник представляет как открытие науки, как будто это не видно даже слепому. Сами авторы учебника не могут изложить ситуацию «своими словами» и ссылаются на каких-то специалистов: «Многие специалисты по современной культуре (!) с горечью говорят о засилии жестокости, насилия, криминальной романтики, секса на экранах телевизоров, кинотеатров и в книжно-журнальной продукции. Все эти “произведения” отнюдь не способствуют развитию духовности. Отсутствие цензуры кое-кто принял как сигнал к открытию всех “шлюзов” перед пошлостью и низкими вкусами».

Пошлым можно назвать само это рассуждение. «Отсутствие цензуры кое-кто принял как сигнал»! Не «кое-кто», а все приняли как сигнал, ибо именно этим и были «открыты все шлюзы», для этого цензура и отменялась. Цензура — это запреты, отменяется цензура — можно выражаться нецензурно.

Культура и есть система запретов. *Звери*, в которых по какой-то причине возникли искры разума, ввели цензуру — и превратились в *людей*. Вот мысль американского философа К. Лэша: «Ядро любой культуры стоит на ее “запретах” (“глубоко впечатавшихся вето, выгравленных в превосходных и правдивых символах”)».

Что тут наводить тень на плетень! Уровень лицемерия в этом учебнике зашкаливает.

И в чем видят авторы учебника кризис нашей культуры? В мелочах — в жестокости, насилии, криминальной романтике и пр. А кризис культуры — это кризис ее философских оснований. В центре любой национальной культуры — ответ на вопрос «***что есть человек?***» Вопрос этот корнями уходит в религиозные представления, но прорастает в культуру. На это надстраиваются все частные культурные нормы и запреты.

Кризис культуры возникает, когда в нее внедряется крупная идея, находящаяся в непримиримом противоречии с другими устоями данной культуры — люди теряют ориентиры, путаются в представлениях о Добре и зле. И вот, авторитетные деятели культуры России стали убеждать общество, что «*человек человеку волк*», а элита гуманитарной интеллигенции — прямо проповедовать *социальный расизм*. Это и есть червь, прогрызающий всю ткань нашей культуры.

Внедрение в массовое сознание антропологической модели социал-дарвинизма велось как специальная программа. Целью ее и было вытеснение из мировоззренческой матрицы народа прежнего *представления о человеке*, идущего от Православия и стихийного общинного коммунизма. Не знают этого авторы учебника или не хотят этого объяснить ученикам? Они направляют социализацию юношей по ложному пути, воспитывают из них не граждан, а манипулируемую «массу».

Школа уже наполнена учебными пособиями, составленными на базе новой антропологической модели. Михаил Шатурин, преподающий в Канаде, пишет: «Прошлой зимой был в России и внимательно сравнил “Родную Речь” прошлого года со старой советской. Был очень удивлен, увидев, что современная — гораздо хуже, хоть составлена из кусочков несомненно ЛУЧШЕЙ литературы. Все просто: в былые времена были идеологические цели, ради них детям читали и грустные, и страшные истории (тема — «Жизнь детей до Революции»). Сейчас говорят, что идеология упразднена, огорчать детей больше незачем («…зрелищем смерти, печали//Детское сердце грешно возмущать», как говорил генерал у Некрасова). И вот из разных (и впрямь замечательных!) авторов надергали кусочков, которые вместе должны составить мир без горя и слез. Изо всей русской (!) литературы ухитрились извлечь только один мотив — безмятежность.

Сравнение этих двух хрестоматий в селе Поперечном Кемеровской области показывает, что у половины местных ребятишек родители пьют по-черному. Далеко не все приходят в школу сытые. Одному местному мужику прошлым годом понадобилось поехать забрать своего ребенка из Иркутска, а денег на дорогу (больше 2-х тысяч) у него, понятно, не было. Взаймы тоже никто не дал: в совхозе живых денег уже давно не видели. Ну, он покрутился-покрутился и повесился (а может и по пьяному делу, кто ж разбирать станет!). И вот этим-то детям предписано читать стихи и истории из "одного счастливого детства". Какой же ложью должно им после этого показаться всякое искусство! Получается, что русской литературе до них тоже нет дела — если ты нищ и слаб, ты не нужен никому, даже Некрасову с Тургеневым. И вообще, надо стремиться к положительным эмоциям, где только можно извлекать все тот же "*fun*". Наверное, это и есть новая идеология» [137].

Тяжелое следствие (и причина) кризиса культуры — легитимизация *преступника*. Сращивание «светлой» культуры с культурой *уголовной* — одна из самых драматических сторон культурного кризиса России последних тридцати лет. Это — особая сторона современной национальной трагедии. Академик В.Н. Кудрявцев, говоря о «нравах переходного общества», уже на первом этапе реформ предупреждал, что «преступная субкультура — не экзотический элемент современных нравов, а опасное социально-психологическое явление, способное самым отрицательным образом воздействовать на многие стороны общественной жизни».

Вот о чем надо было предупредить учеников 8 класса, говоря о кризисе культуры.

13. Следующий после «духовной жизни» параграф посвящен *морали*. Сразу вызывает недоумение такая вставка:

«**Факты**. За тринадцать веков до новой эры великий библейский моралист Моисей провозгласил бессмертные *Десять Заповедей*. И сегодня, спустя три с лишним тысячи лет, люди узнают о них, открыв Библию (священную книгу христиан) или Тору (священную книгу иудеев)».

Тут в каждой фразе подозреваешь издевательство. Называть *фактом* эпизод из «священной книги иудеев», повествую-

щий о том, как тридцать три века тому назад Моисей встречался с Богом и получил от него заповеди — это профанация религии. Еще бы документальную фотографию этого события в учебник вклеили!

И почему Моисей назван в этом учебнике «великим моралистом»? Это уж точно издевательство. Читали ли авторы первоисточник? Кстати, у нас в России был великий и признанный моралист — Лев Толстой. Его отлучили от церкви, предали анафеме. Как можно обходить этот действительно факт — ведь он многое сказал бы ученикам о том, насколько сложны отношения между моралью, религией и церковью.

Наконец, что за фантазия — «спустя три с лишним тысячи лет люди узнают о них [“бессмертных заповедях”], открыв Библию или Тору». За три тысячи лет эти заповеди были опубликованы в миллиардах экземпляров в книгах, учебниках, трактатах. Библия и Тора — не единственные источники.

Что это все-таки за учебник — государственной российской средней школы или воскресной церковно-приходской?

Дальше мозги ученикам засоряют казуистикой относительно слов «мораль» и «нравственность». Вместо того, чтобы разъяснить их соотношения в русском языке, ученика ставят в позу витязя на распутье: «Многие ученые считают, что различий между этими словами нет, что это слова-синонимы… Некоторые ученые считают, что эти понятия надо уметь различать…».

Кто же прав? Если демократически, то правы «многие ученые», а «некоторые ученые» остаются в оппозиции. Рассуждения авторов учебника на эту тему невразумительны и неубедительны.

Дальше идут сентенции о гуманизме, гражданственности и патриотизме. Качество этих сентенций очень низкое — принижены смыслы и не найдены ясные слова. А главное, авторы даже не попытались объяснить, что все эти категории, чтобы следовать им в реальности, требуют мужества и разума, поскольку нравственные ценности несоизмеримы и вступают друг с другом в конфликт. Главные проблемы морали и нравственности — именно здесь, а не в том, чтобы наизусть знать заповеди или статьи конституции. Приведенные в качестве «учебных задач» *ситуации*, на мой взгляд, неадекватны задаче и педагогически некорректны или даже вредны.

Вот первая «ситуация»: «Это произошло давно, в средневековой Испании… С девушкой случилась беда: ее выкрал монах-иезуит, старый подлец и развратник, пожелавший позабавиться с очередной своей жертвой…».

Что это такое, как это могло попасть в учебник! Это ведь не антирелигиозный памфлет. И какое невежество! Автор соображает, что он пишет? Орден иезуитов был учрежден в 1540 г. (идея родилась в 1534). Это уже на исходе Возрождения. Создавали орден молодые офицеры. Вступая в орден, давали три обета: бедности, послушания и целомудрия. Какое Средневековье в конце XVI века, какой старый подлец и развратник монах-иезуит! Не стыдно печатать такую чушь?

Вторая «ситуация» — сюжет из фильма А. Германа, с надрывной идеологической подкладкой. В нем показан конфликт ценностей, который *не может быть разрешен рационально*. Зачем же его предлагать для разбора ученикам 8 класса! Это — запретный для учителя прием. Это все равно, что спросить ученика: «Если ты останешься без пищи, станешь ли есть человечину?»

Вот где требуется цензура!

Теперь небольшие замечание по этому разделу. Ученикам сообщаются признаки ответственного гражданина: он «живет интересами России, предан ей, чувствует ее радости и боли». Но разве в учебнике сказано, что в данный момент Россия расколота по интересам и нравственным ценностям? Нет, не сказано — а ученики-то это знают! Так интересами какой части России должен жить подросток, как ему определиться? Каким радостям и боли он должен сочувствовать? Учитель не может дать совета, он не должен политизировать учеников — но зачем же их провоцировать! Это неприемлемо в школе, здесь надо объяснить сложность момента и необходимость всем ученикам осваивать знания, наблюдать и думать, чтобы через 3–4 года каждый из них мог по совести и разуму сделать свой выбор.

Очень странное поучение дается юным патриотам: «И не надо много разглагольствовать, а тем более кричать о нем [патриотизме] на каждом повороте, как это делают некоторые кичливые самозванцы. На самом деле патриотизм — это любовь».

Во-первых, кто-кто, а подростки разглагольствуют о патриотизме гораздо меньше политиков, журналистов и учителей. Во-

вторых, очень заинтриговало утверждение, что разглагольствуют «некоторые кичливые самозванцы». О ком идет речь? Кто конкретно в России «кичливые самозванцы»? *Самозванец* — тот, кто завладел властью, приписав себе чужое имя и обманув «народ и бояр». Это нехорошо, тем более быть при этом кичливым. Но, согласитесь, странный пассаж в учебнике.

14. Следующий параграф посвящен ***образованию***. Начинается он таким определением: «Напомним: образование — это процесс приобретения знаний о мире, приобщения к культуре, к ценностям Отечества, мировой цивилизации».

Сразу возникает вопрос: зачем в этом определении игнорируется само слово, обозначающее этот институт — *образование*? Ведь оно с каким-то смыслом вошло в русский язык. Каково же главное предназначение школы?

Многие считают, что главная задача школы — обучение. Это ошибка. Ведь не говорят же «*система народного обучения*»! Обучение кройке и шитью — это да. Школа же занята *образованием народа*. Ее главная задача — не обучение, а *воспроизводство* народа по определенному *образу*.

Школьное образование, как следует из самого смысла этого слова, есть создание из ребенка или подростка частицы народа, причем народа именно данной, вполне конкретной страны — России XXI века.

В. Гейзенберг писал: «Образование — это то, что остается, когда забыли все, чему учились» [138]. О чем он говорит, в чем он видел роль классической школы? В том, что она передает отличительную особенность античной мысли — «способность обращать всякую проблему в принципиальную», т. е. способность к упорядочению мозаики опыта.

Реформа образования расколола общество и породила незатихающий, хотя и латентный, конфликт. Понятно, что написать этот параграф было трудно. Но уходить от важного общественного процесса, в который вовлечены все ученики и их семьи, невозможно. Однако авторы предпочли его игнорировать.

Они ограничились ничего не значащими словами: «Несколько лет назад приоритетность образования являлась в Российской Федерации декларативной, не находила практической реализа-

ции. В первом десятилетии XXI в. приоритетность начала становиться действенной.

Для повышения качества образования, обеспечения единства его содержания на всем российском пространстве установлены государственные стандарты среднего и высшего образования, отражающие новейшие достижения науки. Значительно возросло финансирование учебных заведений, большинство школ имеет компьютерные классы и выход в Интернет, развернуто строительство новых школ, техникумов, вузов».

Сказаны слова, не касающиеся проблемы (да еще и искажающие реальность) — а от такого учебника можно было ждать разумного слова.

В трансформации школьной системы с самого начала был принят имитационный проект, ставящий целью скопировать и трансплантировать в России западную модель школьного образования — как в социальном, так и в философско-методологическом плане. Министр образования В.М. Филиппов высказался определенно: «Изменившееся российское общество требует адекватных изменений и от системы образования — нельзя консервировать то, что когда-то было лучшим в мире».

Однако нынешнее российское общество в главных аспектах очень сильно отличается от современного западного общества — как США, так и Западной Европы. Если так, то всю доктрину реформ надо считать утопической — школа подстраивается под общество, которого в России нет.

Реформа образования, как часть всего переустройства советского общества, есть инструмент, подрывающий воспроизводство советского человека в новых поколениях. Ради этого реформаторы пошли на большие социальные издержки, в частности, пожертвовали качеством образования. При этом смысл реформы замалчивался.

В «Независимой газете» в 2001 г. так писали об аргументации реформаторов школы: «Утверждение, что система российского образования, как и все прочее, оставшееся от советской власти, нуждается в серьезном реформировании, объявляется сегодня аксиомой, а аксиомы, как известно, не доказываются. Вот наши руководители и их советники и не утруждают себя доказательствами. “Вы, конечно, понимаете, что наше среднее и иное обра-

зование необходимо реформировать”, — говорят нам. И мы смущенно бормочем: “Да, конечно, понимаем, но…”» [139].

А философ А.А. Зиновьев написал в 1995 г.: «В России больше нет той системы воспитания и образования детей и молодежи, которая еще не так давно считалась лучшей в мире. Вместо нее новые хозяева России создали систему растления новых поколений с раннего детства и во всех их жизненных проявлениях. Те поколения, которые теперь подрастают, уже принадлежат к иному миру, к иной цивилизации, к иной человеческой общности. Они не имеют исторических корней в делах, идеях и системе ценностей своих предшественников. Растет поколение людей, являющееся карикатурной имитацией всего худшего, созданного в странах Запада. Растет поколение плохо образованных, завистливых, жадных до денег и развлечений, морально растленных с детства, лишенных понятия Родины и гражданского долга и т. п. ловкачей, мошенников, деляг, воров, насильников и, вместе с тем, людей с рабской психологией и изначальным комплексом неполноценности.

С таким человеческим материалом уже невозможны никакие великие свершения» [140].

Такой жесткости от учебника «Обществознание» ждать было нельзя, но как-то ориентировать учеников и их семьи было необходимо. Вместо этого обнадеживающий вывод: «Главной движущей силой укрепления конкурентоспособности страны является человек. Уже в основной школе начинается выработка его качеств, отвечающих запросам информационного общества».

Причем здесь «запросы информационного общества»? Вот и все, что смогло сказать «Обществознание»!

15. Параграф «Наука в современном обществе», на мой взгляд, ниже всякой критики.

Начинается так: «**Что такое наука?** Вы уже знакомы со структурой духовной сферы общества. Одним из ее элементов является наука. Она возникла на заре истории человечества и существует и развивается вместе с развитием общества и человека… В отличие от личного опыта и здравого смысла наука имеет дело с научными фактами».

Все это никуда не годится. Эти утверждения противоречат действительности и создают у школьников ложные представления о науке.

Банальный факт, что наука является одним из элементов духовной сферы общества, нисколько не отвечает на вопрос «Что такое наука?» Все виды деятельности человека — элементы духовной сферы. И что из этого?

Сказать, что наука «возникла на заре истории человечества» — нонсенс! Некоторые предпосылки протонауки сложились в античности (теоретизирование у древних греков), ценные кирпичики в будущее здание были созданы схоластами, затем натурфилософами в период Возрождения. Но наука буквально *родилась* в ходе Научной революции XVII века в Западной Европе, и это был разрыв непрерывности в развитии познания и мышления.

Возник особый способ познания («научный метод»), свободный от влияния нравственных ценностей — метод получения беспристрастного (объективного) знания. Он сразу же стал создавать технологии и заложил важную основу Промышленной революции (а параллельно и Просвещение, из которого выросла Великая французская революция).

Этот раздел исключительно важен для обществознания, поскольку Научная революция — это часть системы из четырех революций, которые породили современный Запад. При том невежестве, которое сейчас царит у нас в отношении науки, мы не поймем Запада и не поймем, что такое модернизация. В этом случае перспективы у нас будут плачевны — мы станет «Верхней Вольтой без ракет».

Дальше в параграфе следуют и другие суждения, которые показывают, что автор не знает темы.

Вот, говорится: «С конца XX в. наука выступает в качестве общественной силы». Почему «с конца XX в.»? Невозможно придумать мало-мальски разумный довод. Уж если считать, что наука возникла на заре истории человечества, то именно тогда она и стала общественной силой — уже в лице сословия жрецов и прорицателей. Никакого смысла нет в утверждении о XX в. Уже в XVII в. от науки ответвилось научное обществоведение, а далее — идеология, ставшая мощным инструментом

господства. Наука отодвинула церковь как главный экспертный институт, и в XIX веке ученые стали «новым священничеством» Запада, а их «епископы» составили важный сектор властной элиты.

Еще небольшие замечания. Сказано: «Наука во многом оказывает влияние на самого человека. Она дает человеку картину мира, постоянно дополняя и уточняя ее детали».

Первая фраза банальна — образование, основанное на науке, охватило весь мир (хотя в некоторых странах реформаторы добились выдающегося регресса образования и науки). Вторая фраза содержит важное умолчание. Наука дает человеку не картину мира, а *научную* картину мира. Она человеку недостаточна, так как в ней нет образов *добра* и *зла*. Человек не может обойтись только научным знанием — ему нужны и другие картины мира (религиозная, философская, эстетическая).

В учебнике сказано также: «Настоящими учеными являются не просто образованные и талантливые люди, добившиеся успехов в научных исследованиях. Большинство из них — люди с высокими моральными принципами».

Что значит «настоящие ученые»? Причем здесь «успехи»? Наука — *всеобщий труд*, все ученые ощущают себя рабочими муравьями, нобелевские лауреаты — лишь особый отряд муравьев. А про «высокие моральные принципы» — вообще непонятно, откуда этот миф взялся. Почему они должны быть? Как изучение какой-нибудь инфузории или частицы прибавит ученому нравственности? У него есть свой профессиональный этос, и его нарушения жестоко караются, а вне своей работы — ничего человеческое ему не чуждо.

Дополнительный довод неудачен: «Достаточно вспомнить академика А.Д. Сахарова, чье имя отождествляется не только со смелыми научными открытиями, но и столь же смелыми выступлениями против произвола и несправедливости».

Скорее всего, насчет «смелых выступлений против произвола и несправедливости» автор учебника не в курсе дела. Небывалый произвол и несправедливость, которую переживает большая часть населения России — в существенной мере есть продукт «смелых выступлений» А.Д. Сахарова. Лучше бы это забыть и не ворошить в школьных учебниках.

16. Следующий раздел посвящен *религии*.

В качестве определения сказано: «Религия — одна из наиболее значимых форм человеческой культуры, появившаяся еще в глубокой древности».

С этим невозможно согласиться. Культура — это то, что *создал человек*. А религия (вначале религиозное чувство) — это особая способность человека, подобная *сознанию*. С развитием культуры человек *оформлял* религию, уже пользуясь инструментами культуры — составлял тексты, создавал музыкальные инструменты, изобретал ритуалы и строил храмы. Но в момент превращения обезьяны в человека ему был дан «*естественный религиозный орган*» — религиозное сознание и чувство, особый взгляд на мир. Это свойство человека не пропадает, даже если он атеист. Оно слабеет под давлением образа жизни и культуры, меняет формы проявления, возможно даже, исчезнет (хотя это маловероятно) — и тогда человек перестанет быть человеком. Кто-то мечтает о таком сверхчеловеке, но, скорее всего, люди успеют его удавить.

Далее сказано: «**Роль религии в жизни общества**. Религия выполняет целый ряд значимых общественных функций». Но это — второстепенная роль религии. В обществознании же надо объяснить ученикам сначала главное. Для человека религия важна тем, что она дает ему надежду на вечную жизнь *его* душе, одной и неповторимой. Эта надежда позволяет человеку примириться с неизбежной смертью.

У животных, не имеющих разума, этой проблемы нет, а человек без религии не смог бы жить — сознание измучило бы его до помешательства. А значит, не возникло бы и общества. Религия, успокоив душу отдельного человека, создала общество. Лишь постепенно, с помощью науки и философии человек примирился с мыслями о смерти без явной помощи религии, да и то многие атеисты тайком надеются, что «есть что-то там».

Далее о религии говорят, как о полиции нравов: «Она ***регулирует поведение людей*** в обществе. Во-первых, верующие должны соблюдать определенные правила, выполнять установленные религиозные действия (например, молиться, ограничивать себя в пище, развлечениях).

Во-вторых, в религии объединяется нравственный опыт поколений людей и создаются некие общие принципы сосуще-

ствования в обществе. Таковы, например, библейские заповеди («не убий», «не укради» и т. п.), моральные принципы ислама, буддизма».

В СССР общество было в основном неверующее, но такой профанации религии не допускалось. Наш «тоталитарный режим» был гораздо более тактичным, чем нынешние неофиты.

Далее идет мещански-прагматическая сентенция: «Религия не только предъявляет требования к поведению человека, но и побуждает его к развитию определенных положительных качеств, например доброты, милосердия, умеренности».

Какое упрощение! Религия — это арена войны со злом *(дьяволом)*. Это война непримиримая и сложная, дьявол хитро прячется. Поэтому религиозные войны были и остаются войнами без «доброты, милосердия, умеренности» — это и есть их *положительные качества*.

Неужели авторы учебника не знают о Крестовых походах, о Реформации, которая унесла 2/3 жизней в зоне религиозных столкновений, о кострах, на которых в Европе сожгли миллион ведьм? Учебник представляет подросткам жизнь общества как что-то похожее на сладкую манную кашу. Школа сдвинулась к методам социализации, дающим выпускникам ложную картину мира!

17. Глава III — «**Экономика**». Ей непосредственно посвящено 60 стр., а с вкраплениями в другие главы — треть учебника. Это трудно оправдать — обществознание это не «экономикс». Но главное — изобилие в этой главе ошибочных или ложных утверждений и избыток «рыночной» идеологии, которая своей тупостью утомила уже в 1990-е годы.

Начинается с потребностей, хотя это особая тема — потребности развивались и деградировали 20 тыс. лет без всякой экономики.

Дается такое определение: «**Потребности** — это нужда в чем-либо необходимом для поддержания жизнедеятельности и развития личности, группы людей и общества в целом».

Это, в контексте именно обществознания, неверное определение. Потребности — это не «нужда в чем-либо необходимом для поддержания жизнедеятельности». Известно, «животное хочет того, в чем нуждается, а человек нуждается в том, чего хочет».

Витальные потребности, определенные биологией, очень невелики, даже ничтожны — первобытный человек тратил на их удовлетворение 1–2 часа в день и жил «в изобилии». Потребности — это явление социальное и культурное. Даже витальные потребности «подавляются» культурой — большинство людей скорее погибнет от голода, чем станет людоедами.

Новые материальные потребности создавались обществом в его развитии, они не были предписаны *природой* человека, а были обусловлены социально исходя из целей данного конкретного общества в данный исторический момент. Как писал Маркс, «потребности производятся точно так же, как и продукты и различные трудовые навыки».

Неверна и вторая часть определения: «**Потребности** — это нужда в чем-либо необходимом для развития личности, группы людей и общества в целом».

Подойдите с этой мудростью к наркоману или пьянице! Известно: «ненужные вещи людям нужнее, чем нужные». Англичане смогли проникнуть в Китай и ограбить его, разбив его армию в «опиумных войнах». Они создали у населения Китая острую потребность в опиуме, который выращивали на плантациях в Индии. Буржуазное общество создало целую индустрию *производства потребностей на экспорт*. Доктрина этого экспорта и была отработана в «опиумных войнах». Стоило бы рассказать эту историю в учебнике — Россия сейчас объект экспорта потребностей.

18. В главу включена редкая тема о «свободных благах». О них сказано: «**Свободные блага** (преимущественно природные) доступны для всех нуждающихся в них. К ним относятся, например, морская вода, солнечный свет, лесной воздух. Объем этих благ больше, чем величина потребности в них. Эти блага не требуют производственных затрат, и люди могут потреблять их бесплатно. Однако свободных благ в природе мало».

Это — описание потерянного рая. Сейчас практически все природные блага встроены в техносферу. Доступ к ним оплачивается или государством, или самими потребителями. Приватизировали леса и ликвидировали государственную лесную охраны — и из леса пошел не свежий воздух, а дым. Морская вода

и ласковый солнечный свет многим уже не по карману. Но особенно примечательно предупреждение: «Свободных благ в природе мало». Вспомнили старика Мальтуса? Странно только, что тут же сказано: «Объем этих благ больше, чем величина потребности в них».

19. Здесь стали подбираться к критерию *экономической эффективности* (максимальной выгоде). Сказано: «Каждому участнику экономики приходится проводить своеобразное ранжирование своих потребностей по степени их важности и неотложности. При этом каждый решает проблему выбора по-своему, но, как правило, стремится поступать рационально (от лат. ***ratio*** — разум; ***rationis*** — мера, расчет), т. е. разумно, расчетливо.

В экономике это предполагает выбор варианта, который кажется людям наилучшим, приносит им больше выгоды по сравнению с затратами».

Здесь сразу внесена неопределенность. В разных системах хозяйства рациональность различна. Например, натуральное хозяйство следует иным критериям и иной мере, чем рыночное. Семейное хозяйство крестьянина даже в рыночной экономике следует иным критериям, чем капиталистическое.

Здесь уместно было бы привести рассуждения А.В. Чаянова и объяснить ученикам, почему в Центральной России в начале XX века крестьяне арендовали землю за 16 руб. десятина, хотя капиталистическая рента составляла всего 3 руб. Может, крестьянин не умел считать и поступал иррационально?

А как обстояло дело с рациональностью и расчетливостью «участников экономики» в период становления рыночной экономики? В первой трети XIX века характер деградации английских рабочих был тот же, что у африканцев колоний: пьянство и проституция, расточительство, апатия, потеря самоуважения и способности к предвидению (даже в покупках). Социолог из США Ч. Томпсон, изучавший связь между расовыми и социальными отношениями, писал: «В Англии, где промышленная революция протекала быстрее, чем в остальной Европе, социальный хаос, порожденный драконовской перестройкой экономики, превратил обнищавших детей в пушечное мясо, которым позже стали африканские негры. Аргументы, которыми в тот момент оправ-

дывали такое обращение с детьми, были абсолютно теми же, которыми впоследствии оправдывали обращение с рабами».

Далее в учебнике дано такое определение: «***Экономическая эффективность*** означает получение данного объема продукции при наименьших затратах ограниченных ресурсов».

Почему, с какой стати целевой функцией объявлено уменьшение затрат ресурсов, а ограничением — объем продукции? Откуда взялось это правило? Если уж говорить об абстрактном производителе, он должен искать максимум чистой прибыли и производить не «данный объем продукции», а *оптимальный*.

Странно это все.

20. Дана такая классификация экономических систем: «Экономисты выделяют следующие основные типы экономических систем: ***традиционную, централизованную*** (командную), ***рыночную***».

Не слыхал я таких экономистов, но, наверное, мне уже не угнаться за экономической наукой.

Традиционная экономика — отстой. «Она основана на широком использовании ручного труда, отсталой технологии, общинном ведении хозяйства, натуральном обмене. Основные экономические вопросы решаются в соответствии с обычаями и традициями (все делать так, как раньше).

Обитатели африканских джунглей или островов южных морей, канадские эскимосы ведут хозяйственные дела на основе вековых традиций, передаваемых из поколения в поколение».

Да, жителям островов южных морей не позавидуешь…

«**Рыночная экономика** — способ организации хозяйственной жизни, основанный на многообразии форм собственности, предпринимательстве и конкуренции, свободном ценообразовании».

Оба эти стереотипные описания мало что говорят. Даже Аристотель, сравнивая принципиально разные системы хозяйства (*экономию* и *хрематистику*), ясно и понятно изложил главные различия. Экономия — хозяйство и коммерция ради содержания дома (экоса), т. е., ради жизни семьи, а хрематистика (ныне рыночная экономика) — хозяйство и коммерция ради наживы.

Обычно именно с этого определения Аристотеля и начинают эту тему. Удивляет также, что «рыночную экономику» ни разу не называют ее обычным словом капитализм. Чего стесняются, применяя наивный эвфемизм?

Дальше следуют наивные фантастические описания «свободного предпринимательства»: «Действующие в этой экономике люди свободны от власти обычаев и распоряжений “сверху”. Каждый самостоятельно принимает экономические решения в соответствии с собственными интересами и потребностями…».

Нет, ребята, все не так. Все не так, ребята!

Когда в декабре 1990 г. в Москву по высокому приглашению приехал патриарх экономической науки США Дж. Гэлбрейт и ему наши экономисты изложили свои представления о рыночной экономике, он сказал: «Говорящие — а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь — о возвращении к свободному рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить».

Примерно столь же утопично описание советского планового хозяйства. Не зная его реальности и, видимо, не интересуясь им, пишут в учебнике: «Производители, отстраненные от самостоятельных экономических решений, превращались в исполнителей чужих распоряжений. Они не были заинтересованы в результатах деятельности, так как значительная часть дохода перечислялась государству».

А ведь реальные данные вполне доступны.

Любопытно как в учебнике уходят от сложных вопросов, которые сами же ставят. Вдруг подняли проблему справедливости, хотя только начали описывать капитализм, можно было обойтись. Но вместо того, чтобы вычеркнуть неудобную фразу, просто топят ее в словах.

Читаем: «Если каждый участник экономики действует в своих интересах, то как же решается проблема справедливого распределения благ? Приобретение потребителями произведенного продукта зависит от величины их денежных доходов и цен на товары и услуги. Чем больше доход потребителя, тем большую часть продукта он сможет приобрести. Чем ниже цена продукта,

тем в большем количестве он потребляется, и наоборот. Именно цены, свободно формирующиеся в процессе купли-продажи, дают ответ на вопросы: что, как и для кого производить?»

Где же тут «проблема справедливого распределения благ»?

21. Далее снова возвращаются к проблеме собственности, видимо, потому что «повторенье — мать ученья».

Начинаются еще более странные рассуждения:

«А что такое собственность?

Некоторые ученые полагают, что собственность — это проявление биологической природы человека: чувство собственности заложено в человеке от рождения, наследственно».

Опять ссылка на «некоторых ученых». Так сказали бы авторы учебника, правы ли эти анонимные ученые? Каково мнение самих авторов? Да и вопрос был поставлен другой — «а что такое собственность?» Вы сначала ответьте на этот вопрос, а уж потом размышляйте, кроется ли «чувство собственности» в крови, почве или желудке. А кстати придумайте объяснение тому факту, что десятки тысяч лет люди прожили без собственности, и она возникла сравнительно недавно. Раньше у людей не было биологической природы?

При этом главная цель — внушить ученикам любовь и уважение к частной собственности. Лучше бы дать им знание об этой сложной материи.

Вот импровизации на тему собственности:

«**Частная собственность** рассматривается как принадлежность средств производства и результатов производства только отдельному субъекту собственности. У собственника появляется личная материальная заинтересованность в сохранении и приумножении принадлежащей ему собственности. Частная собственность обеспечивает экономическую свободу, независимость экономического поведения и ответственность собственника».

Что значит «рассматривается», зачем это слово? Автор не уверен в своем определении? Действительно, можно ли поверить, что частная собственность — это «принадлежность средств производства и результатов производства только отдельному субъекту собственности»? Так было у Робинзона на острове, и то неправда. Такую частную собственность на средство производства, как она

представлена в учебнике, имел только *пролетарий* — в виде своего тела, которое он мог сдавать в аренду как рабочую силу. А из результатов производства он получал лишь часть. Современная капиталистическая промышленность могла возникнуть благодаря бирже, банку и акционерным обществам, которые собирали малыми порциями капитал, достаточный, чтобы построить заводы, железные дороги и пр.

Говорят, что «частная собственность дает экономическую свободу». Это такая же ирония, как чеканка на воротах Освенцима: «Arbeit maht frei». Капитализм — это каменные джунгли, где даже крупные и сплоченные *компании* собственников все время ведут борьбу за существование — против закона, против рэкета, против конкурентов и финансовых акул, против своих рабочих и неизвестно как возникающего кризиса.

Вот, сказано: «У собственника появляется личная материальная заинтересованность в сохранении и приумножении принадлежащей ему собственности». Сравнительно недавно в России произошла приватизация промышленности — собственность на средства производства стала частной и была передана в руки граждан. Каждый получил свидетельство (ваучер). Рабочие предприятий обменяли ваучер на акции. Появилась у них «личная материальная заинтересованность в сохранении и приумножении принадлежащей ему собственности»? Мы уж не говорим об их «экономической свободе». Нет, не появилась, даже наоборот — половина рабочих потеряла рабочее место.

Сама по себе частная собственность — лишь винтик в большой машине капитализма. Это надо объяснять ученикам, а не подменять знание пропагандой.

Кстати, после апологии частной собственности автор главы походя лягнул общественную собственность: «Общественная собственность была основой экономики СССР. Исторический опыт показал, что общественная собственность проигрывает в экономической эффективности собственности частной, имеющей ответственного хозяина и стимулы к ее рациональному использованию».

Нагляделись мы на «ответственных хозяев».

Вымученное восхищение рыночной экономикой не пристало авторам Академического учебника. Капитализм — сложный

и драматический период в истории человечества, а о нем говорится так, будто не было ни самого Адама Смита, ни Маркса, ни Кейнса, ни Броделя, ни современных социальных философов и экономистов.

Вчитайтесь в эту сентенцию: «Так устроен рынок — каждый участник экономики в погоне за своей личной выгодой в итоге увеличивает богатство страны и служит интересам всего общества…

Именно [«невидимая рука» рынка] заставляет каждого думать об интересах других, потому что иначе результат труда может оказаться ненужным и вместо выгоды принести убытки. “Невидимая рука” рынка направляет желание отдельных производителей на общее благо».

Даже если представить себе, как абстракцию, изолированную метрополию капитализма, весьма сомнительное «общее благо» этого общества обязано не рынку и частной собственности, а той *этике*, на которой там создавалась система предпринимательства. А также государству-Левиафану, которое поддерживало предпринимателей, но и держало их в ежовых рукавицах. И при этом велась жестокая отбраковка «тех, кто не вписался в рынок» — был неплатежеспособен.

Запад, разрушив традиционное сословное общество, устранил «уравниловку», а значит и *право* на жизнь, перенес проблему в сферу *благотворительности*. Это произошло и на уровне социальной философии, и на уровне обыденных житейских обычаев и установок. Буржуазный Запад впервые в истории породил государство, которое сознательно сделало *голод* нормальным средством политического господства.

Историк капитализма Ф. Бродель писал: «Эта буржуазная жестокость безмерно усилится в конце XVI в. и еще более в XVII в.». Он приводит такую запись о порядках в европейских городах: «В XVI в. чужака-нищего лечат или кормят перед тем, как выгнать. В начале XVII в. ему обривают голову. Позднее его бьют кнутом, а в конце века последним словом подавления стала ссылка его в каторжные работы».

А если отложить в сторону абстракцию, то надо вспомнить выражение Леви-Стросса: «Запад построил себя из материала колоний». Они оплачивали «общее благо».

А.Ф. Бродель, изучавший потоки ресурсов и всех средств жизни на Западе, писал: «Капитализм является порождением неравенства в мире; для развития ему необходимо содействие международной экономики… Он вовсе не смог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда». По данным Броделя, в середине XVIII в. Англия только из Индии извлекала ежегодно доход в 2 млн ф.ст., в то время как все инвестиции в Англии оценивались в 6 млн ф.ст. Таким образом, если учесть доход всех обширных колоний Англии, то выйдет, что за их счет делались и практически все инвестиции, и поддерживался уровень жизни англичан, включая образование, культуру, науку, спорт и т. д.

Согласно абсолютному критерию — *выживаемости* — из этого следует вывод: в условиях, когда страна не получает услужливой помощи чужого труда, капиталистическая рыночная экономика ей не годится. Ни царская Россия, ни СССР, ни нынешняя Россия источников чужого труда не имели, не имеют и, скорее всего, не будут иметь. Место занято!

Можно ли это замалчивать в российской школе, насаждая в головах подростков несбыточные иллюзии, которые неизбежно обернутся крахом!

22. Надо сделать такое общее замечание. В учебнике очень много места уделено рыночной экономке, но ни разу не было сказано главного: когда появилась рыночная экономика и в результате каких изменений.

Ведь рыночная экономика, ставшая господствующим типом хозяйства Запада, не является чем-то естественным и универсальным. Это недавняя социальная конструкция, возникшая как глубокая мутация в специфической культуре Западной Европы. Рынок представляется в учебнике просто как механизм информационной обратной связи, стихийно регулирующий производство в соответствии с общественной потребностью через поток товаров и денег. То есть, как механизм контроля, альтернативный *плану*. Но противопоставление «рынок-план» несущественно по сравнению с фундаментальным смыслом понятия *рынок* как общей метафоры всего общества в западной цивилизации.

Как возникло само понятие «рыночная экономика»? Ведь рынок *продуктов* возник вместе с первым разделением труда и су-

ществует сегодня в некапиталистических и даже примитивных обществах.

Рыночная экономика возникла, когда в товар превратились вещи, которые для традиционного мышления никак не могли быть товаром: *деньги, земля* и свободный *человек* (рабочая сила). Это — глубокий переворот в типе рациональности, в мышлении и даже религии, а отнюдь не только экономике.

Взять хотя бы такой момент, как превращение денег в товар. Согласно римскому праву, было безусловно запрещено обращаться с деньгами как с товаром. Там действовала юридическая догма: «Денег же никто не должен покупать, ибо, учрежденные для пользования всех, они не должны быть товаром». Катон Старший писал: «А предками нашими так принято и так в законах уложено, чтобы вора присуждать ко взысканию вдвое, а ростовщика ко взысканию вчетверо. Поэтому можно судить, насколько ростовщика они считали худшим гражданином против вора».

Нельзя упрощать эту тему, как сделано в учебнике!

23. Следующий параграф — **«Производство — основа экономики»**.

Сначала авторы углубляются в историю, но странным и нелогичным способом: «Продукт превращался в товар при определенных исторических условиях. Сначала произошло хозяйственное обособление людей при изготовлении какого-либо продукта, затем появилась необходимость в обмене между производителями продукции результатами их труда. Так возникло товарное производство».

Почему изложение важного понятия *производства* начинается с очень недавнего явления — *превращения продукта в товар*? И зачем сразу напускается туман — «при определенных исторических условиях»? Ведь никакого объяснения сути этих исторических условий при этом не дается. Неужели авторы всерьез считают, что «необходимость в обмене между производителями продукции результатами их труда» породила «товарное производство»?

Товарное производство — это такой вид организации, при котором все продукты создаются для продажи на рынок. В нем обмен «между производителями продукции» производится по-

средством купли — продажи. Это записано даже в стандарте ГОСТ Р 51303–99: «Товар — любая вещь, не ограниченная в обороте, свободно отчуждаемая и переходящая от одного лица к другому по договору *купли–продажи*».

Но купля–продажа — сравнительно недавнее явление, а обмен продуктами возник много тысяч лет назад, при родовом строе, и существует поныне. Оглянитесь вокруг — ведь в любой семье, включая американскую, идет интенсивный обмен «обмен результатами труда» как внутри семьи, так и с родственниками и знакомыми, и это — очень крупная часть экономики. И форм обмена довольно много: прямой продуктообмен, обмен продукта на услугу, безвозмездная взаимопомощь, обмен дарами.

Таким образом, производство и обмен продуктами существовали много тысяч лет до появления «товарного производства», и умолчать об этом — неприемлемая и даже необъяснимая деформация представления об историческом процессе развития общества. Более того, еще сколько-то тысяч лет до *производства* основой экономики было изъятие материальных ресурсов жизнеобеспечения непосредственно из природной среды. Сначала это было *собирательство* и *добыча* (*охота* и *рыболовство*). Очевидно, что это и сегодня составляет существенную часть экономики. Как можно было умолчать об этой «основе экономики»? Ведь через несколько страниц об этом вскользь сказано: «Современные отрасли экономики сформировались в результате длительного исторического процесса: от рыбной ловли и охоты в начале исторического пути человечества и до современного сельского хозяйства, многоотраслевой промышленности». И все! А ведь для многих сельских жителей современной России собирательство ягод, грибов и орехов вновь стало подспорьем их семейной экономики.

Но главное, едва ли не важнейшей основой экономики России сегодня является не *производство*, а именно *добыча* — добыча нефти, газа и угля. Разве это не надо объяснить школьникам?

Это тем более важно, что в ходе реформы произошел поворот в сознании, который выразился в языке. Раньше у нас четко разделялись понятия ***производство*** и ***добыча***. В производстве человек создает новое, частицу мира культуры. При добыче человек изымает из природы то, что она создала без усилий его рук и ума.

Поэтому говорилось «*производство стали*», но «*добыча нефти*». Теперь стали говорить «*производство* нефти». Важнейшее мировоззренческое различение было стерто. Инновационный и сырьевой тип экономики стали почти неразличимы. Это важный регресс культуры.

И вот вывод параграфа: «Постепенно массовое производство товаров на рынок становится предпосылкой развития капитализма и делает товарное производство наиболее прогрессивной формой организации экономической жизни общества».

Мне кажется, что первый тезис ошибочен: не могло возникнуть «массовое производство товаров на рынок» раньше капитализма, здесь телега поставлена впереди лошади. Никакая общественная организация до капитализма не имела внутреннего импульса для экспансии массового производства товаров. Именно возникновение капитализма создало для этого и мотивы, и условия.

Второй тезис («товарное производство есть наиболее прогрессивная форма организации экономической жизни общества») — это идеологическая пропаганда, которой не место в учебнике для 8 класса. Хотя бы сказали авторы, по какому *критерию* они оценивают организацию экономической жизни общества как прогрессивную. Надо бы им пару лет побыть в шкуре безработного, а потом писать учебники. Они, похоже, не охватывают взглядом всех сторон этой «наиболее прогрессивной формы организации».

Дефект этой пропаганды выражается и в том, что товарное производство само по себе не существует, это один из винтиков всей машины экономики. Говорить о «прогрессивности» этого отдельного винтика бессмысленно. Неужели 25 лет нашей жизни при «рынке» нас не вразумили?

Вообще, по учебнику разбросаны совершенно фантастические утверждения о рыночной экономике. Вот что говорится о труде на частном предприятии: «С развитием рыночных отношений в обществе на смену общественному и коллективному труду приходит преимущественно частный индивидуальный труд. Значительная часть населения работает не на государственных предприятиях, а в организациях частного типа».

Что значит «индивидуальный труд», который пришел на смену «общественному и коллективному труду»? Как авторы пред-

ставляют себе завод «частного типа» — там нет разделения труда, что и делает труд коллективным?

Вообще, многословные рассуждения о труде и безработице полны умолчаниями. Не нашли авторы слов и логики, чтобы объяснить ученикам сложную и драматическую структуру производственных отношений в капиталистической экономике. Не нашли слов и логики — не надо было трогать эту проблему, дали бы школьникам подрасти еще год–два.

Далее в параграфе идут рассуждения об *услугах*, и делается такая странная вставка:

«***Факты***. Начало XXI в. характеризуется ускоренным развитием сферы услуг во всем мире. В Западной Европе в этой сфере сегодня работает ~2/3 трудоспособного населения. На услуги приходится примерно 50% всех расходов потребителей…

Сфера услуг превращается в главную сферу общественного производства, оказывающую существенное влияние на уровень экономического развития страны и благосостояние населения».

Это не так. В условиях глобализации корпорации отправили промышленные предприятия в Китай, Индию и пр., произвели обширную деиндустриализацию «развитых стран» и лишили массу работников их рабочих мест. Страны побогаче создали симулякры рабочих мест в сфере услуг, рассадили бывших рабочих и инженеров по магазинчикам и барам. В странах победнее безработица взлетела до 25% трудоспособного населения, среди молодежи — до 50%. Какое это оказало «существенное влияние на уровень экономического развития страны и благосостояние населения»? Социальное бедствие и одну из причин глубокого и обширного кризиса учебник представляет как благо! Куда смотрит наше мудрое Министерство образования?

24. Коротко затронем параграф **«Предпринимательская деятельность»**.

Это — чисто идеологический раздел, апологетика фигуры *капиталистического* предпринимателя. О самой сути этой деятельности в других обществах и системах ничего не говорится, хотя великие предприятия создавались и действовали еще в древности без всякого рынка и стяжательства (например,

в древнем Египте, Индии и Китае), а еще недавно — в СССР (где работали такие предприниматели, как С.П. Королев в космической области).

В тексте параграфа приведены цитаты с хвалой предпринимателям, включая цитаты из Адама Смита. Но это уже никуда не годится! Во-первых, предприниматели в Англии — совсем иной культурный тип, нежели, например, в России. Представление предпринимателя как некоего универсального устройства — обман. В Англии предпринимательство формировалось на жесткой мировоззренческой основе — протестантской этике, а в Японии — на конфуцианской этике, совсем иной. А на какой этической основе возникло предпринимательство в России? Почему об этом не сказано?

Во-вторых, Адам Смит предупреждал, что предприниматель — фигура *антисоциальная*, и он должен жестко контролироваться государством и обществом. Сам Адам Смит исходил из того, что либерализм отвергает «*подлую максиму хозяев*», которая гласит: «Все для нас и ничего для других».

Вот пара его суждений на эту тему в главном его труде:

— «К предложению об издании какого-либо нового закона или регулирующих правил, относящихся к торговле, которое исходит из этого класса, надо всегда относиться с величайшей осторожностью; его следует принимать только после продолжительного и всестороннего рассмотрения, с чрезвычайно тщательным, но и чрезвычайно подозрительным вниманием. Оно ведь исходит из того класса людей, интересы которых не совпадают с интересами общества, который обычно заинтересован в том, чтобы вводить общество в заблуждение и даже угнетать его, который действительно во многих случаях и вводил его в заблуждение и угнетал».

— «Таковы недостатки духа коммерции. Умы людей сужаются и становятся более неспособными к возвышенным мыслям, образование записывается в разряд чего-то презренного или как минимум незначительного, а героический дух почти полностью сходит на нет. Исправление таких недостатков было бы целью, достойной самого серьезного внимания».

Национальная беда России как раз в том, что созданное в 1990-е годы сословие частных предпринимателей не было сразу

зажато в рамки жесткой этики и закона — оно формировалось в обстановке *этического нигилизма*.

Философ К.А. Свасьян пишет (2012 г.): «После наспех проведенной перестройки… началась *пересадка*: диковинный эксперимент социал-мичуринцев, вознамерившихся скрестить хоругвь с либертарианством и выращивать протестантские культуры на православном камне веры. Эти начитавшиеся в свое время Макса Вебера шестидесятники ухитрились упустить из виду очевидное: чтобы капитализм возникал из духа аскетической этики, а не из разбоя вчерашних комсомольских выскочек, выскочивших вдруг из своих закрытых партийных кормушек в *"закрома родины"*, потребовалась бы, как минимум, религиозная реформация с заменой православия трансплантатом кальвинизма».

Это, конечно, не нужно читать подросткам, но и внедрять в их головы примитивные идеологемы не годится.

25. Следующее существенное рассуждение в учебнике таково:

«**Зачем экономике государство**. До XX в. господствовало мнение, что государство должно как можно меньше "править" экономикой. Правда, ему все же отводилась некоторая роль как "попечителя общественного интереса". Но лишь в двадцатом столетии государство стало рассматриваться не только как важный субъект национальной экономики, но и как один из основных регуляторов экономической жизни общества».

Удивительно, что в учебнике в основном сообщаются идеологические воззрения «некоторых экономистов», а не реальные ситуации. Вот, сказано, что «до XX в. господствовало мнение, что государство должно как можно меньше "править" экономикой». В каких странах и кругах «господствовало это мнение», кто и как это выяснил? Ведь это мнение противоречит реальности.

Достаточно указать на известные факты. Государство создало законодательство и силовую систему, которые дали возможность возникнуть и функционировать капиталистической экономике. Государство вело войны, позволившие превратить в колонии Америку, Африку, большую часть Азии и Австралию, затем их ограбить, обеспечив экономику инвестициями, а колонии в Америке и рабами. Государство вело войны, заставившие страны, не превращенные в колонии, открыть свои рынки для товаров своих

экономик (например, «опиумные войны» против Китая). Государство вело политику жесткого протекционизма (например, чтобы разорить индийских ткачей, английским производителям давались субсидии в размере 40% стоимости их товаров).

Но еще важнее, что государство обуздало «дикий капитализм», который оказался *саморазрушающейся* системой. Вот что писал К. Поланьи о становлении капитализма в Западной Европе: «Слепая вера в стихийный процесс овладела сознанием масс, а самые "просвещенные" с фанатизмом религиозных сектантов занялись неограниченным и нерегулируемым реформированием общества. Влияние этих процессов на жизнь народов было столь ужасным, что не поддается никакому описанию. В сущности, человеческое общество могло погибнуть, если бы предупредительные контрмеры не ослабили действия этого саморазрушающегося механизма».

М. Буравой, профессор Калифорнийского университета, ныне президент Международной социологической ассоциации, пишет (в 2000 г.): «Если Англия реагировала на рынок активностью общества и регулятивными действиями государства, в России общество полностью отступило перед рынком к примитивным формам экономики. … У Поланьи государство Англии представляет "коллективные интересы", добиваясь баланса рынка и общества. В России государство похитила финансово-природно-ресурсно-медийная олигархия».

Один из зачинателей институциональной политической экономии Ален Кайе пишет: «Если бы не было Государства-Провидения, относительный социальный мир был бы сметен рыночной логикой абсолютно и незамедлительно».

Это — описания реальности. Но эта реальность не могла бы возникнуть, если бы в странах Запада «господствовало мнение», отвергающее вмешательство государства в экономику.

26. Далее в учебнике поднимается тема социального расслоения населения России в результате реформы. Весь этот раздел меня глубоко возмущает. Как это безответственно — давать подросткам такую фальшь!

Сказано, например: «***Факты***. В 2001 г. доходы ниже прожиточного минимума имело 30% населения России, в 2005 г. — 18,4%».

Но социальную обстановку нельзя характеризовать посредством *средних величин*! В 2001 г. ниже черты бедности опустились 30% населения России в *среднем*, а в Ивановской обл. ниже этой черты существовали 68,2% населения. Целый регион переживал социальное бедствие. А в Ингушетии в таком положении были 88% населения. Как можно игнорировать ***эти факты***!

Вот другая справка о расслоении по доходам: «***Факты***. По данным Федеральной службы статистики, в 2004 г. в России на 10% наиболее обеспеченных россиян пришлось 29,8% общего объема денежных доходов, на долю же 10% наименее обеспеченных — всего 2% доходов. Уровень жизни 60–70% населения России различается незначительно».

Здесь поражает утверждение, что «уровень жизни 60–70% населения России различается незначительно». Иными словами, ученикам дают понять, что это — *средний класс*, образующий толстый однородный по доходам слой между богатыми и бедными. Но ведь это не так! В социологической литературе и в публицистике постоянно обсуждают проблему отсутствия (или малочисленности) среднего класса.

Достаточно посмотреть на две таблицы ежегодника Росстата («Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов» в % и «Распределение общего объема денежных доходов населения» по квинтилям), чтобы убедиться в больших различиях доходов в разных слоях «60–70% населения России». Вторая квинтиль (20% населения) получала в 2004 г. 10,1%, а четвертая — 22,7% всех доходов.

Кроме этого, утверждение о сходстве уровня жизни «60–70% населения» неверно и потому, что «уровень жизни» определяется не только доходами, но и доступностью ко многим социальным благам — состоянием жилища, наличием бытовой техники длительного пользования, близостью учреждений здравоохранения и т. д. Именно с середины 2000-х годов происходило «обеднение без снижения доходов» во второй и третьей квинтилях — из-за износа и выбытия компонентов материального благосостояния, унаследованных от советского времени. Особенно остро встала проблема ветшания и перехода в аварийное состояние жилищного фонда. Первые три квинтили населения не имеют достаточно средств для возмещения выбытия этих благ.

Кроме того, в этом разделе не сказано ни слова о том, что в ходе реформы сформировалось «социальное дно» (нищие, бездомные, беспризорники и уличные проститутки). Величина этого «дна» оценивалась в 2004–2005 гг. в 11 млн человек. Они не отражены в официальной статистике, о них мы знаем очень мало — СМИ их игнорируют или представляют их карикатурно. Еще есть «придонье» в размере около 5 млн человек. Они с трудом удерживаются на грани между бедностью и «дном».

Непонятно, зачем в учебнике даются неправдоподобные данные, да к тому же в рубрике «Факты».

Далее говорится: «Разница в заработной плате работников различных отраслей и предприятий тоже может быть достаточно ощутимой. Сравнительно невелики, к примеру, доходы работников государственных предприятий и отраслей, финансируемых из государственного бюджета, например учителей, врачей, научных работников».

И это фальшь! Что значит «разница в заработной плате работников различных отраслей и предприятий тоже может быть достаточно ощутимой»? Заработная плата работников сельского хозяйства в 2001 г. была в 7,1 раз, а у работников образования в 5,1 раз меньше, чем в сфере финансов, кредитования и страхования. Это считается «достаточно ощутимой» разницей?

Далее идет сентенция, которую не только школьник не сможет переварить, но, думаю, и сами авторы не понимают, что они написали: «*Неравенство доходов людей* изначально обусловлено *неодинаковой ценностью и неодинаковым объемом находящихся в их собственности факторов производства.*

Чтобы понять значение терминов “ценность” и “объем” применительно к факторам производства, вспомним мудрую детскую сказку “Кот в сапогах”».

Прежде всего, первая фраза легитимирует любую эксплуатацию и любое угнетение (например, рабство). Мол, так изначально устроен мир. Здесь отбрасывается даже та трудовая теория стоимости, которую разработал Локк для легитимации изъятия земли у индейцев Северной Америки. Какое уж тут социальное государство и равенство стартовых возможностей. Доходы изначально обусловлены собственностью!

Но это ложный постулат. Топ-менеджер корпорации может не быть собственником факторов производства, но иметь доход больше чем у собственника и тем более у рабочего, чей труд — важнейший фактор производства. Коррумпированный чиновник тоже не имеет в собственности средства производства, а тайком продает административный ресурс и получает умопомрачительный доход.

И, по-моему, нелепая идея — объяснять разницу доходов с помощью «детской сказки “Кот в сапогах”». Ведь доходы этого кота и его хозяина основаны на умении сожрать людоеда. Если так, то учебник должен научить школьников такому искусству в нынешней России. Вот такое обществознание преподается в школе!

В учебнике констатируется факт глубокого социального расслоения в результате рыночной реформы, но как! Если до этого авторы не скупились на похвалы рынку, вместо того, чтобы объяснить школьникам сложности и риски радикального изменения практически всех государственных и общественных институтов, выводы раздела о «социальной цене» бесстрастны.

Сказано: «На поляризацию доходов населения России оказали серьезное влияние проводимые в 90-х гг. XX в. социально-экономические реформы. Развитие рыночных отношений в экономике привело к спаду производства, закрытию большого числа предприятий. Это лишило заработка тысячи людей… В то же время изменение форм, характера отношений собственности, развитие предпринимательства открыли возможность для значительного увеличения своих доходов растущему числу экономически самостоятельных граждан».

Какое лукавство! Реформа лишила заработка не тысячи, а около 30 миллионов людей — из-за этого упала рождаемость и выросла смертность, возникла массовая преступность.

И главное, эта сентенция неявно утверждает, что это социальное бедствие компенсируется «увеличением доходов экономически самостоятельных граждан»!

Это неслыханное оправдание. Зашкалило!

И, наконец, немыслимое для учителя объяснение, чем плоха массовая бедность: «Если различие в доходах становится очень большим или растет слишком быстро, *возникает реальная угроза для стабильности общества*. Бедные могут выйти на улицы про-

тестовать, могут начать вооруженную борьбу, могут проголосовать на выборах за “темную” личность или партию, поддавшись соблазнительным обещаниям улучшить их положение. Обострение проблемы бедности может сказаться на росте преступности в стране».

Вот так — в подростках воспитывают не чувство справедливости и сострадания, а страх перед обездоленными. «Бедные могут выйти на улицы протестовать!», какой ужас.

Что творится с русской культурой! Хоть бы церковь свое слово сказала.

О помощи бедным сказано так: «Происходит передача части полученных доходов государства беднейшим группам населения. Для этого создаются различные социальные фонды (например, пенсионный фонд)».

Это уже из ряда вон! Пенсионный фонд вовсе не предназначен для «передачи части полученных доходов государства беднейшим группам населения». Неужели из большого коллектива авторов учебника не нашлось ни одного пенсионера! Пенсионеры получают деньги (точнее, их небольшую часть), которые они кредитовали государству, когда работали.

Дальше следует моральное напутствие «иждивенцам»: «Государственные выплаты, получаемые людьми в течение длительного срока, не должны снижать стремления людей работать и уверенности в том, что только так можно обеспечить себе и своим близким достойное существование». О ком речь? О студентах? пенсионерах? инвалидах? Зачем в учебнике эти пошлые сентенции!

Проблема социальной помощи дана скороговоркой и с множеством ошибочных утверждений. Например: «Пособия и субсидии учитывают доходы людей и *носят адресный характер*». Откуда авторы это взяли? В какой стране они живут? Что такое «адресный характер»?

Посмотрите на железнодорожный транспорт пригородного сообщения — всем известные электрички. До 2004 г. от 79 до 83% стоимости билета оплачивались субсидией государства, в 2009 г. субсидия в цене каждого билета составляла 57%. Никто не спрашивал на перроне, каков доход пассажира, никто не спрашивал и его адреса. Что за фантазии!

И при этом еще дается вопрос для проверки: «Почему социальные программы государства носят адресный характер?»

А в конце под девизом «Говорят мудрые» школьникам впаривают такую мудрость: «Один родится с серебряной ложкой во рту, а другой — с деревянным половником». *О. Голдсмит (1728–1774), английский писатель*.

Дожили…

Вообще стоит отметить, что авторы учебника, заполняя рубрику «Говорят мудрые» дешевыми афоризмами, похоже, не вдумываются в их смысл. Мудрость, следующая за приведенной выше, такова: «Дом не может считаться жилищем человека, пока в нем нет пищи и огня не только для тела, но и для разума». *М. Фуллер (1810–1850), американская писательница*. Это — или социальный расизм, или, в лучшем случае, глупость. Каким образом человек, имеющий дом, тепло и пищу, может не иметь «огня для разума»? Или тут речь идет о сумасшедшем доме? Скорее, социальный расизм (типа афоризма «идиотизм деревенской жизни»).

27. **Глава IV СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА. § 23. Социальная структура общества**

Здесь дается определение, которое расходится с большинством словарей и с трактовкой, привычной в обыденном сознании. Понятия «социальная сфера» и **«социальная структура общества» соединены в учебнике таким отношением**: «Взаимосвязь основных элементов этой сферы и создает **социальную структуру общества**. Чаще всего такими элементами считаются большие социальные группы: классы, социальные слои, профессиональные группы и др.».

Таким образом, основными элементами социальной сферы здесь считаются «большие социальные группы».

А вот как представлена социальная сфера в словарях:

«**СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА** — совокупность отраслей, предприятий, организаций, непосредственным образом связанных и определяющих образ и уровень жизни людей, их благосостояние, потребление. К С.С. относится, прежде всего, сфера услуг (образование, культура, здравоохранение, социальное обеспечение, физическая культура, общественное питание, коммунальное

обслуживание, пассажирский транспорт, связь)». Эта формулировка дана и во многих других словарях [141][40].

Надо было хотя бы предупредить о наличии этого альтернативного понятия, которое давно устоялось в обыденном сознании. Учебник вносит путаницу в понятия.

Что касается «больших социальных групп», которые служат элементами структуры общества, нельзя было обойти того факта, что в 1990-е годы произошла глубокая дезинтеграция «больших социальных групп» и всего российского общества. В частности, распались классы (например, рабочий класс) и большие профессиональные группы (например, интеллигенция). Социальные слои перемешались, и стратификационный подход не дает верной картины. Для 8 класса эта проблема, возможно, сложна, но и давать искаженную картину не следовало.

В обзорной работе 1999 г. сказано: «В настоящее время в российском социальном пространстве преобладают интенсивные дезинтеграционные процессы, размытость идентичностей и социальных статусов, что способствует аномии в обществе. … Хуже всех пришлось представителям прежних средних слоев, которые были весьма многочисленны, хотя и гетерогенны: профессионалы с высшим образованием, руководители среднего звена, служащие, высококвалифицированные рабочие. Большая их часть обеднела и стремительно падает вниз, незначительная доля богатеет и уверенно движется к вершине социальной пирамиды… Коренным образом изменились принципы социальной стратификации общества, оно стало структурироваться по новым для России основаниям» [142].

Игнорировать этот факт невозможно.

Исчезновение «больших социальных групп», сплоченных общими интересами и самосознанием, наглядно отражается в политике. Л.Г. Ионин пишет: «Главным признаком российской политики является практически полное отсутствие социально-слоевой идентификации политических партий. Многочисленные попытки отдельных партий и лидеров установить предполагаемую классическими политологическими учениями «принципиальную координацию» между партией с ее доктриной и соответствую-

[40] В социологических словарях есть понятие «социальная сфера общества», но это не то же самое, что «социальная сфера».

щим социальным слоем многократно и красноречиво проваливались. Рабочие отказываются идти в лоно социал-демократии, промышленники не поддерживают ни гайдаровскую партию, ни партию экономической свободы, которые собственно для них и создавались. Нет партии рабочих и партии крестьян, нет партии бедных и партии богатых.

Формирование блоков и движений регулируется не социальной (социально слоевой) близостью участвующих партий, а именно актуальными политическими темами, по которым может возникнуть временная общность целей, и конкретными политическими ситуациями. Социально обусловленной идиосинкразии политиков разных ориентаций не возникает. И это не неразборчивость и беспринципность, как о том любит шуметь пресса, а принципиальная характеристика политики, в корне изменившейся вместе с ликвидацией и очевидной бесперспективностью восстановления традиционной классово-слоевой структуры общества» [143].

Непонятно, зачем в учебнике приведен такой афоризм Вольтера: «Не неравенство тягостно, а зависимость». *Вольтер (1694–1778), французский писатель, философ-просветитель*.

Возможно, это плохой перевод, возможно, эта фраза вырвана из контекста, но факт, что в приведенном виде это бессмыслица. Неравенство и зависимость — явления, лежащие в разных плоскостях, они несоизмеримы и сравнивать их между собой глупо. Зависимость друг от друга — необходимое условие существования человека как биологической особи и как «общественного» существа. Вольтер об этом не догадывался? Понятие неравенства как социального зла вообще сформировалось лишь в ходе Великой французской революции, Вольтер его не успел как следует обдумать.

Попробовали бы авторы учебника поодиночке дать свои трактовки этой фразы — думаю, не смогли бы высказать двух одинаковых версий. А зачем забивать этой чепухой головы подростков?

Поколения

Рассуждения о структуре общества привели к упоминанию общностей иного типа, чем социальные группы.

Вот какое определение дается *поколению*: «Поколением также считают группу людей примерно в рамках тридцатилетнего периода: именно столько лет отделяет в среднем рождение этих людей от рождения их детей, которые образуют новое поколение. В этом случае уместно говорить о поколениях “отцов” и “детей”».

Это определение не имеет смысла. Почему дети, которые родились от супругов, которым было 30 лет, «образуют новое поколение»? Что их объединяет, кроме года рождения и возраста родителей? Причем здесь это?

Поразительно, но в учебнике излагают представления о поколениях Геродота! Как говорят социологи, «такое понимание поколения было преобладающим среди мыслителей вплоть до середины XIX века». Начало разработки современного представления положено К. Маннгеймом в статье «Проблема поколений» (1928). Для учебника по обществознанию важно представление именно социологов, а не демографов.

С точки зрения социологии поколения формируются не *биологически*, посредством «рождения детей» в возрасте родителей 30 лет, а в ответ на социальную и культурную обстановку в момент быстрой социализации в юношеском возрасте. В советский период в среднем смена поколений происходила через 12 лет.

Вот что пишут видные американские социологи, специалисты в этой теме: «Только там, где мы способны четко и однозначно демаркировать когорту в терминах ее *социально-исторического сознания*, следует говорить об истинном поколении…

Процесс формирования поколения как чего-то уникального и самобытного тянется несколько лет. Его нижняя граница — поздняя юность (17 лет), а верхняя — ранний период взрослости (25 лет) Именно в этот момент у человека формируются собственные взгляды на общественно-политические явления. Характер поколения, сформированный событиями, происходившими во времена юности, оказывает решающее влияние на всю последующую — взрослую — жизнь людей.

Социологи используют поколение в качестве фактора, с помощью которого можно предсказывать будущее поведение больших масс людей… Даже формальная попытка идти от описания когорт в терминах возраста к предсказанию будущего поведения

является очень важным шагом вперед. По существу, здесь изучается, что именно из прежнего опыта остается в памяти конкретной когорты и влияет на поведение. Основная гипотеза Маннгейма касается того опыта юношеских лет и раннего периода взрослости, который “взят” в будущее по крайней мере с какой-то степенью самосознания» [144].

Между тем понятие *поколения* исключительно важно для обществоведения. Например, для революции 1917 г. важен был тот факт, что большая часть солдат из крестьян и рабочих прошли «университет» революции 1905–1907 г. в юношеском возрасте, когда формируется характер и мировоззрение человека. Они были и активными участниками волнений, и свидетелями карательных операций против крестьян после подавления волнений.

Важна коллективная память того поколения, которому довелось играть решающую роль в критический момент истории. В такие моменты действуют не просто классы или сословия и не просто этносы (народы), а именно поколения. Это те возрастные когорты классов, сословий и народов, взгляды которых складывались в конкретных, в чем-то необычных, исторических условиях. Историки отмечают, что особенными чертами отличается поколение, которое в момент политического потрясения находилось в состоянии формирования характера — было еще молодым, но уже достаточно зрелым.

Известна и роль поколения «шестидесятников», которые в юности пережили XX съезд КПСС, нанесший первый мощный удар по СССР. Это была сплоченная когорта молодежи, в основном выходцев из партийной и советской элиты, которые с энтузиазмом встретили «оттепель» Хрущева, а после ее неудачи, пережив разочарование, стали сдвигаться к антисоветизму. В количественном отношении это было небольшое меньшинство ровесников рождения 1928–1936 гг., но именно они задали образ своей группы как поколения.

А сейчас на общественную арену вышло первое *постсоветское* поколение, во многих отношениях нам неведомое. Оно обладает неизвестным в России типом рациональности и потребностей, несбыточными притязаниями и комплексами. Оно почти утратило коммуникации с государством и старшими поколениями, вышло из-под влияния и авторитетов советской культуры

и традиционных норм и авторитетов. Оно не переживало бедствия 90-х годов и не испытывает страха перед хаосом.

Новое поколение представляет собой новый культурно-исторический тип. Это — изменение не просто политическое и социальное. Речь идет о назревании цивилизационного конфликта государства — как с остатками советского культурного типа, так и с «рыночной» постсоветской формацией. Власть, отказываясь от диалога с этим поколением (как раньше — от диалога с советским человеком), создает риск социокультурного конфликта неизвестной конфигурации.

Именно это поколение, почти все с дипломами офисных специальностей, названо «креативным классом», на него власть возлагает надежды — а оно тяготеет к Болотной площади. В общежитиях ГУ ВШЭ, мозгового центра Правительства, 66% проголосовали за Прохорова, в общежитиях МФТИ — 45%.

Понять ход общественных процессов без учета особенностей действующих поколений, представленных в современных научных понятиях, нельзя.

Наконец, в учебнике подросткам дается странная и очень сомнительная рекомендация: «Молодое поколение не может слепо воспринимать любые национальные традиции и обычаи. Оно должно самостоятельно определить, что в историческом опыте достойно преклонения, а что — осуждения».

Почему же молодое поколение должно оценивать исторический опыт своего народа *самостоятельно*? Как раз в этом деле разрыв поколений, а тем более конфликт, наносит молодежи огромный вред. Воспитание детей и подростков, социализация молодежи в норме происходят в тесном контакте со старшими поколениями, желательно двумя-тремя. Каждое из них передает исторический опыт своего поколения, и его не заменить ни школьными, ни вузовскими учебниками.

Как могла возникнуть у авторов учебника мысль назвать такую передачу опыта «слепым восприятием национальных традиций и обычаев»!

Народ

Об этом типе общностей сказано много странного и туманного.

Например, сказано: «Судьбу отдельного человека нельзя оторвать от судьбы его народа… Поэтому человек не может быть безразличным к успехам или бедам своего народа».

Почему же «нельзя оторвать», если этот «отрыв» наблюдается в разные эпохи и в крупных масштабах? По разным причинам люди отрываются от судьбы своего народа — эмигрируют, вступают в браки, попадают в плен и остаются за границей, переходят на сторону врага. А сколько у нас отщепенцев, которые находятся в России во «внутренней эмиграции»! Уж нам ли этого не знать — за сто лет мы пережили четыре волны отрыва массы людей от судьбы нашего народа. Зачем отрицать очевидное?

Посмотрите, сколько людей желает (сгоряча, но все же) уехать жить за границу:

Таблица 1

Хотели бы вы уехать за границу (за пределы бывшего СССР) на постоянное жительство?

	Предприниматель	Руководитель	Специалист	Военнослужащий	Служащий	Рабочий	Учащийся, студент	Пенсионер	Домохозяйка	Безработный
Определенно да + скорее да	53	12	33	23	30	18	52	3	23	31
Скорее нет + определенно нет	42	83	61	77	52	76	45	96	76	65
Затруднились ответить	5	5	6	0	18	6	3	1	1	4

Май 2011-го, общероссийская репрезентативная выборка населения, N=1600, в % к числу опрошенных

В толковании понятий этнической сферы много неточностей. Например, говорится: «Ученые нашей страны под основными

типами этнических общностей, как правило, понимают племя, народность, нацию. Многие ученые используют слово “нация” в другом смысле: нация — это все граждане определенной страны, независимо от их этнических различий».

Во-первых, почему-то решили, что «ученые нашей страны» не включают в перечень этнических общностей *народ* — это ведь не то же самое, что *народность*. Во-вторых, сбивает с толку утверждение, будто «многие ученые используют слово “нация” в другом смысле». Понятие нации многозначно. И в политике, и в обыденном разговоре надо иметь в виду, какой смысл придается этому слову, в какой контекст оно встраивается.

Под словом «нация» может пониматься и гражданство как коллективный суверенитет, основанный на общем политическом участии, и сообщество тех, кого связывают общие язык, история или культурная идентичность. Это не значит, что ученые придают слову «другой смысл».

Трудно принять такое объяснение появления наций: «Развитие экономических связей внутри народности и между народностями привело к их превращению в нации. Люди, принадлежащие к одной нации, объединены общностью экономических связей, территории, культуры. Они говорят на одном языке. Им присущи общие черты национального характера».

Получается, что «народности превращаются в нации» стихийно, просто в ходе развития экономических связей. Это ошибочное представление. В Индии уже в XVII веке были развитые экономические связи в масштабе всего полуострова, а нация возникла только в середине XX века. А почему не возникло нации в Российской империи?

Вот формула этнолога: «Нации представляют собой результат исторических изменений, политической борьбы и осознанного творчества». Ничего стихийного! Утрируя, говорят даже так: «Нация возникает с того момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так должно быть».

Видный этнолог пишет: «Потребовалось воздействие многих случайных исторических факторов, включая централизующую силу современной государственной бюрократии, технический прогресс в виде, например, изобретения печатного станка, разрушение связующей силы католицизма, вызванное Реформацией,

а также то, что Бенедикт Андерсон образно назвал “революционным объединяющим эффектом капитализма”» [145].

И не благодаря развитию экономических связей возникли в Европе в XVIII–XIX веках нации, а ради развития промышленности и крупных рынков. Именно потребность современного государства в интегрированности населения положила начало идеологии национализма, которая в свою очередь создала нацию. Как отмечал Э. Хобсбаум, «не нация создала государство, а государство породило нацию». Этнологи придают особое значение в процессе формирования гражданских наций — общенациональную **печать**. В силу своей величины нация может быть только «воображаемым сообществом», т. е. граждане соединяются в ней через потоки общей для всей территории информации. Нации стали складываться в Западной Европе благодаря появлению печати.

Очень странно, что в учебнике не сказано о *национализме* — необходимом условии для соединения народов и этносов в нации. Умолчание лишь приведет к тому, что подростки получат на улице или в Интернете ложные, а то и разрушительные представления об идеологиях национализма.

Неудовлетворительно трактуется и проблема межэтнических отношений, причин конфликтов и подходов к их разрешению. Тема трудная, но разработана гораздо лучше, чем она представлена в учебнике.

Вывод: для школы, которая обучает и воспитывает подростков в сложных условиях переходного периода, нужен учебник обществознания, тактично излагающий знание о реальности, сократив до минимума идеологическую пропаганду.

Заключение

С конца XX в. Россия погрузилась в *системный кризис*. Тяжесть и продолжительность этого кризиса во многом обусловлены тем, что как раз к его началу в СССР «отказало» обществоведение, общественные науки. Отказало в целом, как особая система знания (об отдельных блестящих талантах и коллективах не говорим, не они в эти годы определяли общий фон).

Индустриальное общество не поддается верному описанию в рамках традиционного и обыденного знания; ядро знания об обществе должно быть рациональным, научного типа. Российское обществоведение, в отличие от западного, выросло не из науки, а из русской классической литературы и немецкой романтической философии. В советское время оно было дополнено марксизмом — учением с сильной компонентой романтической философии. Советское обществоведение, которое в методологическом плане ближе к натурфилософии, чем к науке, потерпело полное фиаско.

Как и у всякой науки, главная функция общественных наук заключается в том, чтобы *формулировать запреты* — предупреждать о том, *чего делать нельзя*. Обществоведение обязано выявлять те опасности, которые таятся в самом обществе людей: указывать, чего нельзя делать, чтобы не превратить массу людей в разрушительную силу. Этой функции наше обществоведение не выполнило. Более того, элита сообщества обществоведов большой части перешла в 1980-е годы на антисоветские позиции и стала ударной силой идеологической войны против СССР. Произошел отход от основных норм научного познания, отброшена беспристрастность и ориентация на истину, целью стало уничтожение «империи зла» и советского строя.

В результате была деформирована когнитивная (познавательная) структура российского обществоведения, и его сообщество распалось. Постсоветская Россия, погружавшаяся в кризис, осталась без опоры на достоверное знание о драматических и необычных общественных процессах, которые разыгрались в Евразии. Это усугубило массовые страдания населения, ускорило дезинтеграцию общества и народа, резко ослабило государство.

Перед нами явление крупного масштаба: на огромном пространстве при участии влиятельной интеллектуальной группировки искусственно создана хозяйственная, социальная и культурная катастрофа. Ее интенсивность и продолжительность не имеют прецедента в индустриальном обществе Нового времени. А научное сообщество, обязанное изучить и объяснить эти процессы, недееспособно. Его элита, в ходе антисоветского похода погрузившись в мир идеологических мифов и призраков, стала деструктивной сектой с мессианскими видениями. Заняв столичные кафедры и факультеты, она парализует молодежь, которая испытывает чрезвычайную потребность в достоверном и беспристрастном знании.

Силой авторитета и административной власти большей части гуманитарной интеллигенции навязана аномальная *методологическая парадигма*. В ней стали господствовать не нормы научной рациональности, а корпоративные и клановые интересы. На языке этой парадигмы с ее логикой и мерой стала мыслить и изъясняться основная масса преподавателей, подготовленных ими дипломированных специалистов, а затем и политики, бизнес-элита, СМИ.

Сборка нового сообщества обществоведов на адекватной нынешним проблемам и процессам методологической основе — срочная и чрезвычайная задача в национальной повестке дня России. Для этого требуется деликатно ограничить монополию в обществоведении элиты, погрязшей в своей перманентной революции.

Именно это мотивировало написание такой неприятной книжки. Расчистка хоть небольшой площадки для возникновения (точнее, целенаправленного создания) ячеек обществоведения научного типа, добывающего достоверное знание о реальности, стала чрезвычайной и актуальной задачей для ***любой*** мало-мальски патриотической власти России: будь то демократы, коммунисты, диктатор или король. Это уже вопрос выживания страны даже в ее самом приниженном состоянии.

Если бы не это — забыть бы тлен и распад перестройки и тупой бандитизм 1990-х годов и просто дожить, что кому осталось, понемногу восстанавливая условия для жизни внуков и правнуков. Но кроющая способность гноя, произведенного антисовет-

ской революцией, беспрецедентна: все забрызгано, негде собраться людям, которые бы могли сосредоточиться на беспристрастном обсуждении объекта, условно называемом «российское общество». Он как будто заколдован — тронь его, и перед глазами мечутся какие-то фантомы и призраки, скалятся идолы площади, рынка и театра. Благообразный профессор постукивает хвостом по кафедре, проповедник на площади притоптывает копытцем.

Как можно преподавать студентам, чего от них можно требовать? Студент-политолог боится прикоснуться к политике, даже к самому безобидному ее проявлению, социолог бежит от социального факта — им уже вбили в голову: чем угодно занимайтесь, но не касайтесь российской реальности, ни-ни. Ну как можно к чему-то прикасаться, если власть поручает готовить программу развития России учреждениям, зная, что они напишут совершенно противоположное тому, что намечает и обещает сама власть! Перманентная революция и есть хаос, к которому честный и деятельный человек в принципе не может приспособиться. Ему нет места ни с властью, ни с оппозицией. И то, и другое — маски. И сколько их, неизвестно. Когда в тебя стреляют из пистолета, ты хоть считаешь выстрелы — после восьмого будет передышка и можно куда-то переползти. А тут маски нарождаются с любой скоростью.

Конечно, антисоветская революция пожрать своих детей не может — подавится. Но и оставлять это дело на самотек государство не должно. Поколение за поколением наших обществоведов обучают в такой уродливой парадигме, что уже не стоит вопроса ни об истине, ни об идеологии, все смешано в кашу — *ризому*[41].

На наш взгляд, 10–15 небольших книжек, делающих проходы в этой ризоме, позволят расчистить и продержать поляну, чтобы устроить и засеять грядки новой, пусть срочной и минимальной, методологией кризисного обществоведения для актуальной России. Если будут всходы и мы сможем их защитить до созревания, то эта методология начнет развиваться и обогащаться знанием. Монополия двуличия и спектакля будет слегка надломлена.

---

[41] «У ризомы нельзя выделить ни начала, ни конца, ни центра, ни центрирующего принципа («генетической оси»), ни единого кода».

Литература

1. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН, 2011.
2. Есть мнение / Ред. Ю.А. Левада. М.: Прогресс, 1990.
3. *Батыгин Г.С.* «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // В кн. «Социальные науки в постсоветской России». М.: Академический проект, 2005.
4. *Качанов Ю.Л.* Как возможна социальная группа (к проблеме реальности в социологии) / Ю.Л. Качанов, Н.А. Шматко // СОЦИС. 1996. № 12.
5. *Воронков В.М.* Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР / В.М. Воронков // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 168–200.
6. *Кара-Мурза С.* Крах СССР: история и версия объяснения / С. Кара-Мурза. М.: Алгоритм, 2013.
7. *Степанова О.К.* Понятие «интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и во времени / О.К. Степанова // СОЦИС. 2003. № 1.
8. *Воронков В.* Первый путь к диссидентству — друзья / В. Воронков // АИФ Восточной Сибири. 2009. № 46. http://www.irk.aif.ru/society/article/9300.
9. Центр независимых социологических исследований. http://www.cisr. ru/history.html.
10. *Грушин Б.А.* Горький вкус невостребованности / Б.А. Грушин // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
11. *Мамардашвили М.К.* Мой опыт нетипичен / М.К. Мамардашвили // Независимая газета. 1992. 29 февраля.
12. *Митрохин Л.Н.* Тернистые пути отечественной социологии / Л.Н. Митрохин // В кн. «Социология и власть». М.: Наука, 2008.

13. *Гудков Л.* Молодые «культурологи» на подступах к современности / Л. Гудков, Б. Дубин // Новое литературное обозрение. 2001. № 4 (50).
14. *Кара-Мурза С.* Маркс против русской революции / С. Кара-Мурза. М.: Яуза, 2008.
15. *Ципко А.* Магия и мания катастрофы. Как мы боролись с советским наследием / А. Ципко // Независимая газета. 2000. 17 мая.
16. *Ципко А.С.* Драма перестройки: кризис национального сознания / А.С. Ципко // В кн. «Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние». М.: ИЭ РАН, 2008. С. 84.
17. *Фокин С.Л.* Что такое русская философия против политики сегодня / С.Л. Фокин // http:// www.credonew.ru/content/view/1112/67.
18. *Пущаев Ю.В.* Политическое мышление Мамардашвили / Ю.В. Пущаев // http://www.russ.ru/pole/Politicheskoe-myshlenie-Mamardashvili.
19. *Сенокосов Ю.* Воспоминания о Мамардашвили / Ю. Сенокосов // Общая газета. 1995. 14 сентября. № 37 (113).
20. *Мамардашвили М.* Сознание и цивилизация. Тексты и беседы / М. Мамардашвили. М.: Логос, 2004.
21. *Мамардашвили М.К.* Мысль под запретом (Беседы с А. Эпельбауэн) / М.К. Мамардашвили // Вопросы философии. 1992. № 5.
22. *Заславская Т.И.* О стратегии социального управления перестройкой / Т.И. Заславская // Иного не дано. М.: Прогресс, 1988. С. 40–41.
23. *Заславская Т.И.* О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии / Т.И. Заславская // http:// www.cdclv.unlv.edu//archives/articles/zaslavskaya_manifest.html.
24. *Заславская Т.И.* Социализм, перестройка и общественное мнение / Т.И. Заславская // СОЦИС. 1991. № 8.
25. Перестройка: 20 лет спустя. М.: Горбачев-фонд, 2005. http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=470&art_id=24026»\t «blank».
26. *Заславская Т.И.* Россия в поисках будущего / Т.И. Заславская // СОЦИС. 1996. № 3.
27. *Заславская Т.И.* О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России / Т.И. Заславская // СОЦИС. 2002. № 8.

28. *Попов Г.Х.* Перспективы и реалии. О стратегии и тактике демократических сил на современном этапе / Г.Х. Попов // Огонек. 1990. № № 50–51.
29. *Радаев В.В.* Власть и собственность / В.В. Радаев, О.И. Шкаратан // СОЦИС. 1991. № 1.
30. *Батыгин Г.С.* «Никакого другого пути я даже помыслить не мог…» / Г.С. Батыгин // Социологический журнал. 2003. № 2.
31. *Горбачев М.С.* Перестройка и новое мышление / М.С. Горбачев. М.: Изд-во политической литературы, 1988.
32. Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя // СОЦИС. 2005. № 9.
33. РИА Новости // http://www.ria.ru/society/20121229/916738237.html.
34. *Амосов Н.* Революция у нас или нет? / Н. Амосов // Литературная газета. 1990. № 45.
35. *Празаускас А.* СНГ как постколониальное пространство / А. Празаускас // Независимая газета. 1992. 7 февраля.
36. *Нуйкин А.* Считайте меня китайцем / А. Нуйкин // Российская газета. 1992. 2 апреля.
37. *Широнин В.* Под колпаком контрразведки / В. Широнин. М.: Палея, 1996. С. 256–257.
38. *Клигер С.А.* Рейтинг популярности публицистов / С.А. Клигер // Экслибрис: научно-информационный бюллетень. Вып. 1. М.: Книжная палата, 1989. С. 21.
39. *Яковлев А.Н.* Сумерки / А.Н. Яковлев. М.: Материк, 2005.
40. *Мэтлок Д.Ф.* Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза / Д.Ф. Мэтлок. М.: Рудомино, 2003. С. 55.
41. *Островский А.В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР / А.В. Островский. М.: Форум, Крымский мост–9Д. 2011 // http://www.reeed.ru/lib/books/glupost_ili_izmena_rassledovanie_gibeli_sssr.
42. *Яковлев А.* О перестройке, демократии и «стабильности» / А. Яковлев // Независимая газета. 2003. 2 декабря.
43. *Горбачев М.* Демократизация — суть перестройки, суть социализма / М. Горбачев // Правда. 1988. 13 января.
44. *Яковлев А.Н.* Большевизм — социальная болезнь XX века / А.Н. Яковлев // Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / Куртуа С. и др. М.: «Три века истории», 2001.

45. *Крючков В.А.* Личное дело. Ч. 1. / В.А. Крючков. М.: Олимп, 1997. С. 257.
46. *Яковлев А.Н.* Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности / А.Н. Яковлев. М.: Новости, 1991.
47. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Петроград, 1917. С. 114–116.
48. *Фишер С.* Экономика / С.Фишер, Р.Дорнбуш, Р. Шмалензи. М., 1993. С. 358.
49. *Aganbeguyan A.* La perestroika económica: una revolución en marcha / A. Aganbeguyan. Barcelona: Grijalbo, 1989. P. 77.
50. *Межуев В.М.* Национальная культура и современная цивилизация / В.М. Межуев // Освобождение духа. М.: Политиздат, 1991.
51. *Амосов Н.М.* Мое мировоззрение / Н.М. Амосов // Вопросы философии. 1992. № 6.
52. *Ясин Е.Г.* Элита России о настоящем и будущем страны / Е.Г. Ясин. М.: ИСИ РАН, 3 декабря 1993 г. Интервьюер Кульницкая С.Б.
53. *Аганбегян А.Г.* Элита России о настоящем и будущем страны / А.Г. Аганбегян. М.: ИСИ РАН, 26 ноября 1993 г. Интервьюер к.ф.н. Филатова И.П.
54. *Попов Г.Х.* Тупики тоталитарного социализма и перспективы развития / Г.Х. Попов // Независимая газета. 1992 г. 13 марта.
55. *Попов Г.Х.* http://www.mk.ru/blogs/idmk/2009/03/25/mk-daily/401208.
56. *Яковлев А.Н.* Перестройка и нравственность / А.Н. Яковлев // Советская культура. 1987. 21 июля.
57. *Тишков В.А.* Элита России о настоящем и будущем страны / В.А. Тишков. М.: ИСИ РАН, 25 января 1994 г. Интервьюер к.ф.н. Филатова И.П.
58. *Бердяев Н.* Русская идея / Н.Бердяев // Вопросы философии. 1990. № 1.
59. *Амосов Н.* Реальности, идеалы и модели / Н. Амосов // Литературная газета. 1988. 6 октября.
60. *Заславская Т.И.* Перестройка и социализм / Т.И. Заславская // В кн. «Постижение. Перестройка: гласность, демократия, социализм». М.: Прогресс, 1989. С. 217–240.
61. *Келле В.Ж.* Общественная наука и практика / В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзон // Вопросы философии. 1990. № 12.

62. *Кордонский С.* Социальная реальность современной России / С. Кордонский. http://www.POLIT.ru/lectures/2004/05/11/kordon.html.
63. *Найшуль В.А.* Откуда суть пошли реформаторы / В.А. Найшуль. http://www.bilingua.ogi.ru/lectures/2004/04/21/vaucher.html.
64. *Ципко А.* Можно ли изменить природу человека? / А. Ципко // В кн. «Освобождение духа». М.: Политиздат, 1991.
65. *Смирнов Г.Л.* Революционная суть перестройки / Г.Л. Смирнов // Правда. 1987. 13 марта.
66. *Ципко А.* // Московские новости. 1990. № 24.
67. *Ципко А.* // В кн. «Освобождение духа». М.: Политиздат, 1991. С. 345.
68. *Феретти М.* Расстройство памяти: Россия и сталинизм / М. Феретти // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002.№ 5.
69. *Буровский А.М.* После человека / А.М. Буровский // Постчеловек. М.: Алгоритм, 2008. С. 208.
70. *Иноземцев В.* On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI в. / В. Иноземцев // Постчеловечество. М.: Алгоритм, 2007. С. 71.
71. *Столяров А.М.* Розовое и голубое / А.М. Столяров // Постчеловек. М.: Алгоритм, 2008. С. 26, 31.
72. *Любимов Л.* Право на безделье / Л. Любимов // Ведомости. 2010. № 171. 13 сентября. http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/245506/pravo_na_bezdele#ixzz1VJIyikZc.
73. Социальная сфера: политическое и духовное развитие общества. М.: Наука, 1991.
74. *Яковлев А.* Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки / А. Яковлев // Коммунист. 1987. № 8.
75. *Горшков М.К.* Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки / М.К. Горшков // СОЦИС. 2010. № 12.
76. *Максимов Б.И.* Состояние и динамика социального положения рабочих в условиях трансформации / Б.И. Максимов // СОЦИС. 2008. № 12.
77. *Максимов Б.И.* Рабочий класс, социология и статистика / Б.И. Максимов // СОЦИС. 2003. № 1.

78. *Шмелев Н.* Авансы и долги / Н. Шмелев // Новый мир. 1987. № 6.
79. *Шмелев Н.П.* Экономические перспективы России / Н. Шмелев // СОЦИС. 1995. № 3.
80. *Межуев В.М.* Национальная культура и современная цивилизация / В.М. Межуев // В кн. «Освобождение духа». М.: Политиздат, 1991.
81. *Lévi-Strauss C.* Antropología estructural: Mito, sociedad, humanidades / C. Levi-Strauss. México: Siglo XXI Eds., 1990.
82. *Ракитов А.И.* Цивилизация, культура, технология и рынок / А.И. Ракитов // Вопросы философии. 1992. № 5.
83. *Ципко А.* Замороженная душа / А. Ципко // Независимая газета. 2008. 12 ноября.
84. *Яковлев А.Н.* Куда качнется интеллигенция / А.Н. Яковлев // Российская газета. 1996. 8 июня.
85. *Шмелев Н.П.* Экономика и здравый смысл / Н.П. Шмелев // Знамя. 1988. № 7.
86. *Лакшин В.* Берега культуры / В. Лакшин // Свободная мысль. 1993. № 9.
87. *Маркс К.* Капитал. Соч. Т. 23. С. 772–773.
88. *Ильенков Э.В.* Философия и культура / Э.В. Ильенков. М.: Политиздат, 1991. http://www.caute.net.ru/ilyenkov/texts/phc/marxww.html.
89. *Нерсесянц В.С.* «Декларация прав человека и гражданина» в истории идей о правах человека / В.С. Нерсесянц // СОЦИС. 1990. № 1.
90. *Горбачев М.* Декабрь–91. Моя позиция / М. Горбачев. М.: Новости, 1992.
91. *Красильщиков В.А.* Модернизация и Россия на пороге XXI в. / В.А. Красильщиков // Вопросы философии. 1993. № 7.
92. *Гэлбрейт Дж.* Прочему правые неправы / Дж. Гэлбрейт // Известия. 1990. 29 января.
93. *Кардозу Ф.Э.* Пути развития России / Ф.Э. Кардозу, М. Карной, М. Кастельс, А. Турен // Мир России. 2010. № 2.
94. *Яковлев А.Н.* // Поиск. 1992. № 7.
95. *Шмелев Н.* Новые тревоги и надежды / Н. Шмелев // Новый мир. 1988. № 4.
96. *Аганбегян А.Г.* Социально-экономическое развитие России. http://www.econom.nsc.ru/eco/arhiv/ReadStatiy/2004_01/Aganbegian.htm.

97. *Шмелев Н.П.* // Московская среда. 2003. № 4.
98. *Эмсден А.* Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования российской экономики /А. Эмсден, М. Интрилигейтор, Р. Макинтайр, Л. Тейлор // Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития. Вып. 1. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание», 1996. С. 65–85.
99. *Шлыков В.В.* Что погубило Советский Союз? Американская разведка о советских военных расходах / В.В. Шлыков // Военный вестник МФИТ. 2001. № 8.
100. *Яковлев А.Н.* Советский строй можно было взорвать только изнутри / А.Н. Яковлев // Литературная газета. 2001. № 41. 10–16 октября.
101. *Кара-Мурза С.Г.* Народное хозяйство СССР / С.Г. Кара-Мурза. М.: Алгоритм, 2012.
102. *Лихачев Д.* Я вспоминаю / Д. Лихачев. М.: Прогресс, 1991.
103. *Тихонова Н.Н.* Особенности нормативно-ценностной системы российского общества. http://www.liberal.ru/articles/5188.
104. *Ясин Е.* Демократы, на выход! / Е. Ясин // Московские новости. 2003. № 44. 18 ноября.
105. *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции / Дж. Стиглиц. М.: Мысль, 2003. С. 194.
106. *Авалиани Т.* Из истории рабочего движения Кузбасса (к 15-летию шахтерской забастовки 1989 года). http://www.vorkuta-rkrp.narod.ru/avaliani.
107. *Беляков А.А.* Стратегические проекты России в условиях кризиса / А.А. Беляков // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. Т. 2. Вып. 3.
108. *Fernández Cepedal J.M.* Ideología «brumarista» y Napoleon Bonapart / J.M. Fernandez Cepedal // El Basilisco, 2 Epoca, 1994. № 17. PP. 37–44.
109. *Гайдар Е.Т.* Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция / Е.Т. Гайдар. СПб.: Норма, 2009. С. 328.
110. *Яковлев А.* Родоначальник гласности о контрреформах / А. Яковлев // Независимая газета. 2005. № 79. 19 апреля.
111. *Попов Г.Х.* Пора перестать бездумно бить поклоны / Г.Х. Попов // Московский комсомолец. 2005. 7 февраля.
112. *Малышев А.В.* В мире фантомов / А.В. Малышев // СОЦИС. 1992. № 12.

113. http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1253.
114. *Кон И.* Личность и общество (Возвращаясь к проблеме отчуждения) / И. Кон // Иностранная литература. 1966. № 5. (http://www.scepsis.ru/library/id_1113.html).
115. *Орлов В.Н.* Культура и отчуждение / В.Н. Орлов, О.И. Карпухин // СОЦИС. 1990. № 8.
116. *Тарасов А.* Суперэтатизм и социализм // http://www.scepsis.ru/library/id_102.html.
117. *Волович В.Н.* Отчуждение как условие формирования нового рабочего класса в постсоветской России / В.Н. Волович // Проблемы современной экономики. 2008. № 4 (28).
118. *Кравченко А.И.* «Мир наизнанку»: методология превращенной формы / А.И. Кравченко // СОЦИС. 1990. № 12.
119. *Ионин Л.Г.* Культура и социальная структура / Л.Г. Ионин // СОЦИС. 1996. № 2.
120. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 42.
121. *Маркс К.* Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 3. С. 30, 31.
122. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // В кн.: М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 144–145.
123. *Павловский Г.* Война так война / Г. Павловский // Век XX и мир. 1991. № 6.
124. *Межуев В.М.* Право. Свобода. Демократия. (Материалы «Круглого стола»). // Вопросы философии. 1990. № 6.
125. *Горшков М.К.* Общество — социология — власть: к вопросу о взаимодействии // СОЦИС. 2012. № 7.
126. *Димке Д.Д.* Классики без классики: социальные и культурные истоки стиля советской социологии // СОЦИС. 2012. № 6.
127. *Фридберг И.* Драматургия истории: опасность всегда исходила только с Востока. «Независимая газета». 10 сентября 1992.
128. *Мошкин С.В., Руденко В.Н.* За кулисами свободы: ориентиры нового поколения // СОЦИС. 1994. № 11.
129. *Зубок Ю.А.* Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // СОЦИС. 2003. № 4.
130. *Антонов А.И., Лебедь О.Л.* Несовершеннолетние преступники: кто они? // СОЦИС. 2003. № 4.

131. http://news. rambler.ru/17667249/.
132. *Турен А.* Социология без общества // СОЦИС. 2004. № 7.
133. *Бауман З.* Возвышение и упадок труда // СОЦИС. 2004. № 5.
134. *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия. М.: Международные отношения, 1993.
135. *Кинг А., Шнайдер Б.* Первая глобальная революция. М.: Прогресс. 1991.
136. The World Competitiveness Report 1994. Davos, 1995.
137. *Шатурин М.* «Все граждане равны, но некоторые равнее». Записки русского эмигранта // http://www. ari.ru/doc/?20020606doc01#555.
138. *Гейзенберг В.* Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. С. 43.
139. *Шарыгин И.Ф.* О реформе образования, коррупции и геометрии // Независимая газета. 24.01.2001.
140. *Зиновьев А.А.* Гибель «империи зла» // СОЦИС. 1995. № 4.
141. *Борисов А.Б.* Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 2003.
142. *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества // СОЦИС. 1999. № 9.
143. *Ионин Л.Г.* Культура и социальная структура // СОЦИС. 1996. № 3.
144. *Шуман Г., Скотт Ж.* Коллективная память поколений // СОЦИС. 1992. № 2.
145. *Кисс Э.* Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М.: Наука. 1994. С. 147.

Научное издание

С.Г. Кара-Мурза

Между идеологией и наукой

Ответственный за выпуск: *О.А. Середкина*
Редактор: *И.В. Могилевец*
Оформление: *В.И. Карпова*
Верстка: *В.И. Карпова*

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования
107078, Россия, Москва, ул. Каланчевская, д. 15.
Тел./факс: (495) 981-57-03, 981-57-04, 981-57-09.
www.проблемныйанализ.рф
E-mail: frpc@cea.ru

Сдано в набор 03.03.2014 г.
Подписано в печать 12.03.2014 г.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Minion. Печать офсетная.
Отпечатано в типографии ГМЦ
105679, Москва, Измайловское шоссе, 44
Усл. печ. л. 15,5. Тираж 500 экз. Заказ № 656